

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

ОСТАВА
№ 52

В НОМЕРЕ:

ИЗ ИСТОРИИ НЕПРИСТОЙНОГО
БОГИНЯ УТРЕННЕЙ ЗАРИ
ГЕВЬОН В МИФОЛОГИИ

ПУТЕШЕСТВИЕ ИБН-ФАДЛАНА НА ВОЛГУ
ИСЛАНДСКИЕ СКАЗОЧНЫЕ ПЕСНИ
СТАРШАЯ И МЛАДШАЯ ДРУЖИНА

СЕВЕРНЫЙ
ВЕТЕР №52

ОСТАРА 2026

Главный редактор:

Маша Юлина (Ранхильд),
дом Веретено Фригг
(Минск — Сан-Франциско)

Редакторы:

Алина Петрова (Сигрид),
годорд Иггдрасиль
(Киев — Краков)
Алексей Глазачев (Андвари),
(Москва)
Анастасия Зимова
(Москва-Стурвик)

Верстка:

Анна Пермина

Корректор:

Esgal

Дизайн номера:

Анна и Вадим Пермины

Обложка:

Художник —

© John Bauer

Дизайн — Алина Петрова (Сигрид)

Редакция выражает благодарность за помощь при подготовке журнала: Ф.Б.Успенскому, Илье Губанову, Анне Блейз, О.А. Маркеловой, Оттару Гвюдмюндссону, Esgal, Дмитрию Даммеру, Тимофею Ермолаеву, Виталию Гришину, Евгению Папакулю, Андрею Gammal, Ивану Образцову, Alisa, Павлу Воронину, Гедеону Янг, Шамиру Алкомьяну, Алексею Гондареву.

Наши контакты:

<http://vk.com/friggerock>
Веретено Фригг

<http://vk.com/nordanvindr>
открытая группа журнала

СОДЕРЖАНИЕ

Новости	6
Люди, с которыми нам по пути	
Интервью с Esgal	21
Исследования	
Из истории непристойного Ф.Б. УСПЕНСКИЙ	28
Индоевропейский культ Зари Иван ОБРАЗЦОВ	39
Старшая и младшая дружина, юный конунг и его воспитатель. К вопросу о традиционной структуре дружины и ее управлени Илья Борисович ГУБАНОВ	46
Жанровые особенности исландских сказочных песен Евген ПАПАКУЛЬ	51
ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ	
Музей викингов в Калифорнии Мария ЮЛИНА (РАНХИЛЬД)	56
ПЕРЕВОДЫ	
Гевьон в мифологии: древнеисландские источники Кевин ФРЕНЧ Составитель и переводчик: Анна БЛЕЙЗ	68
Дорога в Хель Хильда Родерик ЭЛЛИС-ДЕВИДСОН. Перевод: ESGAL	74
Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу Перевод и комментарий, под редакцией академика И.Ю. КРАЧКОВСКОГО	78
МУЗЫКА ВЕТРА	
Оззи Осборн и его берсерки ALISA	82
Einherjer: хранители мифологического наследия в викинг-метале Андрей GAMMAL	84
ВОЛШЕБНЫЕ ИСЛАНДСКИЕ СКАЗКИ	87
РЕКОНСТРУКЦИЯ	
Обувь жителей Средней Швеции в Эпоху викингов Павел ВОРОНИН	90
ВИДЕООБЗОР	
Жертва Sacrifice, 2016 Виталий ГРИШИН	94
А боги как люди Гедеон ЯНГ	96
ТРАДИЦИОННАЯ КУХНЯ	
Кулинарное путешествие в прошлое: поваренная книга викингов Даниел СЕРРА, Ханна ТУНБЕРГ Перевод: Дмитрий ДАММЕР	100
КНИЖНАЯ ПОЛКА	
Герои и помутнение рассудка Оттар ГВЮДМЮНДССОН Перевод с исландского: О. Маркелова	102
ТВОРЧЕСТВО	
Стихотворения из книги «Торсхавн. Стихи и очерки о Фарерских островах» Автор: Ольга МАРКЕЛОВА	110
Мегингьёрд Шамир АЛКАМЯН	111
Невеста Трюма Алексей ГОНДАРЕВ	112
Арт Алина ПЕТРОВА (СИГРИД)	118

Друзья!

Сегодня нам исполняется тринадцать лет, и мы рады представить вам новый, 52 номер «Северного ветра», который мы, впад в некое хулиганское настроение, решили сделать «условным» 18+. Когда, если не сейчас, во время Остары и в преддверии головокружительного Бельтайна, позволить себе поговорить о взаимоотношениях, молодости, страсти и любви. Разумеется, все в рамках, которые может себе позволить со всех сторон приличный журнал, пишущий об истории и археологии.

В книге «Культура сексуальных отношений в Великом Княжестве Литовском в XVI-XVII веках» Наталья Слиж, ссылаясь на польского врача Казимира Имелинского, делает важное замечание: интимную жизнь невозможно рассматривать отдельно от общества, религии, уровня медицины и системы норм, традиций и запретов. С позиции тех же принципов стоит рассматривать эту тему и в эпоху викингов. И прежде чем наши глаза ползут на лоб от того, что увидел и записал Ибн-Фадлан во время своего знаменитого путешествия по Волге, стоит напомнить себе простую вещь: со своими лекалами в чужую эпоху не лезут (как ни хотелось бы).

К слову об Ибн-Фадлане. Есть тексты, которые все знают по цитатам, но почти никто не читал целиком. Так случилось и с его записками. В этом номере мы поймали себя на мысли, что «тот самый» отрывок о похоронах руса мы тоже чаще всего читали кусочками, и поэтому, аккуратно отредактировав текст по изданию 1939 года, печатаем этот фрагмент целиком.

А еще в новом номере вы узнаете, за что Локи порицает Гевьон (впрочем, кого он только в своей знаменитой Перебранке не порицает), какую индоевропейскую богиню называют богиней-любовницей и что за явные и скрытые смыслы таятся в прозвище Эйнара сына Эйндриды. Не забудьте долистать до исландских сказок, они у нас в этот раз тоже «с перчиком». Впрочем, на одной теме мы не зацикливались, и у нас полно интересных исследований и эксклюзивных материалов на любой вкус.

Ну и в конце самое время вспомнить совет Высокого:

*«Никто за любовь
никогда осуждать
другого не должен;
часто мудрец
опутан любовью,
глупцу непонятной».*

Речи Высокого. Старшая Эдда

Ну кому, как ни богу ярости и экстаза, одинаково умеющему и любить, и воевать, лучше всех разбираться в этом вопросе?

**Светлой Остары, друзья, и грядущего пламенного Бельтайна!
Жарких ночей, высоких костров, откровений и открытий,
свободы решать и свободы следовать своему Пути.**

Ранхильд, Сигрид, Андвари, Анастасия

Северный Ветер в Facebook: <https://www.facebook.com/groups/nordanvindr>

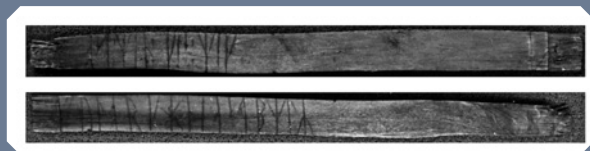
Северный Ветер в Instagram: <https://www.instagram.com/nordanvindr/>

Северный Ветер в Telegram: <https://t.me/nordanvindr>

Картотека всех материалов:

И вместо послесловия:
Любовь, написанная рунами

Руническая палочка B017
«Моя любимая, поцелуй меня»

N B644 деревянный брусок
«Я так сильно люблю жену (другого) мужчины,
что огонь кажется мне холодным.
И я — друг этой женщины. Аса»

№603, Норре Гюльскоуэн, деревянный брусок
«Я сгораю пламенем [любви] к несравненной деве
[и] день ото дня возрастаю в любви к ней... я буду
играть ласково; моя невинная дева, давай
поиграем вот так: мы оба [молоды]...»

B605, кожаный башмачок
«?? Всё побеждает любовь,
и [мы любви покоримся]»

B496, деревянный брусок
«Я так сильно люблю жену [другого] мужчины,
что [от этого] должны содрогнуться горы.
Мы — женщина [= повозка? / Эйр? {= богиня}
колец] [и я] — любим друг друга так сильно,
что [от этого] должна лопнуть [сама] земля»
«Прежде чем я откажусь от этой мудрой
женщины, ворон [станет] белым, как снег,
что лежит [на вершинах гор?]

Найденные в Швеции сокровища викингов рассказывают о переходном этапе в жизни общества

Источник:

Автор: Dario RADLEY

Перевод: Дмитрий ДАММЕР

Археологи из *Arkeologerna* — группы исследователей при шведском Музее национальных древностей — во время раскопок вдоль трассы E18 в местечке Вастманланд (*Västmanland*), длившихся в период 2021–2022 годов, обнаружили исключительные по своей ценности сокровища эпохи викингов.

Раскопки, предшествующие расширению дороги между Чепингом (*Köping*) и Вестеросом (*Västerås*), демонстрируют девять мест, в том числе погребения, поселения и места сожжения умерших, проливающих свет на то, как на протяжении более чем тысячи лет развивались представления о жизни, смерти и религии.

Клады эпохи викингов, обнаруженные в Швеции, говорят о переходном этапе в жизни общества

В качестве особенно потрясающей находки нужно упомянуть два меча, поставленные в захоронениях острием вверх — пример крайне редкой погребальной практики, предназначенной, вероятно, для символической защиты человека в посмертии или означающей его власть. Также археологи обнаружили бусины, золотые пластины, китовый ус, глиняные фишки для игры и красивую конскую упряжь. Все это прекрасно сохранилось.

В Раллсте рядом с Хальстахаммаром на небольшом холме было найдено место сожжения тел, где в ходе раскопок обнаружили следы двух крупных погребальных костров, датируемых поздней эпохой викингов. Судя по всему, холм был переделан таким образом, чтобы костры были видны издали.

Вероятно, они являлись элементом публичной церемонии погребения вождя или воина. Находки свидетельствуют о том, что эти места сожжения тел были одними из крупнейших в Швеции. Они датируются периодом, когда христианство стало приходить на смену прежним языческим традициям.

Пролежавший в земле Вестманланда (*Västmanland*) более тысячи лет меч теперь находится в надёжных руках археологов. Источник: *Arkeologerna, SHM*

В округе Мункторп (*Munktorp*), Вибю и Норртуне (*Viby and Norrtuna*) археологи обнаружили погребения поверх более древнего кургана вендельского периода; очевидно, викинги повторно использовали места, связанные с предками, демонстрируя преемственность

и родословную. Найденное в этих могилах оружие указывает на то, что похороненные там люди были элитными воинами или членами местной правящей династии. Интересно, что в одной из могил были совместно погребены мужчина и женщина, хотя связь между ними остается неизвестной.

Далее к западу, у Силты (Sylta) рядом с Чепингом, в ходе раскопок были обнаружены самое молодое шведское кладбище с надгробными камнями и место сожжения тел. Они использовались, начиная с IX века вплоть до 1200 года. В почти 30 могилах, датируемых XI веком, найдены следы сожжения лошадей вместе с их владельцами. Многие лошади имели богато украшенную упряжь, подвески и колокольчики, а это говорит о том, что демонстрация убранства лошади считалась важным символом идентичности и статуса как у мужчин, так и у женщин.

Помимо погребений археологи также обнаружили свидетельства крестьянского быта эпохи викингов: выпечки хлеба,ковки железа и фермерских занятий. Это проливает свет на повседневную активность людей наряду с величественными погребальными обычаями. Рядом с фермой викингов близ Хольесты (Häljesta) обнаружено крупнейшее в Вестманланде место с наскальными рельефами, что связывает древние традиции с жизнью средневековых поселенцев.

Результаты двухлетних раскопок представлены в недавно опубликованной книге «People, Meetings and Memories», изданной при поддержке шведского Транспортного управления (Trafikverket). Кни-

Игровые фигурки из китовой кости и обожжённой глины из Вибю/Норртунны (Viby/Norrtona).

Источник: Arkeologerna, SHM

Незабываемый момент: археологи с радостью позируют рядом с одним из стоящих мечей.

Источник: Arkeologerna, SHM

га охватывает множество аспектов, в том числе рассказывая о жизни местных сообществ в процессе перехода от язычества к христианству и от воинского общества к сельскохозяйственному.

Эти открытия демонстрируют богатство и художественную одаренность культуры викингов, одновременно отражая происходящие с обществом трансформации — некогда почитавшее своих предков, оно принимает новую веру, и следы его наследия по-прежнему присутствуют сегодня в привычном шведском пейзаже. ❖

Загадочный ритуал в необычном женском захоронении эпохи викингов в Норвегии

В Норвегии прогулка с металлоискателем привела к одной из самых интригующих находок эпохи викингов. Открытие сделали в Вале в районе Бьюгн (Val, Vjugn): в начале 2025 года археолог-любитель Рой Сёренг (Roy Søreng) обнаружил овальную фибулу. Этот тип украшений обычно связывают с женской одеждой IX века.

Необычное женское захоронение эпохи викингов

Его сообщение о находке привело на место специалистов из Научного музея НТНУ (NTNU Science Museum) и Совета графства Трёнделаг (Trøndelag County Council), и вскоре стало ясно, что фибула была лишь предвестником куда более крупной находки. Под слоем земли археологи обнаружили могилу женщины в характерном для эпохи викингов костюме.

Погребение сохранилось удивительно хорошо. На груди женщины лежали две овальные фибулы, которыми когда-то застегивались лямки верхней одежды, а рядом — небольшая круглая брошь от нижнего платья. Набор украшений подсказывает, что там была захоронена свободная женщина, вероятно,

замужняя, возможно, хозяйка местной усадьбы.

Однако от традиционных дохристианских захоронений это погребение отличается одной деталью. На рот женщины положили две раковины морского гребешка выпуклой стороной наружу, а ровные края свели вместе, словно сомкнув их в защитный «кожух». Подобный обряд не зафиксирован в других захоронениях того же времени, и его смысл пока остаётся неясным. Кроме того, вдоль могилы обнаружили мелкие кости птицы, главным образом кости крыльев, аккуратно разложенные в определённом порядке. Это придаёт ритуалу ещё больше символизма, смысл которого исследователи всё ещё пытаются разгадать.

Загадочный ритуал

Археологам пришлось работать быстро: могила была под угрозой уничтожения из-за будущих сельскохозяйственных работ. Ранее на этом же участке исследователи нашли ещё один удивительно хорошо сохранившийся скелет, датируемый VIII веком. Близость двух захоронений наводит на мысль, что эту землю использовали на протяжении нескольких поколений как важное семейное или общинное кладбище. Предстоящее ДНК исследование поможет определить, были ли эти люди родственниками.

Культурная значимость и научный потенциал находки побудили норвежское Национальное управление по охране культурного наследия выделить на раскопки внеочередное финансирование. Археолог Ханна Гейран (Hanna Geiran) не скрывает энтузиазма: «Это невероятно захватывающее открытие. Крайне редко в древних могилах удаётся найти столь хорошо сохранившиеся останки». Специалисты изучат возраст женщины, состояние её здоровья и возможные причины смерти, а также займутся реставрацией материальных находок.

Археологи за работой

Искусно выполненная овальная фибула, найденная в могиле

Загадка раковин морского гребешка пока остаётся без ответа. В Средневековье такие раковины приобрели выраженный религиозный смысл, связанный с культом апостола Иакова, но их появление в более раннем языческом захоронении совершенно уникально.

То, как именно раковины были уложены на рот, может намекать на обрядовый жест, связанный с молчанием, речью, дыханием, или же на подношение перед «дорогой», смысл которого исчез с приходом христианства.

Ответ, если он вообще появится, придётся ждать до завершения научных исследований и новых находок, которые помогут понять, что именно стояло за этой необычной практикой. А пока женщина из Бьюгна хранит свою тайну, более тысячи лет укрытую землёй Валя. ❖

Источники:

1. <https://archaeologymag.com/2025/11/unusual-viking-woman-burial-in-bjugn-norway/>

Автор: Dario Radley

2. <https://www.labrujulaverde.com/en/2025/11/remains-of-a-9th-century-viking-woman-found-buried-with-scallop-shells-in-her-mouth-an-unknown-and-puzzling-ritual/>

Автор: Guillermo Carvajal

3. Фото: Раймонд Соваж (Raymond Sauvage), Университетский музей НТНУ

Перевод и компиляция: Мария Юлина (Ранхильд)

Фигурки эпохи викингов были не просто амулетами: новый анализ раскрывает их реальное предназначение

Антропоморфное искусство далёкого прошлого по-прежнему захватывает воображение исследователей. В археологии эпохи викингов изображения человеческого тела порождают множество вопросов, в том числе: что символизируют эти антропоморфные фигуры? Представляют ли они северных богов и других мифологических персонажей? Можно ли их «вписать» в привычную линейку образов: воинов, конунгов, жрецов? Однако чрезмерное увлечение «символизмом» может стать «опасно соблазнительным» (Weismantel & Meskell 2014: 234) и привести к тому, что иные направления исследования оказываются в тени.

Исследование, опубликованное в журнале *Antiquity*, предлагает новый взгляд на судьбу антропоморфных фигурок эпохи викингов: от момента их изготовления до утилизации (захоронения). Вместо того чтобы рассматривать эти предметы исключительно как символические изображения богов, воинов или других мифологических существ, исследователи изучили их как обычные материальные объекты, которые на протяжении срока службы использовались людьми в повседневной жизни.

Исследование было сосредоточено на десяти миниатюрных фигурках эпохи викингов, выполненных из бронзы или серебра и в данный момент хранящихся в коллекции Шведского исторического музея. Среди них были так называемые «валькирии», одна сидящая фаллическая фигура, уникальная фигурка беременной женщины и изображение головы.

Десять антропоморфных фигурок эпохи викингов
(O. Myrin, Swedish Historical Museums, CC BY 4.0)

Аскайская голова (слева) и фигурка из Рэллинге (справа).
Фото O. Myrin, Swedish Historical Museum

Чтобы понять, как эти предметы создавались, использовались, да и просто держались в руках, команда исследователей применила микроскопический анализ следов износа и метод Reflective Transformation Imaging (RTI). Эти техники помогают детально изучить поверхность и выявить мельчайшие царапины, изломы и полировку, что в свою очередь позволяет реконструировать «живую» историю этих объектов.

Результаты показали, что многие фигурки проходили многоступенчатый процесс изготовления, а не были созданы «одним махом» в результате, например, литья. То есть металл сначала отливали, а затем отдельные детали фигурок дорабатывали, вносили изменения или дополнения, причём качество проработки иногда заметно различалось от элемента к элементу.

Похоже уже на этапе литья принимались решения о том, какие черты подчёркивать, а какие сглаживать. В исследуемой группе из десяти предметов лица, как правило, проработаны довольно схематично, тогда как одежда передана значительно подробнее. Это наводит на мысль, что для таких фигурок важнее были какие-то конкретные признаки, та же одежда или оружие, чем само изображение в целом.

Особенно выделяется фигурка из Рэллинге (O3). После литья её поверхность сгладили абразивом, а затем с помощью молотка и пуансона¹ подчеркнули отдельные элементы, в том числе бороздки под глазами и спирали на спине. В некоторых местах внутренние поверхности бороздок позднее снова выровняли абразивной обработкой. При этом орнамент выполнен неравномерно: на правом плече двойная спираль выглядит незавершённой, на левом — только одна, а на поясице вместо спиралей обозначены лишь изогнутые линии. Такая вариативность может указывать на то, что к фигурке возвращались несколько раз, добавляя детали в разные моменты времени. Что еще раз подтверждает высказанное предположение, что процесс создания мог быть растянут во времени и включать несколько подходов, а не представлять собой линейную последовательность «сделали — использовали».

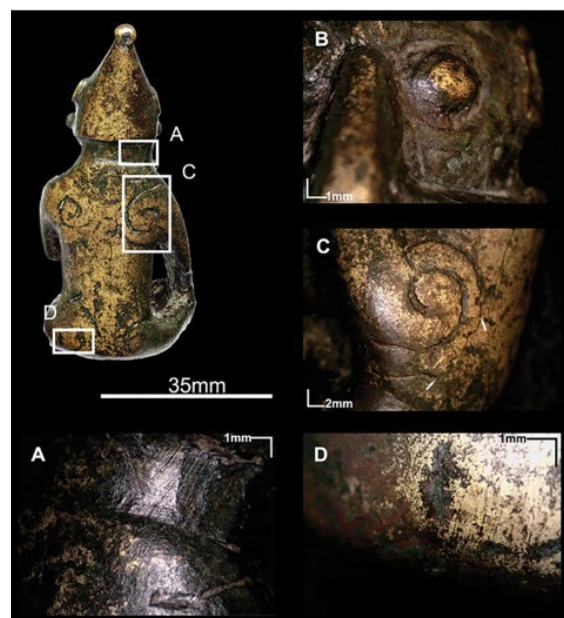
Девять фигурок из десяти были снабжены подвесными петлями или отверстиями, то есть изначально были рассчитаны на крепление к одежде, шнурам или другим предметам. Чтобы понять, как именно эти предметы носились в реальной жизни, были изучены микроскопические следы износа на петлях и отверстиях. Результаты показали большое разнообразие способов крепления. А у трёх предметов (O5, O7 и O10) вовсе отсутствуют следы ношения на петлях, что говорит об их минимальном использовании как подвесок.

В то же время у двух «валькирий» (O5 и O6) обнаружены фасетки между ступнями, что может указывать на то, что они крепились за нижнюю часть. Возникает вопрос: могли ли эти миниатюры подвешиваться вверх ногами? У трёх предметов петли сломаны (O1, O5 и O9), хотя невозможно точно сказать, произошло ли это в процессе использования

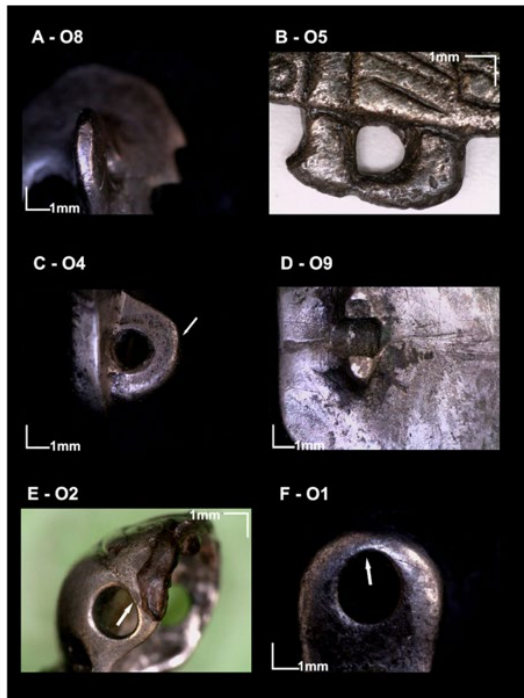
Карта, показывающая расположение находок (иллюстрация К. Эриксен).

Источник: М. Н. Eriksen и др., *Antiquity* (2025).

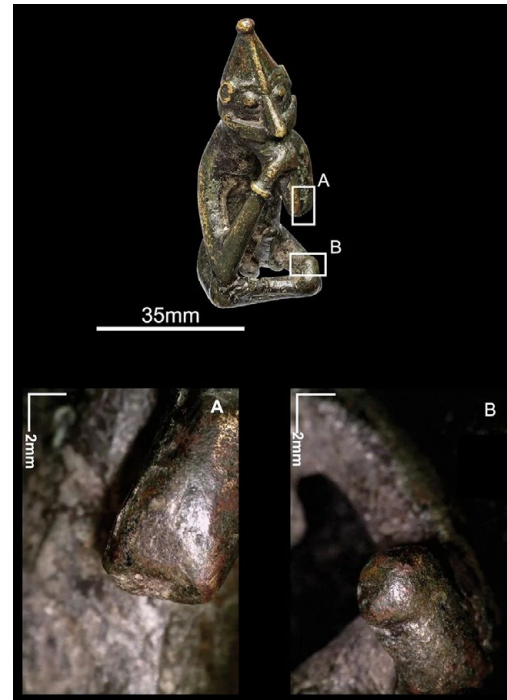

Следы микроскопического износа на фигурке из Рэллинге: А) технологические штрихи от изготовления; В) бороздка под глазом; С) незавершённая спиральная бороздка на верхней части спины; D) одиночная изогнутая линия на нижней части спины (схема: С. Tsoraki; фото фигурки из Рэллинге: О. Myrin, Swedish Historical Museums, CC BY 4.0).

¹ Пуансон — инструмент для точечной чеканки, с помощью которого на поверхности металла формируют бороздки и рельеф — прим. ред.

Микрофотографии с примерами элементов крепления

Следы повторной обработки на фигурке из Рэллинге (схема: С. Tsoraki; фото фигурки из Рэллинге: О. Myrin, Swedish Historical Museums, CC BY 4.0).
Источник: М. Н. Eriksen и др., *Antiquity* (2025)

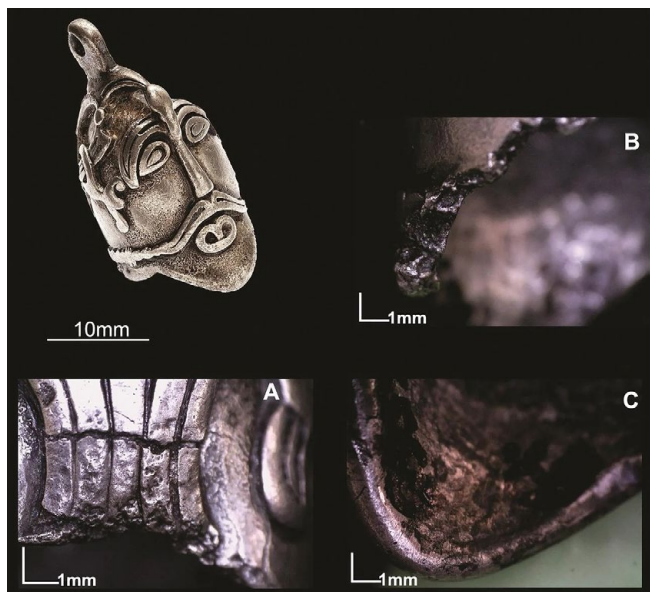
или уже после того, как они попали в землю. При этом на петле О9 зафиксированы поперечные штрихи, которые свидетельствуют о том, что фигурку, скорее всего, привязывали к чему-то, а не носили как подвеску. У двух фигурок также заметно частичное сплющивание петель, что говорит о креплении к твёрдым поверхностям, а не к мягким материалам вроде ткани или кожи. Таким образом, универсальная трактовка этих предметов как украшений для ношения плохо согласуется с полученными данными и заставляет задуматься, что не все фигурки использовались в повседневной жизни. Некоторые могли быть изготовлены специально для погребения или подношений.

Исследователи обнаружили и признаки намеренных изменений. У хорошо известной фигурки из Рэллинге (О3) была сломана рука, а затем место перелома аккуратно сгладили: значит, предмет не просто повредили, но и заново «привели в форму». Мы не можем с уверенностью сказать, была ли эта поломка случайной или преднамеренной, однако выбор не восстанавливать и не заменять сломанную руку, а именно сгладить место излома, выглядит осознанным.

Еще одним примером намеренных изменений служит голова из Аски (О1). Долгое время считалось, что она представляет собой законченный образ и, возможно, служила навершием посоха вельвы. На самом же деле, судя по следам от ударов, голова была отделена от более крупной фигурки, причем скорее всего преднамеренно, а не случайно. Что произошло с остальной частью тела и как оно выглядело первоначально, остаётся неизвестным. В отличие от фигурки из Рэллинге (О3), здесь, по-видимому, не прилагали особых усилий для сглаживания краёв разлома. Возможно, это сочли несущественным, а возможно, сам акт «обезглавливания» был важной частью истории предмета, и следы этого намеренно не скрывали.

Такие вмешательства показывают, что с миниатюрами продолжали работать и после изготовления: их не просто хранили как «вещь в себе», а переосмыслили их функции и вносили соответствующие изменения.

Финальный этап «жизненного пути» этих фигурок тоже не так прост, как может показаться на первый взгляд. Шесть из десяти предметов нашли в могилах — их положили рядом с человеческими

Следы микроследового износа на голове из Аски:
А–В) следы от ударов у основания головы;
С) гладкая обработка внутреннего ребра подбородка
(схема: С. Tsoraki; фото головы из Аски: О. Myrin, Swedish
Historical Museums, CC BY 4.0).
Источник: М. Н. Eriksen и др., *Antiquity* (2025)

захоронениями. Другие были частью кладов или просто одиночными находками. Всё это говорит о том, что фигурки были не просто украшениями. Они участвовали в ритуалах и погребальных практиках, служили как символ памяти, а также использовались как материальные вложения.

Сместив фокус с сугубо символического толкования антропоморфных фигурок на следы их использования в реальной жизни, исследователи по-новому интерпретируют их предназначение, отходя от привычной типологии, в рамках которой подобные предметы чаще всего определяли как амулеты или изображения мифологических персонажей.

Авторы подчёркивают: если анализировать такие вещи через их материальную «биографию», а не через ожидания, продиктованные устоявшимися теориями, мы получаем более надёжное представление о том, как люди в мире викингов взаимодействовали с этими рукотворными предметами. ❖

Источники:

1. Eriksen, M. H., Marshall, B., Aslesen, E., & Tsoraki, C. (2025).

Viking body-making: new evidence for intra-action with iconic Viking anthropomorphic 'art'. *Antiquity*, 1–19

2. *Viking figurines were more than amulets: new analysis reveals their real roles* by Dario Radley

<https://archaeologymag.com/2025/11/viking-figurines-were-more-than-amulets/>

Перевод с английского и компиляция: Мария ЮЛИНА (РАНХИЛЬД)

Восьмилетняя девочка нашла пряжку эпохи заселения Исландии во время летнего путешествия с семьёй

Источник:

Автор: Анна Лилья ТОУРИСДОТТИР
Перевод с исландского:
О.А. МАРКЕЛОВА

Фонд Национального музея Исландии пополнился новым экспонатом: восьмилетняя девочка передала музею пряжку от ремня эпохи викингов, которую нашла на берегу моря. Ежегодно в музей поступают десятки экспонатов от людей, которые натываются на них случайно.

Восьмилетняя Валькирья Клеменсдоттир (Valkyrja Klemensdóttir) этим летом отдыхала на даче на Акрар в Мирар (Akrag, Mýrar). Однажды ей было нечем заняться, и она пошла на берег моря поискать красивых камешков — она их коллекционирует.

Валькирья с пряжкой, которую она передала Национальному музею

Больше интересовали кристаллы

«И вот я нашла какую-то кость, — отвечает Валькирья на вопрос, как всё произошло. — Я иногда и птичьи косточки собираю, так что я её подобрала. Принесла домой вместе с разными ракушками и камешками. Меня больше интересовали какие-нибудь кристаллы. Затем я высыпала всё на стол, и все начали разглядывать. И вдруг всех больше заинтересовало это — а не то, что было интересно мне».

— А почему ты её подобрала?

— Я увидела, что в ней есть маленькая дырочка, мне это показалось странным, и я решила получше рассмотреть её дома.

Пряжка, которую обнаружила Валькирья

Дядя Валькирьи увидел, что перед ними археологическая находка, и сообщил о ней Отделу культурного наследия (Minjastofnun). Валькирья рассказала, что ждала ответа оттуда с большим нетерпением.

— Почему с большим нетерпением?

— А мне не терпелось узнать, настоящая ли это археологическая находка.

Так оно и оказалось: самая что ни на есть настоящая.

Уникальная находка

«Эта находка уникальна. Когда люди находят что-нибудь буквально у себя под ногами, мы называем это «отдельными находками», — говорит Харпа Тоурсдоттир, сотрудница Национального музея. — Этот предмет эпохи викингов, начала времён заселения Исландии. Мы датируем его IX или X веком».

На одной стороне пряжки вырезан узор в так называемом стиле Борре, распространённом в скандинавских странах в IX-X вв. Согласно данным Национального музея, в Исландии таких пряжек прежде не находили, но похожие пряжки обнаруживались при раскопках в Йорке и Гудманхаме в Англии.

Харпа рассказывает, что когда находки поступают в музей подобным образом, их регистрируют, фотографируют, а затем их рассматривают учёные. На вопрос о том, будут ли более детально исследовать местность, в которой была сделана находка, Харпа отвечает, что в планах Отдела культурного наследия это есть. Когда Валькирья и её родные сообщили о находке, специалисты Отдела выехали на место и стали изучать окрестности.

Рунар Лейвссон из Отдела культурного наследия, Валькирья Клеменсдоттир и сотрудница Национального музея Харпа Тоурсдоттир в момент передачи пряжки.

Обязаны сообщать об обнаружении археологических находок

Валькирья официально передала свою находку Национальному музею, где она заняла почётное место в витрине.

Каждый год в Национальный музей поступают десятки находок, сделанных случайно, и некоторые из них уникальны — как пряжка, найденная Валькирьей.

Харпа призывает всех, кто найдёт какую-либо вещь, которую считает старинной, связаться с Отделом культурного наследия или Национальным музеем: по закону, всякий, обнаруживший археологическую находку, обязан сообщать об этом. «Каждый год находят несколько десятков таких вещиц», — рассказывает она.

Порой такие вещицы просто теряются в жилищах. В качестве примера Харпа приводит одну находку, переданную музею недавно, которую обнаружили более 60 лет назад и которая всё это время пролежала в очень укромном месте в доме нашедшего.

А Валькирья готова поделиться полезным советом для детей (и взрослых), которые нашли что-нибудь старинное и не знают, что с ним делать: «Просто пошлите сообщение Отделу Культурного наследия Исландии и попросите родителей помочь выяснить, считать это археологической находкой или нет».

Возможно, в Англии нашли могилу легендарного датского конунга-викинга

Источник:

Автор: Фредерик Гай Хофф Сонне
Перевод с датского:
О.А. МАРКЕЛОВА

Британский археолог утверждает, что напал на след кровожадного викинга Ивара Бескостного.

Легенды гласят, что его воины носили его на щите, а он в это время поражал стрелами из лука неприятелей и мифических зверей.

Ведь Ивар Бескостный, если верить древнескандинавским сагам, родился с хрящами вместо костей в обеих ногах.

Однако, по легенде, Ивар в итоге всё равно стал конунгом-викингом, прославленным полководцем, покорившим Англию, Швецию и Италию.

История Ивара также получила широкую известность благодаря телесериалу «Викинги», где кровожадного воина играет датский актёр Алекс Хёг Андерсен (Alex Høgh Andersen).

Сейчас британский археолог-любитель Стив Дикинсон заявляет, что напал на след захоронения этого датского викинга, о чём он рассказал «Би-Би-Си» и «Юлланс-Постен».

Стив Дикинсон считает, что Ивар Бескостный в своём викингском корабле похоронен в королевском кургане на побережье Камбрии в северной Англии.

«Ивар — фигура, окружённая ореолом загадочности», — рассказывает порталу Videnskab.dk археолог, специалист по эпохе викингов Мадс Равн.

«Какой-то Ивар определённо существовал, но чтоб доказать, что здесь похоронен именно он, требуются доказательства совсем особого рода», — говорит он.

Поэтому, если британский археолог сможет обосновать свою догадку, это будет впечатляюще.

Куски кораблей, свинцовые гирьки и серебряный клад

Курган в Камбрии насчитывает примерно 60 метров в диаметре и шесть метров в высоту. Его обнаружили в августе 2024 года.

Затем Стив Дикинсон при помощи металлоискателя и исследований грунта сделал ряд находок, на которых и построил свою гипотезу.

В частности, он обнаружил следы корабля в виде «очень больших кусков корабля», как Стив Дикинсон рассказал «Би-Би-Си».

Вдобавок он обнаружил свинцовые гирьки, вероятно, применявшиеся, чтоб взвешивать серебро: по соседству также был обнаружен серебряный клад.

Здесь находится предполагаемое захоронение. Чтобы защитить это место, точные координаты кургана в Камбрии, считающегося могилой Ивара Бескостного, пока что держат в тайне

Вокруг большого кургана расположены 39 малых, могущих, по мнению археолога, принадлежать дружинникам, подчинённым и членам семьи Ивара.

«Это действительно интересно: целое викингское кладбище близ побережья Камбрии, способное занять археологов на годы вперёд», — рассказывает Стив Дикинсон «Би-Би-Си».

Иллюстрация из средневекового манускрипта XV века, представляющая, очевидно, вторжение Ивара Бескостного и его брата Уббе в Англию. Однако на этой иллюстрации ноги Ивара отлично функционируют

Неопровержимых доказательств нет

Мадс Равн из музея Мосгор (Moesgaard) согласен, что это захоронение, очевидно, принадлежало важному лицу:

«В кораблях погребали только очень значительных персон. Так что, похоже, он напал на след интересной археологической находки. Не каждый день встретишь захоронение эпохи викингов в ладье», — заявляет Мадс Равн.

Однако датский археолог утверждает, что сейчас у нас нет никаких доказательств, что это захоронение принадлежит именно Ивару, погибшему в 873 году.

«В 800-е годы в Англию отправлялось очень много датских викингов, и Ивар в их числе. Но у нас нет никакого «smoking gun», недвусмысленно указывающего на то, что здесь обнаружена именно могила Ивара».

Королевское звание в те времена было не настолько «защищённым», как сейчас. Многие именитые персоны, обладавшие богатствами и имевшие земельные владения и людей в подчинении, вполне могли решить называть себя конунгами», — объясняет Мадс Равн.

Письменные источники изображают Ивара конунгом Дублина, а также повествуют о его сражении с колдовскими коровами.

Викинги не особенно заботились о том, чтобы записывать свои деяния для потомков.

«Однако имя Ивара мелькает в разных источниках и фигурирует довольно во многих местах», — рассказывает Жаннетте Варберг (Jeannette Varberg), исследовательница викингов, археолог и хранитель фондов Национального музея Дании, радиопередаче P1 Morgen. «Если суммировать все места, в которых он появляется, то есть смысл утверждать, что в 800-х годах существовал конунг по имени Ивар», — говорит она. В ирландских монастырских анналах хёвдинг датских викингов Ивар характеризуется, в частности, как конунг Дублина примерно с 853 г. до своей смерти в 873 г.

Великий датский историк Саксон Грамматик в своих трудах ок. 1200 г. упоминает Ивара несколько раз. Там Ивар описывается как сын датского конунга-викинга Рагнара Лодброка. Но физическая инвалидность Ивара там не упоминается.

Лишь в «Саге о Рагнаре Лодброке» — древнескандинавской саге, записанной в XIV веке, рассказывается это предание о легендарном бескостном Иваре. Также там описывается, как он сразил неистово ревущих колдовских коров в Витбю в Англии и в Уппсале в Швеции.

Также в этой саге сообщается, что Ивар вместе со своими братьями Уббе, Хвитсерком, Сигурдом Змей-в-глазу, Хальвданом и Бьёрном Железный бок отправился в Англию мстить за отца, Рагнара Лодброка, которого английский конунг бросил в змеиный ров.

Место соответствует историческим источникам

Стив Дикинсон рассказывает, что в процессе чтения обнаружил множество деталей, по его мнению, говорящих в пользу того, что Ивар лежит в камбрийской земле.

С точки зрения Стива Дикинсона, в древнескандинавской «Саге о Рагнаре Лодброке» сообщается, что Ивар Бескостный был погребён в 873 году в кургане близ границы Англии.

Камбрия как раз граничит с Шотландией на севере, а Ирландское море на западе отделяет её от Ирландии.

Согласно ирландским монастырским анналам, Ивар как раз был конунгом Дублина примерно с 853 г. до самой своей смерти в 873 г.

«Место его последнего упокоения как раз соответствует этому: оно обращено в сторону его последних владений в Дублине по ту сторону Ирландского моря», — высказывается Стив Дикинсон газете «Юлланс-Постен».

Он рассказывает, что, если верить ирландским анналам, брат Ивара Олав был сыном конунга, владевшего низменными землями, которые, по мнению Стива Дикинсона, могут напоминать камбрийское побережье.

«Ставки чертовски высоки»

Мадс Равн утверждает, что для того чтобы «привязать» это захоронение к Ивару, необходимо гораздо больше.

«Требуется или найти прямое доказательство: кольцо или меч, на котором начертано имя Ивара. Но это практически невозможно, ведь викинги не пользовались письмом повсеместно, хотя руны и знали. Или можно начать с анализов ДНК и стронция, которые покажут, что это викингское захоронение можно соотнести с выходцами из Скандинавии», — объясняет Мадс Равн.

Датские исследователи эпохи викингов объясняют, что «привязать те или иные захоронения к викингским конунгам весьма сложно».

«Ближе всего мы подходим к этому в Йеллинге, где у нас есть понятие, что в Северном кургане похоронен Горм Старый. Но мы в этом не уверены. Мы считаем так лишь потому, что об этом написал на руническом камне Харальд Синезубый».

Исследовательница эпохи викингов Жаннетте Варберг также настроена скептически:

«Может, это и Ивар, однако ставки на него чертовски высоки», — высказывается Жаннетте Варберг (Jeannette Varberg), исследовательница викингов, археолог и хранитель фондов Национального музея Дании, в радиопередаче P1 Morgen.

Тут же она напоминает, что первым делом надо доказать, что в том кургане в Камбрии находится именно викингское захоронение.

После этого надо обосновать, что оно датируется примерно 873 годом — годом смерти Ивара. Вдобавок нужно найти в нем скелет и «бирку с именем «Ивар».

«Независимо от того, Ивар это или кто-то другой, курганное захоронение произведёт большую сенсацию, и тогда я надеюсь, что мы что-нибудь обнаружим», — уверяет Жаннетте Варберг.

Стив Дикинсон делится с «Юлланс-Постен» своими планами продолжать исследования этой территории в Камбрии, после чего не помешало бы произвести более масштабные раскопки и подвергнуть находки анализу ДНК и изотопному анализу.

Не хватает ему для этого лишь одного: дополнительных денежных средств.

Рунический камень в Витачеве на Киевщине

Министры иностранных дел Украины и Норвегии Андрей Сибига и Эспен Барт Эйде открыли в Витачеве на Киевщине копию рунического камня в честь погибшего при правлении Ярослава Мудрого викинга Торальда. Надпись на камне гласит: «Энгли установил этот камень в память о своем сыне Торальде, погибшем в Витахольме — между Устахольмом и Гардари».

В производстве камня участвовали МИД Норвегии, Министерство культуры и равенства Норвегии, Музей истории культуры Университета Осло и Ассоциация кораблей викингов Hardraade.

В издательстве МИФ вышла новая книга Елены Мельниковой «Мифология викингов. От кошек Фрейи и яблок Идунн до мировой бездны и «Сумерек богов»

Книга в популярной форме освещает мифологические представления скандинавов-язычников в их развитии от древнегерманского времени до эпохи христианства.

Скандинавы, как ни один другой народ средневековой Европы, сохранили память о своем языческом прошлом вплоть до XIII в., когда были записаны древние песни «Старшей Эдды» о богах и героях и создан уникальный учебник скальдической поэзии «Младшая Эдда». Эти памятники донесли до нас картину мифологического мира от его происхождения до гибели и последующего возрождения.

Этот мир, полный жестокости и поэзии, по сей день сохраняет свое очарование, а его боги и чудовища не сходят с экранов и страниц фэнтези. В книге вы встретите Одина и Тора, Фрейра и Локи, услышите эхо битв и песен скальдов, узнаете о языческих святилищах и ритуалах викингов и о том, как древние верования влияли на общество, культуру и искусство христианской Скандинавии.

«Сохранение исторической памяти имело большое значение для исландского общества: она объединяла переселенцев и стала одним из главных слагаемых в создании его идентичности. В первую очередь это была память о дохристианском прошлом: как о деяниях предков, так и об их верованиях и обычаях. Конечно, в XIII–XIV вв. все исландцы были христианами уже не в первом поколении, и момент принятия христианства на альтинге 1000 г. служил точкой отсчета «нового времени». Однако языческое прошлое не порицалось и не отвергалось: оно воспринималось как естественная часть жизни предков, и потому память о нем продолжала сохраняться в устной, а затем и в письменной форме. Языческие обряды и ритуалы осуждались церковью, и авторы саг избегают рассказов о них, как и упоминаний языческих богов, но временами — когда этого требует сюжет — сообщают и о некоторых ритуалах (например, во время пиров), и о святилищах (например, о святилище, построенном первопоселенцем Торольвом: см. главу 8), и о богах (например, об «идоле» Тора: см. главу 9). Трудно сказать, насколько точно устная традиция донесла до писателей XIII в. языческие верования и обрядность, однако археологические исследования последних десятилетий подтверждают многое из рассказанного в сагах.

Сохранялось в обществе и знание мифов о богах языческого пантеона. Это знание, с одной стороны, было частью культурного наследия исландцев и как таковое высоко ценилось. С другой стороны, оно поддерживалось скальдической поэзией, поскольку значительная часть кеннингов основывалась на мифологических сюжетах и понимание кеннинга, а значит, и всего стиха требовало от слушателей свободного владения этими сюжетами. Например, кеннинг «волосы Сив», обозначавший «золото», актуализировал миф о том, как карлики изготовили золотые волосы для Сив, жены Тора, а кеннинг «владелица кошек» относился к богине Фрейе: ее повозку везли кошки. Поэтому языческая мифология, в отличие от обрядности, оставалась актуальной и востребованной и в христианское время.

Е. Мельникова

НОВОСТИ

Заказать книгу можно здесь:

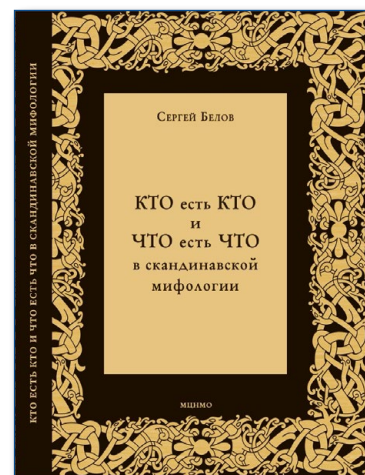
В издательстве МЦНМО вышла новая книга С.А. Белова «КТО есть КТО и ЧТО есть ЧТО в скандинавской мифологии»

В предлагаемом читателю энциклопедическом словаре представлено по возможности подробное лексикографическое описание мира скандинавского языческого мифа.

Издание основывается на исследованных к настоящему времени текстах средневековых письменных источников: скальдической и эддической поэзии, трудов Снорри Стурлусона, литературы саг, хроник и иных. По мере необходимости привлекаются и результаты работ по истории, культуре и религии эпохи Средневековья, иных смежных наук. Книга будет интересна как специалистам в области медиевистики: историкам, филологам, культурологам, так и широкому кругу интересующихся скандинавской мифологией.

«Без знакомства с нею [со скандинавской мифологией] невозможно достичь понимания не только всей средневековой культуры данного региона, но и многих современных явлений: распространенных в Скандинавии верований, обычаев или речевых оборотов, таких религиозных течений, как северное неоязычество, а также феномена массовой культуры новейшего времени, раз за разом обращающей к персонажам и сюжетам скандинавских мифов».

Белов С.А.

Заказать книгу
можно здесь:

Беседовала
Маша ЮЛИНА (РАНХИЛЬД)

Интервью: Esgal

*Друзья!
У нас сегодня совершенно особенный
и очень дорогой нам гость:
старинный друг журнала, наш
бессменный (со второго номера)
корректор, переводчик с английского,
неудержимый путешественник
и один из «старичков» движения
русскоязычного Асатру ESGAL.*

Расскажи несколько слов о себе. Сколько лет ты уже в Традиции, с чего начинался твой Путь?

Сложно сказать. Не было так, что произошло нечто и осенило. Все начиналось с ролевых игр. Появились новые друзья, и оказалось, что они чтят асов. Без фанатизма и реконструкций, просто уважают. Как-то постепенно и я проникся уважением. Это всё было в 90-е. Когда в 2004-м попал на форум «Асатру» и познакомился с петербуржцами, которые тогда как раз организовывались, раз-виртуализация и присоединение произошло естественным образом. Тогда и стал вникать более глубоко, изучать первоисточники, размышлять.

Расскажи про выбор твоего имени в Традиции. Как оно стало твоим?

Имя не из Традиции, оно из Толкиена, польфийски означает «тайный». Так — по первой роли — меня запомнили в игровой среде, ник прижился, действительно стал именем, и я не видел смысла что-то менять.

Ты раньше был жителем большого города, но решил поменять городскую жизнь на

жизнь поближе к природе. Изменились ли твои взаимоотношения с миром и понимание Традиции после такого переезда? Одна из наших предыдущих гостей писательница-фольклорист Александра Баркова¹ утверждала, что «обряды не работают в городе» и «чтобы почувствовать себя в традиции — нужно из города выбираться». Поскольку тебе есть с чем сравнить, скажи, ты согласен с этим утверждением?

Не соглашусь. Традиция (как и разруха) не в местности, она в голове. В городе просто негде проводить большие обряды, но если цель — не красочно зарезать барана возле костра, а потом нажраться большой компанией, то обратиться к асу/асинье, поговорить, оказать почтение можно и в своей квартире у собственного алтаря. Результат общения зависит от тебя: не от антуража (который конечно помогает, но не более того), а от четкости твоего намерения. Также никто не мешает выехать в лес и провести ритуал на природе, если

¹ Северный ветер, 34-й номер, 2021.

так проще отстраниться от «информационного шума» и «сменить реальность». Насчёт «почувствовать себя в Традиции», то это, вообще-то, постоянное, а не дискретное состояние. Иначе адепт не отличается от «христианина выходного дня», есть такое понятие.

В отношении с миром... не вижу, чтобы что-либо изменилось. «Лесным» я и был, «сельскохозяйственным» так и не стал, скорее, «практикующим выживание» (survival). Рефлексируют некогда особо, надо пахать.

С А еще Александра в том же интервью сетовала на характер домовых: «хороший домовый только в киоске в виде сувенира продается», и те, кто когда-либо с деревенским домовым сталкивался, знают

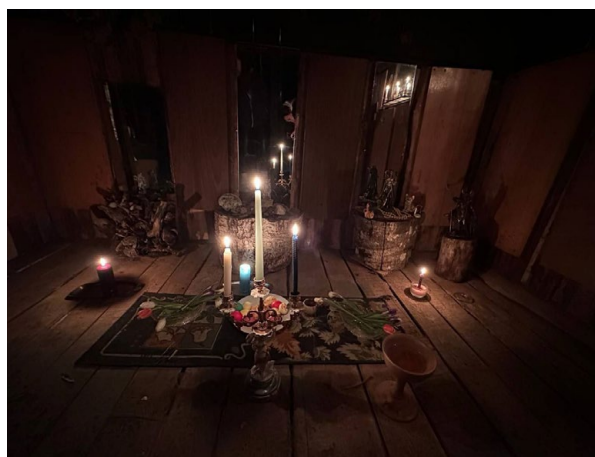
какой у него «непредсказуемый характер». Расскажи, а в твоём доме живет домовый? Вам как — удалось подружиться?

Ой, домовый — это песня! Конечно в частном доме «с историей» (а мой строили ещё пленные немцы) он есть, и сколько мелких пакостей сотворил, пока я не просёк его фишку. Мой домовёнок оказался пьяницей! Не знаю, кто из прежних хозяев его приучил. Но теперь достаточно не забывать поделиться с ним «вкусненьким» в праздники — и всё в порядке.

С Расскажи, пожалуйста, про свой домашний хоф. Изменилось ли что-то в пространстве после его возведения? Стали ли Праздники Колеса Года более «осмысленными», когда они проводятся в специально отведенном для этого месте? Какие советы ты можешь дать тем, кто только собирается возвести свой хоф?

Идея устроить личное капище возникла одновременно с приобретением дома. Думал притащить большой валун из Каннельярви (специфическое местечко на Карельском, можно сказать «моё»), поставить меж яблонь и превратить в алтарь, но не сложилось. Зато среди дворовых построек оказалась недостроенная баня: домик готов, только печи не было. Её я и «переназначил». Где-то в то же время друзья начали дарить мне на дни рождения статуэтки богов — по их выбору. Так за несколько лет стал складываться небольшой пантеон. Сейчас в нем Один, Тор, Фрейя и Локи. К выходу номера появится кто-то ещё, не знаю, кто это будет (улыбается).

Соблюдать аутентичность я не пытался, исходил из того, что есть. А были стены, крупные

пни и зеркала (целая стопка). Украшения собирались в самых разных местах: кованые листики — в наследстве прежних владельцев, рога — подобраны на могильнике под Воронежем, самоцветные камешки на алтари — из моей обширной минералогической коллекции. Есть даже камни, привезенные из Норвегии (специально мне привезли и подарили), и кусок лавы (с Камчатки, правда, но неважно, все равно «подземный огонь»). Также пригодились рукотворные украшения как моей работы, так и наследственные (по семье).

Праздники стали более упорядоченными, если так можно сказать, теперь я отмечаю все точки Колеса. Ритуал в хофе в целом устоялся, но праздники разные, и к нему добавляется и костёр во дворе, и символическое вскапывание грядки на Имболк, и фейерверк на Йоль, и шашлык на пиру.

На окружающее пространство это не повлияло, а в самом помещении чем дальше, тем яснее чувствуется «фокус внимания», да и явные знаки присутствия (теофания) наблюдались. Например, восхваляем Одина, а над его алтарем вороновы перья колышутся, хотя дверь закрыта и сквозняка нет, пламя свечей спокойно. Там легко можно выйти на общение с любым из богов, не обязательно из наличных кумиров. Как «переговорный пункт» хоф функционирует замечательно для любого, кто за этим туда придёт. Собственно, это я и хотел сделать.

Да какие советы? У всех возможности разные. Если кто может построить дом по типу древних — замечательно, нет — не беда. Пространство становится «особенным» благодаря совершаемым там действиям, «намоленность» имеет свойство накапливаться. И поделюсь практическим: зеркала очень хорошо показали себя в усилении освещения. Оно свечное, в результате свет переотражается много раз, и не нужно шарашиться в темноте. Можно даже снимать.

§ К слову о праздниках Колеса Года. Есть ли среди них какие-то особенно значимые лично для тебя?

Особенный, конечно, Самайн. Ещё с 90-х мы на эту ночь выезжали компанией в Каннельярви, жгли костер всю ночь, возносили хвалы богам, Высокому в первую очередь, говорили «о странном». Шли годы, менялся состав, менялись действия, но обычай продержался больше 20 лет. Только сейчас народ стал «стар и ленив», появился хоф, и теперь приезжают ко мне. Романтики стало меньше, комфорта больше.

§ Почитаешь ли какого-либо бога более остальных?

Мне более близок Странник (именно в такой коннотации). Отношения давние и взаимные, собственно, на Соловки я по его делам ездил. А уважаю, конечно, всех.

§ Давай поговорим о Традиции. В своей статье «Самайн и личный гнозис»² ты подробно затрагиваешь взаимоотношение Традиции и современного мира и пишешь, что «магия работает здесь и сейчас, потому что так, как она это делала 1000 лет назад, она уже не работает». Но есть же какие-то неизменные величины в нашем мире (например, сила притяжения, скорость света), так почему магия — это величина относительная, на твой взгляд? И относительно чего она берет свою точку отсчета?

Цитата не очень удачна, там я говорил об интерфейсах магии, т.е. о способах, которыми производятся действия, чтобы получить результат.

² Северный ветер, 23-й номер, 2018.

Сейчас будет лекция (*улыбается*). Интерфейсы изменчивы в зависимости от сознания людей, а разве кто станет спорить с тем, что оно меняется? Магия неизменна; она или есть (в мире), или ее нет. Ну вот абстрактный пример: «в 7-й день после полнолуния на закате бросить в огонь сухую лапку лягушки + ..., трижды обойти вокруг противосолонь и сказать ... (заклинание)». Что мы имеем? Время — т.е. астрологические привязки, упомянута там астрология или нет, конкретный набор «небесных влияний», вычисляемых этой дисциплиной. Можно разобрать, что именно влияет и к чему ведёт, можно найти аналогичные временные точки, дающие подобный результат. Дальше: набор ингредиентов и действий с ними. Для человека прошлого за каждым элементом стоял известный ему культурный пласт смыслов, ассоциаций, аллюзий. У современного этого нет, значит, можно со 100% уверенностью сказать, что у него это правильно работать не будет. Что делать? Разобрать механизм. Я не верю, что есть некое само по себе «волшебство» в сухой лягушачьей лапке. Цель манипуляций с такими материальными предметами — перевести ментальное состояние оператора в изменённое. Современный человек тоже умеет это, но делает иначе, иными способами. Их ему и применять. Последний блок — заклинание, т.е. формула для доступа к источникам силы, создания силового узора и его фиксации в одном из планов реальности. Формула также зависит от культурного бэкграунда, поэтому потребует перемен. Если обобщить: чтобы заставить работать древнюю практику, нужно аналитически разложить ее на блоки, поставить к каждой части вопрос «чтобы что?» и найти свой современный ответ. Это и будет изменением интерфейса. Для любой традиции.

С *Что для тебя руны — алфавит, древние магические знаки или инструмент, способный влиять на реальность? Другими словами, используешь ли ты руны (и любые другие гальдраставы) в магических (мантических) целях или изучаешь исключительно с академической точки зрения?*

И то, и другое, и третье. Использую и для письма (иногда нужно), и для мантики, и в чистой магии, иногда совсем обыденной. Например, уходя со стоянки гулять (в лесу), рисую над ней (пальцем в воздухе, ибо мое самомнение велико (*улыбается*))

Odhal и Dagaz — от бессовестных посетителей. Мой кратковременный «дом» ещё ни разу не обнесли. А самый первый набор теперь работает в основном транслятором: говоря с богами, если нужен буквальный ответ, читаю его по рунам. Диалог выходит вполне продуктивный. Для мантики есть ещё один, и ещё карты (от «Хольмганга», была такая игра) разных дизайнов. На разные ситуации — разный инструмент.

С *Спасибо, что когда-то откликнулся на наш призыв поучаствовать в коллективном составлении Речей Бывалых, когда мы просили всех представителей движения Асатру поделиться своими ориентирами на Пути и правилами поведения, которых они придерживаются каждый день:*

5. Впусти проходящего и выпусти уходящего. Может быть, это — все, что ты можешь для них сделать (Esgal).
8. Выбирая дорогу — кинь кубики, выбирая лошадь — поверь знатоку (Esgal).
10. Хочешь, чтобы тебя услышали — скажи. Хочешь, чтобы тебя поняли — промолчи (Esgal).
12. Любой, объявивший свой путь единственным, объявил этим о своей ограниченности (Esgal).
15. Сказав «А», полагается сказать «Б». Зачем говорить? — Сделай (Esgal).
17. Обретаясь в толпе, иногда удивляйся ей. Дабы не уподобиться (Esgal).
19. Когда дают, подумай, прежде чем взять (Esgal).
20. Отвергни слабого, даже если он может быть в чем-то полезен. Прими отвергнутого, если он доказал силу (Esgal).
22. Ничего не повторяй дважды. Кому нужно — уже услышал, для прочих — не стоит труда (Esgal).
24. Говоря о высоком, сделай паузу — послушай звезды (Esgal).

Спустя 8 лет после написания Речей, сложились ли у тебя какие-либо новые советы, которыми ты готов поделиться с нашими читателями? А, может быть, какие-то из уже сказанных ты решил вычеркнуть из списка?

За эти 8 лет (а конкретнее, за последние 4) очень многое изменилось, и сейчас я не готов раздавать какие-либо советы. Каждый выбирает

за себя, и сам ответит за свой выбор. Что до меня, то я отчасти консервативен: если уж записал что в «кодекс», то оно там и будет. В угоду кому-то или чему-либо изменять себе не собираюсь.

С *В разговоре с тобой совершенно невозможно не затронуть темы твоих путешествий по местам Силы, рассказами о которых ты щедро делился на страницах нашего журнала³. Ты посетил Соловецкие острова, Воттоваару, Валаам, Онежское озеро — и о каждом месте ты рассказываешь так, что дух захватывает. Во-первых, спасибо тебе за то, что делишься своим опытом, а во-вторых, позволь спросить — какая из поездок стала для тебя самой ОСОБЕННОЙ? А, может быть, уже появились истории о новых путешествиях?*

Особенными можно назвать Вотто и Шушмор. Там не только я говорил с местом, но и оно со мной по собственной инициативе и вполне зримыми и однозначно понимаемыми приемами. Когда (в Шушморе) ворон, расхаживая передо мной по ветке сосны, минут десять громко и подробно объяснял мне, что я идиот, — не понять было невозможно (улыбается). Через пару лет меня

позвали оттуда (уже не помню, как именно, через сон или иначе), попросили камешек. Ну что, подорвался, поехал, отвёз им запрошенный шерл (чёрный турмалин), он у меня был. Раз надо.

Путешествую сейчас меньше (с сельским хозяйством не разгуляться), а «отчёты» писать вообще перестал, забросив ЖЖ. Там самый удобный формат, но платформа утратила популярность. По Вологодчине неплохо погуляли года четыре назад, Тиуновское святилище посетил, но ничего не писал.

С *Большинство своих путешествий ты совершал в одиночестве, без палатки и практически без еды: «взятые с собой съестные припасы (на две недели, на минуточку — примечание редакции) составляли пакетик изюма, пакетик арахиса и — для торжественного банкета по случаю достижения цели — пакетик же кураги. Всё остальное следовало добывать по ходу дела». Редакции журнала о суровых нравах викингов, безусловно, не пристало задавать такие вопросы, но чисто по-человечески мы не можем не спросить: неужели тебе не было страшно? Как ты вообще умудрялся выживать в таких условиях?*

Мне как-то не приходит в голову испугаться — ведь интересно же! То самое: любопытство кошек губит. А еда — да без проблем: ягоды, грибы,

³ «Святилища Белого моря», Esgal, «Северный ветер», 5-й номер, 2014; «Воттоваара и другие сейдовые плато Карелии», Esgal, «Северный ветер», 6-й номер, 2014; «Дивный — языческое сердце Валаама», Esgal, «Северный ветер», 8-й номер, 2014; «Через Онегу», Esgal, «Северный ветер», 10-й номер, 2015.

магазин в попавшейся деревне, подвёз молоковоз на трассе — молоком угостил... Дорога накормит! Я же чту Странника.

С Как бывалый путешественник и исследователь сакральных мест, что можешь посоветовать тем, кто только ступает на этот путь? С чего начать, куда ехать, чего ни в коем случае нельзя делать в таких поездках и — самое главное — как потом вернуться в обычный мир и не сойти с ума?

Не именно «сакральных», я в основном по аномальным зонам хожу.

С чего начать? В первую очередь, понять, зачем это надо именно вам. Что вы станете там искать? Себя? Сказку? Диссертацию? Дорогу ухода? Друзей? Силу? ... (Не факт, что найдете, но, как говорят самураи, главное — Путь.) От этого зависит, какие места выбирать: культовые, волшебные (по фольклору), геопатогенки или просто «странные». Они разные. Дальше — научиться ориентироваться по карте и компасу и никогда не забывать взять бумажную карту и пару магнитных компасов с собой. Это ТБ. Про «поздороваться с лесом» — банальность, но полезная.

Нельзя гадить в лесу: мусорить, орать, рубить и жечь «зеленку» (живые ветки и деревья). Траву на чай рвать можно. Нельзя паниковать. Не знаете, что делать, — не делайте ничего, сядьте, улыбнитесь и наблюдайте. Показалось, вам задан

вопрос, — ответьте. Необязательно вслух — услышат. Если идёте с кем-то более опытным, — слушаться беспрекословно, объяснения будете просить потом.

Совершенно не вижу, почему нужно «сходить с ума». Всё это — просто реальность, в городе она такая, в зоне — этакая, и то и другое — норма. В лесу вы одни, в городе — другие, и это тоже норма, как нам говорит психология. Просто не нужно мешать роли.

С Кроме того, что ты переводчик, путешественник и бесценный корректор журнала, наши читатели помнят тебя как яростного защитника культового комплекса железного века у дер. Ольховка. Расскажи, пожалуйста, как сейчас обстоят дела с этим памятником археологии и таким значимым объектом для всего языческого движения?

Плохо обстоят. Ничего у нас из защиты не получилось, разве что охранные зоны вокруг камней теперь установлены, но единым комплексом её так и не признали. Это означало бы запрет строительства, то есть ушлый застройщик остался бы без денег. Возможно, не только он, но понятно,

что за руку никто не пойман. Просто все органы, которые по идее должны были отстаивать уникальность места, не имели такого желания, даже археологи ИИМКа, выполнившие оплаченную им экспертизу (выделения денег на это мы сумели добиться) «на отвяжись», с ошибками. Минкульт её вернул «на исправление», исправляться никто не стал. Так что теперь там дачные домики, и камни стоят промеж них. Насколько можно понять из областных новостей, жильцы там не сказать, чтоб счастливы. А сам я там с переезда и не был — ехать мне теперь дотуда 5 часов.

Из доброго: интересную и объявляющую район Суходольского озера совершенно уникальным местом гипотезу о происхождении чашечных камней выдвинул В. Мизин. Надеюсь, после публикации его статьи в рецензируемом журнале он с нашими читателями ею поделится.

§ *В своем исследовании «Осознанные сновидения во времена викингов» ты предлагаешь «взглянуть на исландские саги глазами человека, знакомого с техниками осознанных сновидений». Расскажи, пожалуйста, о своем пути в этом направлении (если готов таким делиться, разумеется). Действительно ли могли быть реальными слова из саг про то, что «мне снятся вещие сны, как мне положено по рождению» или «во сне она обычно видит то, что ей кажется важным» (Сага о названных братьях)?*

Да особо никакого пути в этом направлении у меня нет. Осознаваться научился, а зачем — так и не нашёл, мне скучно. Мои «техники» другие, с этими так, знакомился. Зато друзья среди сновидцев есть, и я в курсе, что и как у них происходит. Да, увидеть во сне то, что тебе нужно, — реально, этому научаются. И встретиться в сновидении — реально. Вещие сны — немного другое, но они тоже вполне бывают, вот только про обучение им не слышал, кто видит — у них врождённое.

§ *Если бы ты мог выбирать, в какое время жить: выбрал бы современность или эпоху викингов, или что-то еще?*

Выбрал бы будущее, чтоб в космос летать далеко и быстро, другие миры разведывать. Интересно.

§ *В 2012 году в интервью журнала «Сага» ты говорил, что «Российское Асатру еще очень молодо и нуждается в том, в чем любой ребенок — во внимании, росте и взрослении». И вот, спустя 14 лет, как ты оцениваешь состояние Асатру в наших странах сейчас? Удалось ли ему хоть немного «повзрослеть»? И есть ли хоть какие-либо перспективы развития в наших странах у язычества вообще и Асатру в частности?*

Перспективы зависят от людей, а люди (как я могу судить по известным мне) разбежались. Сперва из-за личных амбиций, видимо, а теперь и из-за принципиальной разницы позиций по отношению к войне. Не думаю, что объединение снова возможно, не в этом поколении. Но язычество (и Асатру в частности) сильно тем, что ему не нужны официальные религиозные институты. С богами каждый говорит сам, и думаю, те, кто говорил, они и продолжают. Агрессивная политика православия (российского, про другие не знаю) закономерно даст обратный эффект — неприятие и противодействие. Чем больше глупости и жадности будут демонстрировать иерархи церкви, тем большее число людей станет искать что-либо настоящее, честное, естественное. А что может быть естественнее язычества, диалога с миром и созидательными его силами? Поэтому оно никуда не уйдет, хотя не будет приближенным к (этой) власти. Да нужно ли ему это? За другие страны ничего сказать не могу, не знаю. Если применить ассоциацию с возрастом, я бы сказал, что сейчас российское Асатру — подросток, который «сам по себе и чтоб его не трогали». Мне так кажется.

§ *И традиционный последний вопрос: что бы ты хотел сказать, посоветовать или пожелать читателям «Северного Ветра»?*

Пожелаю оставаться верными. Себе, асам, своему слову, детским мечтам. И МИРА, конечно, который обязательно будет — один на всех. ❖

Из истории непристойного

© Ф.Б. УСПЕНСКИЙ

Явные и скрытые смыслы прозвища Эйнара сына Эйндриди¹

В Норвегии XI в. едва ли можно найти человека, который, не принадлежа по рождению к потомкам конунгов или ярлов, был бы столь же могущественен и знаменит, как Эйнар сын Эйндриди († 1050). Общественная и, если так можно выразиться, политическая жизнь этого норвежского бонда была на редкость долгой и по большей части чрезвычайно успешной. Его карьера началась еще при конунге Олаве Трюггвасоне († 1000), причем уже тогда он считался, по-видимому, настолько доблестным воином, что был принят на знаменитый корабль конунга «Великий Змей» в обход всех правил — согласно источникам, на судно брали только тех, кто был не старше шестидесяти и не младше двадцати лет. Эйнару же в ту пору было всего восемнадцать, и составители саг, перечисляя дружинников на «Великом Змее», называли его по этой причине «недорослем»².

После поражения Олава Трюггвасона в битве при Свельде Эйнар не только не попал в опалу, но, напротив, сделался близким другом ярлов Эйрика и Свейна, фактических правителей Норвегии. Близость эта была даже закреплена браком: ярлы выдали за него свою родную сестру Бергльот. Он довольно долго находился в оппозиции к Олаву Святому († 1030), между ними случались и прямые конфликты, однако в описаниях знаменитой битвы при Стикластадире, где почти все скольконибудь прославленные бонды противостояли конунгу, мы не обнаруживаем рассказа о действиях Эйнара³. Ему удалось остаться в стороне от этого столкновения, окончившегося, как известно, гибелью крестителя Норвегии⁴. Характерно, что несколько лет спустя Эйнар оказался в числе первых, кто признал святость убитого конунга⁵.

*УСПЕНСКИЙ Фёдор Борисович,
доктор филологических
наук, член-корреспондент
Российской Академии Наук,
профессор, специалист по
русской антропонимике,
филолог-скандинавист.*

1 Глава из книги «Люди, тексты и вещи. Из истории культуры средневековой Скандинавии» / Ф.Б. Успенский — М.: ФОРУМ : НЕОЛИТ, 2015. — 256 с. Печатается с разрешения автора.

2 ...hann þótti þeim eigi hlutgengr, þvíat hann var xviii vetra [Hkr., I, 426; K3, 156].

3 Сам Эйнар даже открыто признавал себя недругом Олава Святого после смерти последнего. Ср. начало его знаменитой речи на тинге в Нидаросе, направленной против датского конунга Свейна († 1035/36), сменившего Олава Святого на норвежском престоле, и его матери Альвивы (Эльвгивы): «Я не был другом Олаву конунгу...» (ecki var ek vin Olafs konungs...) [ÓH. Leg., 91; Fsk., 190]. О речах Эйнара см. также ниже, примеч. 18.

4 Так, когда в первые дни правления конунг Магнус учинил своеобразное расследование обстоятельств гибели своего отца, Эйнар с самого начала откестился от участия в битве при Стикластадире: «...когда конунг <Магнус. — Ф.У.> сидел за столом, по одну руку от него сидел Кальв сын Арни, а по другую Эйнар Брюхотряс. Конунг был холоден с Кальвом и больше отличал Эйнара. Конунг обратился к Эйнару: «Сегодня мы поедем с тобой в Стикластадир. Я хочу увидеть следы того, что произошло». Эйнар отвечает: «Я не тот, кто мог бы тебе их показать (ekki kann ek þér þar af at segja). Вели поехать Кальву, твоему приемному отцу. Он-то сможет рассказать, как там было дело». И когда столы убрали, конунг собрался ехать. Он сказал Кальву: «Ты поедешь со мною в Стикластадир». Кальв отвечает, что не его это дело. Тогда конунг вскочил в гнев и сказал: «Ты поедешь, Кальв!» И с этим конунг вышел...» [Hkr., III, 26–27; K3, 386]; ср.: [Msk., 24].

5 Ср. указание Снорри Стурлусона в «Круге Земном»: «Эйнар был первым из могущественных людей, кто уверовал в святость Олава конунга» (Einarr varð fyrstr til þess ríkis-manna at halda upp helgi Óláfs konungs) [Hkr., II, 515; K3, 372], которое содержится отнюдь не во всех источниках.

Скорее всего, именно благодаря столь своеобразному нейтралитету впоследствии Эйнар вместе с Кальвом, сыном Арнора, возглавил посольство на Русь, ко двору Ярослава Мудрого († 1054), у которого воспитывался юный сын Олава Святого, Магнус Добрый († 1047). Как мы знаем, результатом этого посольства было возвращение Магнуса в Норвегию, где он занял королевский престол. При Магнусе слава и могущество Эйнара достигли своего наивысшего расцвета. В отличие от Кальва, который быстро рассорился с Магнусом, он сделался главным советчиком и личным другом молодого конунга⁶, чье правление, на беду, оказалось не слишком продолжительным.

Похороны Магнуса Доброго, согласно королевским сагам, становятся своеобразным началом конца для этого могущественного бонда. Соправитель и преемник Магнуса, его дядя Харальд Суровый († 1066) заметно опасался все возраставшего влияния и популярности Эйнара. Конунг полагал, что число его сторонников и та свита, которой Эйнар себя окружает, избобличают его намерения захватить власть в стране. Речи и поведение этого человека были столь независимы, как если бы Харальда не существовало вовсе. Конунг же был явно не из тех, кто стал бы мириться с таким положением дел, и во время очередной ссоры Эйнар и его сын Эйндриди были предательски убиты по распоряжению Харальда.

Итак, перед нами жизненный путь человека, чье имя надолго осталось в памяти потомков. При этом, что весьма характерно для скандинавской культуры, в традиции сохраняется и прозвище знаменитого бонда, прозвище, которое производит впечатление своей ярко выраженной индивидуальностью и явной неоднозначностью. Мы находим его практически в любом своде королевских саг — всюду Эйнар зовется *þambarskelir*. Перевод этого прозвища на современные языки в известном смысле непосредственно связан с тем, какая из возможных интерпретаций этого именованья будет принята. Историки XIX в. толковали его в, так сказать, романтическом ключе — «Сотрясатель тетивы». Внутренняя форма слова *þambarskelir* вполне допускает такую интерпретацию, поскольку слово *þömb* означает, в частности, «тетива», а *skelir* — не что иное, как *poten agentis* от глагола *skelfa* со значением «трясти, потрясать, ужасать (заставлять дрожать, трепетать, трястись <от страха>»⁷.

В начале XX в. Финнур Йонссон обратил внимание на другое значение слова *þömb* — «живот, брюхо», отметив, что именно оно, скорее всего, и является основным [Finnur Jónsson 1907, 215]. Из «Сотрясателя тетивы» прославленный Эйнар сын Эйндриди превратился, таким образом, в «Брюхотряса». Именно как Эйнар Брюхотряс он известен и современному русскому читателю, а англичане знают его как Einarr Paunch-Shaker или Belly-shaker. Впрочем, в XX в. появлялись работы, отстаивающие и более раннюю, героико-романтическую версию прозвища («Потрясатель тетивы») [Saltnessand 1968, 143–148; Fidjestøl 1997a, 6–8]. Вопрос этот в известном смысле остается открытым и по сей день⁸, исследователи так и не решились, желали ли современники посмеяться над Эйнаром или возвеличить его.

Во многом трудности интерпретации связаны здесь с относительной редкостью самого термина *þömb* и его производных. У нас попросту нет достаточно репрезентативного числа контекстов,

6 Любопытно, что оба посла сделались приемными отцами (*fostr faðir*) молодого Магнуса ([Fsk., 192]; ср.: [Msk., 20]). До того единственный наследник Олава Святого был приемным сыном русского князя Ярослава Мудрого. Вообще говоря, ситуация, когда у человека оказывается сразу несколько приемных отцов, сама по себе достаточно необычна. Возможно, что Эйнар и Кальв как бы перенимают эту роль у Ярослава Владимировича в качестве залога безопасности юного конунга в Норвегии; согласно сагам, Ярослав и Ингигерд весьма неохотно отпускали своего воспитанника в страну, где у власти находились враги его отца.

7 В эту же эпоху, в середине XIX в., было предложено еще одно толкование прозвища *þambarskelir*: норвежский историк П. А. Мунк считал, что *þömb* в прозвище Эйнара — это название самого боевого оружия, а все прозвище в целом следует понимать, соответственно, как «тот, кто сотрясает *þömb* (= имя лука)» (*Han skød med saadan Kraft af sin Bue Thamb, efter hvilken han ik Tilnavnet Thambarskjelver...*) [Munch 1852–1859, II, 379]. На наш взгляд, версию Мунка достаточно трудно подтвердить или опровергнуть (ср.: [Saltnessand 1968, 146–148]): с одной стороны, древнескандинавские источники действительно избобилуют именами личного оружия, с другой стороны, у нас нет решительно ни одного свидетельства, что лук Эйнара назывался именно так и вообще обладал каким-либо именованьем.

8 Ср. высказывания некоторых современных исследователей: «...but whether Einarr shook his belly or his bow-string is unresolved» [Driscoll 1995, 98]; «we will probably never know the original meaning of Einarr's nickname...» [Gade 1995, 160].

где бы это слово употреблялось вне состава прозвища, чтобы на их основании можно было сделать точный выбор и предпочесть одно значение другому. Существует скальдический текст начала XI в. (Grátagalím «Рыбья хула» или «Серое брюхо»), где с помощью *rómb* обозначается выросший тугой живот женщины, которая забеременела, съев рыбу с серым брюхом⁹. При этом до нас не дошло ни одного текста старше XV в., где бы это слово обладало значением «тетива», мы обнаруживаем его лишь в записях исландских рим, датируемых 1400 г.¹⁰ Правда, не стоит забывать о том, что эти исландские римы были сложены ранее и бытовали в устной традиции.

С другой стороны, подобная скудость данных, извлекаемых из древнеисландских источников, хотя бы отчасти восполняется сведениями, которые можно почерпнуть из скандинавских языков Нового времени. Так, в частности, Финнур Йонссон и Р. Клизби указывают на производные от этого корня в современных им норвежском и исландском языках, например, исландский глагол *þamba*, означающий «наливаться, надуваться неким напитком», или существительное среднего рода *þamb* в выражении *stand á þambi* «с набитым животом, надутый, вспученный» [Cleasby & Vigfusson, 730; Finnur Jónsson 1907, 215].

В лексикологических заметках этих авторитетных исследователей значение «тетива» понимается как вторичное (метафорическое, согласно Р. Клизби) по отношению к значению «брюхо, живот». Мотивировка такого переноса значения представляется достаточно понятной, общим семантическим компонентом здесь выступает, по-видимому, такая характеристика объекта, как «туго натянутый, круто выгнутый» и т.п.¹¹. В то же время, даже если мы сочтем значение «тетива» вторичным, едва ли следует полагать, что оно непременно является поздним, так как оно хорошо просматривается по этимологическим данным в различных языках¹². Отсутствие его в ранних памятниках еще не может служить безоговорочным основанием для того, чтобы объявить его отсутствующим в древнем языке.

Любопытно при этом, что в сагах мы обнаруживаем по меньшей мере двух персонажей, которые носили прозвище *rómb*, — это посол норвежского ярла Скули Йостейн *rómb*, живший в XIII в., о котором упоминается в «Саге о Хаконе Хаконарсоне» [Fms., IX, 260], и живший в XI столетии Торир *rómb*, о котором рассказывается в «Саге о Греттире» [Gret., 69]¹³. Однако ни в одной из этих саг мы не обнаруживаем проясняющего контекста, который бы позволил выбрать то или иное значение при переводе¹⁴.

Так или иначе, элемент *rómb*, входящий в прозвище Эйнара, является достаточно экзотическим. Живот куда чаще назывался (в том числе и в прозвищах) *magi*, *kviðr*, *lif*, *vömb*¹⁵, а тетива —

9 *ok aut í vömb // varð heldr til þómb* [Skj., I, 276, № 2]. Хулительные стихи сочинены Бьёрном Богатырем с Хит-реки против Торда, главного соперника скальда [Bjarn., 45–47]

10 Римы (букв. «песнь») — специфический жанр исландской поэзии, отчасти сопоставимый с исторической балладой. В этих римах об Олаве Триггвасоне, где слово *rómb* явно обозначает «тетива», а не «брюхо», пересказывается знаменитый саговый эпизод, связанный как раз с участием Эйнара в битве при Свельде (см. ниже): *Einar leine ad ialli skaut, // orin tok for sem þambin þaut, // liuga driugum ad fylke tuaer // ifa ok drifa nokkud nær* [Finnur Jónsson 1905–1912, 207–208, № 6].

11 Впрочем, Р. Клизби предложил другую причину для такого семантического развития. В своем словаре он отмечает, что тетива, как и струны, делались из кишок: *a bow, string, being made of guts* [Cleasby & Vigfusson, 756].

12 Интересующее нас существительное женского рода *rómb* (ср. совр. норвежск. *temba* «надменность, чванство; обильная еда») и соответствующее прилагательное *þamb*, *þómb* (ср. совр. исландск. *þamb*, *þamba*, фарёр. *tamba* «растягиваться, расширяться») восходят к индоевропейскому корню **temr* «тянуть, растягивать»; ср. литовск. *tempiù*, *tem- pti* «натягивать», *titra*, *temtrūva* «тетива лука», праславян. **teřiva*, латинск. *tempus* «отрезок времени», *templum* «область, освященный участок» [de Vries 1977, 605, 631; Alexander Jóhannesson 1956, 436–437]; ср. [Фасмер 1996, IV, 53].

13 Отметим, что издатель саги в примечании трактует прозвище Торира как *Bogensöhne* «тетива».

14 В русском переводе «Саги о Греттире» предпочтение отдано значению «брюхо»: «Называют двух братьев, которые были всех хуже. Одного звали Торир Брюхо (*Þórir þómb*), а другого Эмунд Злой (*Ögmundur illi*). Они были родом с Халогаланда, сильнее и выше ростом, чем прочие люди. Они были берсерками, и, впадая в ярость, никого не щадили. Они уводили мужних жен и дочерей и, продержав неделю или две у себя, отсылали назад. Где только они ни появлялись, всюду грабили и учиняли всякие другие бесчинства. Эйрик ярл объявил их вне закона во всей Норвегии, и Торфинн, как никто, ратовал за их осуждение. Они же метили отплатить ему за его вражду» [ИС, I, 609]. Торир — персонаж заведомо отрицательный, и для нашего дальнейшего изложения весьма существенно, что в саге его злодеяние связано прежде всего с тем, что он бесчестит женщин.

15 Показательно, что многие из этих древнеисландских названий живота (*lif*, *kviðr*) этимологически связаны с обозначением жизни (ср. русское «живот»). Для слова же *rómb* подобных этимологических связей с концептом «жизнь», насколько мы знаем, не просматривается (см. выше).

streng¹⁶. Очевидно, что в обыденном узусе употребление этого редкого и многозначного термина вне состава сложного слова в силу разнесенности денотатов неизбежно требовало бы известной определенности. Само по себе слово *þömb* означало бы или туго натянутую тетиву, или туго набитый живот. Включение *þömb* в композит приобщало его к той области именований и поэтических высказываний, где подобная однозначность смыслов была вовсе не обязательной.

При этом мы взяли бы на себя смелость предположить, что композит *þambarskelir* по своей внутренней форме отнюдь не был полной загадкой для средневековой аудитории. Более того, неразделенность, своеобразная диффузность основы *þömb* («живот», «тетива») обеспечивала всему сочетанию тот специфический характер каламбура, который позволяет слову стать прозвищем, закрепиться в сознании современников и потомков за определенным человеком. Двусмысленность, сочетание низкого и высокого, взаимодействие двух стилистических регистров языка, возможно, и давали прозвищу известную устойчивость и жизнеспособность. Иными словами, у нас нет необходимости отвергать одно из значений этого слова, скорее, следует принять в данном случае всю его многозначность.

В то же время нельзя упускать из виду, что самая двусмысленность прозвища на разных этапах его бытования в традиции естественным образом подталкивала к выбору в пользу того или иного значения, и это касается не только современного исследователя, но и составителей саг в конце XII–XIII в. Совершенно очевидно, что их выбор, никогда эксплицитно не выражаясь, тем не менее со всей определенностью склонялся в сторону высокого смысла этого именования — «Потрясатель тетивы». Судя по всему, именно так объясняются многочисленные саговые рассказы о том, как Эйнар замечательно стрелял из лука и что ему не было равных в этом искусстве. Весьма выразителен в этом отношении, например, один из центральных эпизодов в описании уже упоминавшейся битвы при Свельде:

Эйнар Брюхотряс стоял сзади на корме «Змея» и стрелял из лука. Он был самый меткий стрелок в войске. Эйнар пустил стрелу в Эйрика ярла и попал в верх руля над самой головой ярла. Стрела глубоко вонзилась в дерево. Ярл увидел стрелу и спросил, не знают ли его люди, кто пустил стрелу. Но тут же другая стрела пролетела так близко от ярла, что прошла между бедром и его рукой и насквозь пронзила спинку сиденья кормчего. Тогда ярл сказал человеку — он был отличным стрелком, — о котором одни говорят, что его звали Финн, а другие, что он был финном¹⁷: — А ну-ка пусти стрелу в того ражего детину на корме «Змея». Финн выстрелил, и стрела попала в середину лука Эйнара в то мгновение, когда тот натягивал свой лук в третий раз. Лук с треском разломился надвое. Тогда Олав конунг спросил: — Что это лопнуло с таким треском? Эйнар отвечает: — Лопнуло дело твое в Норвегии, конунг. — Никогда не бывало такого громкого треска, — говорит конунг. — Возьми-ка мой лук и стреляй. И он бросил ему свой лук. Эйнар взял лук, натянул тетиву на острие стрелы и сказал: — Слаб, слишком слаб лук конунга. И он бросил лук, взял свой щит и свой меч и стал сражаться¹⁸.

16 Именно этот термин *boga-streng* используется, в частности, в знаменитом эпизоде из «Саги о Ньяле», когда Гуннар из Хлидаренди, защищаясь от врагов, напавших на его дом, просит свою жену Халльгерд дать две пряжи волос и сплести перерубленную тетиву лука [Nj., 170; ИС, II, 177–178, гл. LXXVII]; как мы помним, именно отказ Халльгерд привел к гибели Гуннара.

17 В «Саге об Олаве Трюггвасоне» монаха Одда, первоначально созданной на латыни, а затем переведенной на древнеисландский язык, упоминается, что Финн сын Эйвинда, участвующий в этом эпизоде, «был великим лучником» (*bogtaðr mikill*), который собственноручно сделал лук Эйнару. Кроме того, здесь же отмечается, что Эйнар при стрельбе из лука пользовался какими-то особыми, украшенными серебром стрелами [ÓTódd., 251].

18 *Einarr þambarskelir var á Orminum aprt í krapparúmi; hann skaut af boga ok var allra manna harðskeytastr. Einarr skaut at Eiríki jarli ok laust í stýris-hnakkann fyrir ofan höfuð jarli, ok gekk alt upp á reyrböndin; jarl leit til ok spurði, ef þeir vissi, hver þar skaut, en jamskjótt kom önnur ör, svá nær jarli, at laug milli síðunnar ok handarinnar ok svá aprt í höfða-fjölinu, at langt stóð út broddrinn. Þá mælti jarl við þann mann, er sumir nefna Finn, en sumir segja, at hann vri innzkr, — svá var inn mesti bogmaðr — : “skjóttu mann þann inn mikla í krapparúminu. Finn skaut, ok kom örin á boga Einars miðjan í því bili, er Einarr dróit iii. sinn bogann; brast þá boginn í ii. hluti. Þá mælti Óláfr konungr: “hvat brast þar svá hátt?” Einarr svarar: “Nógr er hendi þér konungr”. “Eigi mun svá mikill brestr orðinn, segir konungr, tak boga minn ok skjót af” — ok kastaði boganum til hans. Einarr tók bogann ok dró þegar fyrir odd örvarinnar ok mælti: “ofveykr, ofveykr allvalldz bogi” — ok kastaði aprt boganum, tók þá skjöld sinn ok sverð ok barðisk (Hkr., I, 448–449; K3, 163–164); ср. также: [ÓTódd., 227–228]), однако этот эпизод отсутствует в так называемой Уппсальской рукописи саги. В некоторых источниках (например, в «Легендарной саге об Олаве Святом» [ÖN. Leg., 25]) этот же эпизод, в котором участвует Эйнар, связывается не с Олавом Трюггвасоном, а с Олавом Святым и хладирским ярлом Свейном Хаконарсоном, и потому получает несколько иную окраску; см. подробнее: [Saltnessand 1963]. Тем не менее, самая роль лука Эйнара остается в данных рассказах прежней.*

Здесь рассказчик, как бы вслед за участниками событий, восхваляет мастерство Эйнара. Сам же Эйнар произносит, как мы можем убедиться, слова, содержащие и афористическое пророчество о судьбе Олава Трюггвасона, и в каком-то смысле — хвалу самому себе. Действительно, дело Олава проиграно, но не проиграно ли оно хотя бы отчасти потому, что Эйнар лишился своего лука? Лук конунга оказывается слаб для такого стрелка, как Эйнар, а сам конунг не сможет удержать власть над державой. Как и многие саговые афоризмы, высказывание Эйнара обладает и сиюминутной коммуникативной направленностью, выражая немедленную реакцию на конкретные события, и в то же время обобщает их, переводит на другой уровень осмысления¹⁹.

Кроме того, в этом эпизоде мы видим отзвуки универсальной традиции, восходящей к глубокой архаике, но, по-видимому, вполне актуальной на протяжении всей эпохи Средневековья. Сила, необходимая для выстрела из лука, оказывается главным воплощением и средством оценки мощи и могущества человека в целом. Благодаря этой мощи прославленные мужи как бы сращены со своим личным оружием: никто кроме владельца не может натянуть тетиву его лука, никто не может им воспользоваться. Зачастую именно по такой способности герой, сохраняющий инкогнито, может быть узан друзьями и недругами. В качестве наиболее известного примера подобного рода можно привести знаменитую сцену избиения женихов из «Одиссеи» или даже предания о Робине Гуде.

Индивидуальная сила мужчины (в том числе и сексуальная), по-видимому, легко связывалась с искусным владением оружием, однако тема эта существенно шире тех задач, которые мы пытаемся разрешить в данном очерке. Сейчас же приведем некоторые дополнительные примеры, свидетельствующие о том, что саговая традиция ассоциировала образ Эйнара прежде всего с темой стрельбы из лука. В ряде саг встречается описание его искусной стрельбы как таковой, не связанное с той или иной битвой:

После гибели Олава сына Трюггви Эйрик ярл помирился с Эйнаром Брюхотрясом, сыном Эйндриди сына Стюркара. Эйнар отправился с ярлом на север Норвегии. Говорят, что Эйнар был человеком очень сильным и лучшим в Норвегии стрелком из лука. Он намного превосходил всех в стрельбе из лука. Он пробивал стрелой без наконечника подвешенную на шесте свежую воловью шкуру. Он отлично ходил на лыжах, был очень сноровистым и доблестным мужем. Он был человеком родовитым и богатым. Эйрик ярл и Свейн ярл выдали за Эйнара свою сестру Бергльот, дочь Хакона. Она была очень достойной женщиной. Сына их звали Эйндриди. Ярлы дали ему большое поместье в Оркадале, и он сделался самым могущественным и знатным человеком в Трёндалёге. Он был большим другом ярлов и их самой надежной опорой²⁰.

Как уже отмечалось, ни в этом фрагменте, ни где-либо еще из дошедших до нас саговых текстов нет специфических «метаязыковых» ремарок составителя саги, в которых бы напрямую говорилось, что Эйнар был прозван так, а не иначе, именно благодаря перечисленным своим качествам. Тем не менее вся характеристика Эйнара в целом очень напоминает характерный для сагового повествования комментарий к прозвищу. Прозаический нарратив как бы превращает в более пространное

19 Следует заметить, что в саговой традиции за Эйнаром закрепилась репутация остроумного оратора, автора целого ряда метких афоризмов, произнесенных им в весьма ответственные моменты норвежской истории. Так, в уста Эйнара, в частности, вкладываются речи (над гробом Олава Святого и на тинге в Нидаросе), направленные против датского конунга Свейна и его матери Альвивы, воцарившихся в Норвегии после битвы при Стикластадире. Ср., например, описание его выступления на тинге: «Тогда Эйнар сказал, так что многие могущественные мужи услышали: «Я не был другом Олава конунга, но и тренды не были купцами, когда продали своего конунга и получили взамен кобылу с жеребенком в придачу. Этот конунг не может говорить, а у его матери на уме только дурное, и она может весьма преуспеть в этом». Все, кто слышал, засмеялись и зашумели, передавая друг другу; и сочли, что это было хорошо сказано» ([Fsk., 190]; ср.: [ÖH. Leg., 91]).

20 *Eptir fall Óláfs Tryggvasonar gaf Eiríkr jarl gríð Einari þambarskeli, syni Eindriða Styrkárssonar. Einarr fór með jarli norðr í Nóreg, ok er sagt, at Einarr hai verit allra manna sterkastr ok bezt bogmaðr, er verit hai í Nóregi, ok var harðskeyti hans umfram alla menn aðra; hann skaut með bakkakóli í gögnum uxa-húð hráblauta, er hekk á ási einum; skíðfærr var hann allra manna bezt, inn mesti var hann íþróttamaðr ok hreysti-maðr; hann var ættstór ok auðigr. Eiríkr jarl ok Sveinn jarl giptu Einari systur sína, Bergljótu Hákonardóttur; hon var inn mesti skörungr; Eindriði hét sonr þeira. Jarlar gáfu Einari vezlur stórar í Orkadal, ok gerðisk hann ríkastr ok göfgastr í Þrændalögum, ok var hann inn mesti styrkr jörlunum ok ástvinnr [Hkr., II, 27–28; K3, 176].*

описание то, что в прозвище было передано одним словом или словосочетанием (а в поэзии могло бы быть выражено одной строкой).

Итак, саги явно тяготеют к, так сказать, «высокой» версии истолкования прозвища þambarskelir. Впрочем, как предположила К. Гадэ, в некоторых саговых эпизодах мог обыгрываться и амбивалентный, двусмысленный характер этого прозвища. Эта амбивалентность, в частности, используется исследовательницей для прояснения несколько загадочного эпизода, где описывается начало ссоры конунга Харальда Сурового и Эйнара, той ссоры, которая закончилась гибелью последнего ([Gade 1995, 153–162]; ср. также: [Gade 1995-a, 547–550; Sayers 1995, 536–547; Libermann 1996, 100–101]). На пиру конунг напоил Эйнара и подучил одного из своих родичей сплести несколько травинок и, по версии «Книги с Плоского острова» [Flat., III, 350], засунуть их в нос задремавшему бонду (что выглядит вполне рационально с физиологической точки зрения), или, по более древней версии «Гнилой кожи» [Msk., 178–180], вложить их Эйнару в руку, заставив сжать ее. Далее же — и здесь обе версии сходятся — шутник должен был толкнуть престарелого воина с возгласом: «пора, Эйнар!» Так и было сделано. Эйнар же, как и ожидали насмешники, пробудившись, вскочил и внезапно испортил воздух.

Когда он понял, что произошло и что все это было подстроено, чтобы посмеяться над ним, он немедленно покинул пир и в ярости отправился домой. На следующий день Эйнар вернулся с большим количеством людей и убил своего обидчика, родича конунга. Именно после этого Эйнар и его сын Эйндриди были зарублены по приказу Харальда.

Почему же Эйнар счел оскорбление на пиру настолько тяжким, что мстью за него должно было быть немедленное убийство? К. Гадэ полагает, что это была не просто грубая шутка: дело было в том, что конунг Харальд таким образом обыгрывал двойной смысл прозвища своего противника и стремился намекнуть, что Эйнар утратил былую силу и мощь. Тот, кто натягивал тетиву в битве при Свёлде, отныне сжимает пучок соломы, тот, кто столь метко стрелял из лука, может теперь производить только «выстрелы» совсем иного рода. Другими словами, лишь туго набитое брюхо Эйнара теперь способно издать всеми слышимый треск. При такой интерпретации очевидно, что рассказчик саги, прежде всего той ее версии, которую мы обнаруживаем в «Гнилой коже», учитывает возможность игры со значением прозвища, а следовательно, и саму семантическую амбивалентность этого именованья.

Таким образом, интерпретация К. Гадэ, допускающая многозначность прозвища Эйнара, во многом близка к тому, о чем до сих пор говорили и мы, однако исследовательница сосредоточивает свое внимание лишь на том, как могло осмыслиться прозвище Эйнара в эпоху записи саг, а не в ту пору, когда сын Эйндриди был им наделен²¹. Мы же предполагаем, что многозначность этого прозвища ни в коей мере не является продуктом письменной литературной традиции, что она была присуща именованию Эйнара изначально. Но почему же, в таком случае, современники наградили его прозванием, которое, благодаря довольно экзотической лексеме þomb (трактуемой скорее как «брюхо»), так легко приобретало «сниженное» значение?

Как кажется, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо попытаться понять, какой дополнительный смысл мог вкладываться в этот «низменный» вариант именованья Эйнара. Что или кто описывается при помощи сложного слова «Брюхотряс»? Идет ли речь только о натуралистическом изображении человека, который настолько толст и грузен, что трясет своим собственным брюхом? В таком случае вызывает некоторое удивление то обстоятельство, что Эйнар, нося это прозвище и обладая такой статью уже в восемнадцать лет, сражался столь доблестно и, вопреки общепринятому порядку, был взят в личную дружину конунга на корабль «Великий Змей».

21 Ср.: [Libermann 1996, 100–101], где на основании эпизода из «Гнилой кожи» предпринята попытка реконструировать первоначальное значение прозвища þambarskelir как «пердун»: «Even if Þambarskelir did not originally mean 'farter' this is how the scribe of Morkinskinna and his source seem to have understood it, a circumstance more important than the etymology and early history of þomb. But possibly they understood the nickname correctly. A big fart was associated with great strength Einarr might once have broken wind while drawing the bow and acquired his nickname Þambarskelir, 'superfarter' as it were, a nickname of which anyone could have been proud. He hardly became a Þambarskelir a few days before his death...».

Исследователи уже обращали внимание на это несоответствие. Сторонниками «теории брюха» высказывалось предположение, что Эйнар получил это прозвище лишь к старости, когда заметно растолстел, а на его молодые годы оно переносилось, так сказать, задним числом [Finnur Jónsson 1907, 216]²². Однако сторонники «теории тетивы» совершенно справедливо находили такое объяснение искусственным [Saltnessand 1968, 144]. Помимо всего прочего, нигде в сагах мы как будто бы не находим упоминания о том, что комплекция Эйнара так существенно изменилась с возрастом, и нигде нет и каких-либо рассказов о получении им этого нового именованья именно в зрелые годы²³. Между тем сюжеты о получении прозвища и о смене прозвищ были для составителя саг настолько актуальными, что трудно себе представить, будто они могли опустить настолько важное событие в жизнеописании одной из известнейших фигур XI в. Даже собственно языковые коннотации *þömb*, извлекаемые из всего того, что о нем известно, как кажется, противоречат идее соположения лексем *skelir* и *þömb* для описания немолодого толстяка. Как мы помним, *þömb* скорее характеризует плотный, туго набитый, «налитой» живот («with the notion of being blown up», по выражению Р. Клизби), а не тот, что сотрясается при каждом движении. Итак, скорее всего, если Эйнар и был «Брюхотрясом», то он был им с самого начала, с тех пор, как совсем молодым человеком попал в самую гущу военных и политических событий.

Более того, в одном из своих значений это прозвище подходило, по всей видимости, именно молодому воину, превосходящему своей силой сверстников. Это утверждение требует как лингвистического, так и семиотического комментария. Глагол *skelfa*, от которого образован элемент *skelir* в прозвище Эйнара, сам по себе является производным от сильного глагола *skjálfa* «трястись, трепетать, дрожать». Казуальный же слабый глагол *skelfa* означает, соответственно, «заставлять трепетать, дрожать, трястись». При этом *nomen agentis* от *skelfa* имеет, как уже отмечалось исследователями, ярко выраженную субъектно-объектную направленность. Иными словами, тот, кто потрясает, противопоставлен тому, на что направлено его действие, и, таким образом, объект действия чаще всего в известном смысле лежит за пределами субъекта²⁴.

Такие характеристики *nomen agentis* от глагола *skelfa* проявляются в достаточно древних эпитетах и прозвищах. Один из исландцев, живший в IX в., в «Книге о занятии земли» называется, например, Викинг <имя собственное. — Ф. У.> *Skáneyrarskelir* «потрясатель (устрашитель) сконцев» [Lnd., 114], а некий Асгейр, который в X в. в отместку за нанесенный ему ущерб перебил всю команду норвежского корабля, в саге и в той же «Книге о занятии земли» награждается прозвищем *austmannaskelir* «потрясатель (устрашитель) восточных людей (= норвежцев)»²⁵. Сложными эпитетами с элементом *-skelir* (*danaskelir* «потрясатель (устрашитель) данов», *liðskelir* «потрясатель (устрашитель) войска») в ряде случаев называется в скальдической поэзии конунг Магнус Голоногий († 1103) [LP, 372, 505]²⁶. Таким образом, в традиции именованья на *-skelir* имеют отчетливо выраженный героический характер.

22 Ср. «...det tn har Einar fát i sin ældre alder på grund af sin færlighed».

23 Вообще говоря, следует отметить, что в сагах отсутствует сколько-нибудь подробное описание физического облика Эйнара. Единственным указанием подобного рода можно было бы считать обмен репликами между Эйнармом и Альвивой, матерью конунга Свейна Кнутссона, когда они спорят над мощами Олава Святого. В частности, Альвива говорит: «У тебя толстая шея Эйнар (*dig er þinn hals*), но и таких рыб, как ты, мне удавалось загонять в свои сети», на что Эйнар отвечает: «Шея моя не так уж толста (*æigi er minn hals miok digr*), однако если в твою сеть попадет много таких, как я, то она не выдержит» [OH. Leg., 90]. Очевидно все же, что речь здесь идет не столько о действительной физической толщине Эйнара, сколько о его могуществе и, так сказать, общественном весе.

24 Ср. в этой связи наблюдения А. Хольтсмарк из частной переписки с Э. Сальтнессандом, приводимые в работе [Saltnessand 1968, 146].

25 *Hann fekk Þórunnar dóttur Ásgeirs austmannaskelis; var hann af því svá kallaðr, at hann drap skipshöfn í Grímsárósi fyrir þat, er hann var áðr rænt af þeim* (Ldn., 117, 225); ср.: [Floam., 12–13].

26 Ср. также обозначение щедрого человека как *aiddarskelir* «потрясатель (устрашитель) богатства», которое принадлежит к числу весьма распространенных в скальдической поэзии кеннингов, связанных с раздачей добра, в первую очередь золота («ненавистник злата», «дробитель колец» и т.п.) ([Meissner 1921, 246, 289–308, 330–331]; ср.: [Fidjestøl 1997, 132]). Особенно интересны для нас случаи обозначения мужа как *ýskelir* «потрясатель лука» в скальдической поэзии, однако для интерпретации прозвища *rambarskelir* оно дает меньше, чем может показаться на первый взгляд, в дошедших до нас скальдических текстах это обозначение не встречается, мы обнаруживаем его лишь в «Перечне размеров» из «Младшей Эдды» Снорри Стурлусона, в ряду прочих образчиков поэтических обозначений мужа [SnE., 155, строфа 11]. В какой мере этот эпитет был ориентирован на прозвище Эйнара, сказать трудно, при этом весьма вероятно, что данное обозначение целиком сконструировано Снорри и не принадлежит древней поэтической традиции (ср.: [Saltnessand 1968, 146]).

На фоне этих прозвищ и отглагольных характеристик, данных воинам, которые заставляли трепетать жителей Сконе, норвежцев или данов, устойчивое прозвание Эйнара сына Эйндриди, где к компоненту *-skelir* присоединен многозначный элемент, означающий в том числе «брюхо», выглядит еще более неожиданным, некий смысловой сдвиг оказывается еще более явным²⁷. По всей вероятности, каламбурный характер этого именованья хотя бы отчасти объясняется тем, что речь в нем может идти вовсе не о животе самого Эйнара. Дело в том, что мы располагаем довольно репрезентативным числом контекстов, где различные активные действия, производимые над животом, являются не чем иным, как обозначением отношений сексуального характера, а точнее говоря — эвфемистическим описанием полового акта. Зачастую (хотя и не обязательно) это описание вкладывается в уста кого-либо из саговых персонажей и являет собой вызов, оскорбление или насмешку.

Действие может обозначаться, например, глаголом «хлопать» или «трепать» (*klappa*): так, в «Саге о людях с Песчаного Берега» рассказывается о том, что некий «Гуннлауг сын Торарина Толстого был любознателен: он часто бывал на Чаечном Склоне и перенимал знания у Гейррида дочери Торольва, ибо ей было ведомо многое. Однажды днем, когда Гуннлауг шел к Чаечному Склону, ему случилось зайти на Холм, и он разговорился с Катлой, а она спросила его, правда ли, что он снова собрался на Чаечный Склон, чтобы трепать старухе живот (*klappa um kerlingar nárann*)» [ИС 2004, 35, гл. XV; Еб., 41]²⁸.

В другой саге, «Саге о побратимах», о гибели одного из персонажей, Торгейра, говорится следующее:

И вот, поскольку люди Торгрима поняли, что нападать на Торгейра намного опаснее, чем трепать баб за вымя (букв. «хлопать по животу своих жен» — klappa um maga konum sínum), дело подвигалось у них медленно, и Торгейр обошелся им дорого, ибо из слов Тормода следует, что прежде чем пасть, Торгейр принес смерть четырнадцати людям [ИС 2000, 166, гл. XVII; Ftb., 122].

В «Саге о Греттире» мы обнаруживаем довольно пространное описание того, как Греттир демонстративно отлынивает от общих работ на корабле во время путешествия, оскорбляет своих попутчиков и оказывается совершенно невыносимым. Помимо всего прочего, его спутники подозревают, что Греттир соблазнил плывшую с ними молодую женщину, жену кормчего. Наконец, вспыхивает ссора, во время которой ему было брошено такое обвинение:

Тебе больше нравится хлопать по животу жену кормчего Барда (klappa um kvíðinn á konu), чем выполнять свои обязанности на корабле [ИС, I, 602, гл. XVII; Gret., 56–57].

Возможно, глагол *klappa* используется в подобного рода выражениях столь охотно не только благодаря своей семантике, но и потому, что он образует аллитерирующие сочетания (*klappa um kerlingar nárann*, *klappa um maga konum*, *klappa um kvíðinn á konu*) (ср.: [Scott 2002, 230, 240, примеч. 15]). В то же время в такого рода эвфемистическом описании может употребляться отнюдь не только этот глагол. В «Саге о Ньяле», например, очень сходное оскорбление воплощено с помощью иных лексических средств:

Началась перебранка, и Тьостольв сказал Глуму, что тот только и умеет, что елозить на животе у Халльгерд (brölta á maga Hallgerði) [Nj., 42; ИС, II, 79, гл. XVII].

Обратим внимание, что интересующий нас эвфемизм не является устойчивым фразеологическим сочетанием, состоящим из жестко закрепленных лексических единиц. Скорее, он представляет

27 Как кажется, здесь нельзя не упомянуть о том, что написание прозвища Эйнара в рукописях иногда отклоняется от наиболее распространенного варианта и приводится как *rambarskelmir*, где *skelmir* есть не что иное, как одно из обозначений дьявола (из немецк. *schelt* «плут, мошенник», ср. русск. «шельма»). Разумеется, с вариантом *skelmir* прозвище Эйнара оказывается еще более странным и необычным.

28 О возможных обценных коннотациях слова *kerling* «старуха, пожилая женщина» в древнеисландском языке см.: [Sørgensen 1983, 67]; ср. также: [Falk 1912, 56–57].

собой соположение концептов и может быть описан формулой «активное действие + живот женщины», причем каждый из элементов, как мы убедились, может обозначаться в нем по-разному. Так, глагол *bröлта* «возиться, елозить» сам по себе, по-видимому, обладал некими эротическими коннотациями²⁹, а глагол *klarra* был с этой точки зрения вполне нейтрален и приобретал соответствующий смысл лишь в интересующих нас сочетаниях.

Итак, несмотря на определенную вариативность в лексическом наполнении этой конструкции, у нас, как кажется, есть все основания говорить о ее цельности и устойчивости, быть может, в первую очередь потому, что это едва ли не единственный способ регулярного и при этом конкретного перифрастического описания действия *futuere*, которое мы находим в сагах (ср.: [Jochens 1995, 71–77])³⁰. В сагах семантика глагола в подобных выражениях, вообще говоря, отчасти нивелируется, он действительно должен обозначать активное и, так сказать, резкое действие. Конкретный же характер этого действия в известном смысле не имеет решающего значения, так как обозначение этого действия призвано заместить здесь другой термин с эксплицитным обценным значением. Семантическая нагрузка, скорее, переносится на другой элемент перифрастического описания — на живот женщины.

На наш взгляд, прозвище *Þambarskelfir* принадлежит к этому же разряду эвфемистических характеристик. Разумеется, будучи прозвищем, оно по ряду грамматических параметров отличается от непрозвищных словосочетаний, употребляемых в саговом нарративе. Глагол замещается здесь производным от него *þomen agentis*, что более чем закономерно, поскольку собственно глагольные прозвища не были свойственны скандинавской антропонимической традиции.

Как видно из приведенных выше примеров, живот женщины также мог обозначаться с помощью разных лексем (*magi*, *nági*, *kviðinn*), и слово *þömb* хорошо встраивается в этот ряд. Напомним, что в примере из скальдической поэзии, где зафиксирована лексема *þömb*, она относится к растущему животу беременной женщины. При этом та форма родительного падежа, которую мы видим в прозвище *Эйнара*, соотносит это именование с уже упоминавшимися нами величальными эпитетами типа «потрясатель данов», и, по-видимому, если переводить его буквально, следовало бы выбрать конструкцию «сотрясатель (устрашитель?) живота», подразумевая, что речь в данном случае идет о животе женщины, а прозвище в целом обладает значением *fututor*.

Если такая интерпретация верна, то перед нами прозвище почти обценное, но насмешливое и почетное одновременно. Сказанное, однако, нисколько не отменяет предложенного ранее тезиса о многозначности этого именования, о возможности его понимания в двух регистрах, высоком и низком. Не случайно оба составляющих его компонента вполне допускают такое амбивалентное толкование. В самом деле, будь здесь употреблено, например, производное от глагола *klarra*, прозвище *Эйнара* стало бы откровенно непристойным, утратило героическую составляющую и, рискуем предположить, едва ли могло бы сохраняться на протяжении всей жизни за человеком его репутации и положения в обществе. При существующей же двойственности остается простор для выбора: можно толковать прозвище как героическое («Потрясатель тетивы»), можно как вполне благопристойное и насмешливое («Трясущий брюхом») и, наконец, можно сосредоточиться на

29 Употребление этого глагола для описания сексуального акта возможно и без каких-либо дополнительных лексических средств. См., например, рассказ о том, как некий Хрольв в Англии купил себе самую дорогую рабыню из тех, что ему предлагали. Заплатив за женщину 10 марок серебра, Хрольв, согласно саге, «уложил женщину подле себя в койку, стал возиться на ней (*bröltir á henni*) и вел себя <как> одержимый. А когда наступила ночь, они оба заснули...» ([*Mág.*, 149]; ср.: [Fritzner, I, 204]).

30 В сущности, в древнеисландских текстах фигурируют три глагола с прямым, незвфемистическим значением «*futuere*» — *serða*, *streða* и *þoga*. Каждый из них заслуживает отдельного обстоятельного комментария, от которого мы вынуждены здесь отказаться. Отметим лишь, что глаголы *serða* и *streða* «вступать в половые отношения (о мужчине)», несомненно, связаны между собой: один (*streða*) был образован от другого (*serða*) при помощи табуирующей метатезы (ср. с. 26 в настоящем издании). Что же касается исключительно редкого глагола *þoga* (его нет даже в самых авторитетных словарях Р. Клизби и Й. Фритцнера), то исключительно важным и, к сожалению, пока нерешенным представляется вопрос о его возможной этимологической связи со словом *magi* «живот, брюхо». О глаголе *þoga* см. подробнее: [Ólafur Halldórsson 1960, 58–59; Ólafur Halldórsson 2003; Heslop 2006, 81, примеч. 27].

том его значении, где откровенная юмористическая составляющая сочетается с несомненным признанием известных достоинств (*fututor*).

Очевидно, именно по первому, так сказать, героическому пути интерпретации двинулись потомки Эйнара, сохранившие в сагах его жизнеописание. Как мы помним, в большинстве саговых текстов с его именем ассоциируется исключительно стрельба из лука, а не его грузность или подвиги на сексуальном поприще. При этом трудно допустить, чтобы Снорри Стурлусон, например, или другие составители саг не отдавали себе отчета в том, что слово *rómb* означало не только «тети-ва», но и «брюхо, живот». Однако это знание далеко не всегда оказывалось актуальным. Его актуализация происходит в таких эпизодах, когда противники Эйнара, прежде всего конунг Харальд, хотят посмеяться над стариком. Крайняя нежелательность такой актуализации для самого обладателя прозвища и его сторонников демонстрируется в соответствующих фрагментах «Гнилой кожи» и «Книги с Плоского острова».

Более того, если ход наших рассуждений в принципе верен, то для составителей саг был, скорее всего, очевиден и сугубо непристойный оттенок именованья. Однако он не годился ни для возвышенной похвалы, ни для унижительной насмешки. Не исключено, что именно поэтому в сагах мы находим по преимуществу благопристойные, героические коннотации этого прозвища, в том числе призванные несколько затуманить этот чересчур прозрачный в силу своей распространенности и устойчивости эвфемизм.

Итак, именование *rambarskelir* на поверку оказывается своего рода сундуком даже не с двойным, а с тройным дном. На наш взгляд, именно такой многозначностью и был обусловлен в свое время выбор прозвища для молодого дружинника конунга Олава Трюггвасона. Подобная многозначность, с самого начала создающая своего рода простор для игры смыслов и ассоциаций, как кажется, более характерна для поэтического языка скальдов, чем для обиходной речи. Вполне вероятно даже, что таким каламбурным прозванием Эйнара наградил кто-то из скальдов, принадлежавших к окружению конунга Олава, хотя, разумеется, все допущения подобного рода лежат в области свободной фантазии исследователя.

Сокращения и литература

1. *Hkr., I-IV — Heimskringla / Udg. ved Finnur Jónsson. Kbh., 1893-1900/1901. (STUAGNL 23.)*
2. *Msk. — Morkinskinna / Udg. ved Finnur Jónsson. Kbh., 1932. (STUAGNL 53.)*
3. *ÓH. Leg. — Ólafs saga hins Helga / Udg. ved O. A. Johnsen. Kr., 1922.*
4. *Fsk. — Fagrskinna. Nóregs kononga tal / Udg. ved Finnur Jónsson. Kbh., 1902-1903. (STUAGNL 30.)*
5. *Munch 1852-1859, I-IV — P. A. Munch. Det Norske Folks Historie. Chr., 1852-1859.*
6. *Driscoll 1995 — Ágrip af Nóregskonungasögum / Ed. by M.J. Driscoll. London, 1995. (Viking Society for Northern Research. Text Series 10.)*
7. *Gade 1986 — K.E. Gade. Homosexuality and Rape of Males // Scandinavian Studies. 1986. Vol. LVIII/2.*
8. *Cleasby & Vigfusson — R. Cleasby. the Icelandic-English Dictionary / Enlarged and completed by Gudbrand Vigfusson <= Guðbrandur Vigfússon>. Oxford, 1874.*
9. *Skj., I-II — Finnur Jónsson. Den norsk-islandske Skjaldedigtning. B (Rettet tekst). Kbh., 1973. (Перинт издания 1912-1915 гг.)*
10. *Bjarn. — Bjarnar saga Hitdælakappa / Hrsg. von R. Boer. Halle, 1893.*
11. *Finnur Jónsson 1905 — Finnur Jónsson. <Рецензия на:> E. Mogk. Geschichte der norwegisch-isländischen Literature // Göttingische gelehrte Anzeigen. 1905. Bd. CLXVII.*
12. *Finnur Jónsson 1907 — Finnur Jónsson. Tilnavne I den islandske Oldlitteratur // Aarbøger for Nordisk Oldkyndighed og Historie. 1907. II. Række. XXII. bind.*
13. *Cleasby & Vigfusson — R. Cleasby. the Icelandic-English Dictionary / Enlarged and completed by Gudbrand Vigfusson <= Guðbrandur Vigfússon>. Oxford, 1874*
14. *Fms., I-XII — Fornmanna sögur. Kaupmannahöfn, 1825-1837. Fornaldar sögur..., I-III — Fornaldar sögur Nordrlanda / Utg. C.C. Rafn. Kaupmannahöfn, 1829-1830.*
15. *Gret. — Grettis saga Ásmundarsonar. Hrsg. von R. C. Boer. Halle a. S., 1900. (ASB 8.)*
16. *de Vries 1977 — J. de Vries. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1977*
17. *Фасмер 1996, I-IV — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Пер. с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева. Издание третье. СПб., 1996.*
18. *ИС, I-II — Исландские саги / Под общ. ред. О.А. Смирницкой. СПб., 1999.*

20. ИС 2000 — Исландские саги / Перевод с древнеисландского, общ. ред. и комментарии А.В. Циммерлинга. М., 2000.
 21. Nj. — Brennu-Njálssaga (Njála) / Hrsg. von Finnur Jónsson. Halle a. S., 1908. (ASB 13.)
 22. ÓTódd — Saga Óláfs Tryggvasonar af Odd Snorrason munk / Udg. ved Finnur Jónsson. Kbhn., 1932.
 23. Saltnessand 1963 — E. Saltnessand. Svolder eller Nesjar? // (Norsk) Historisk Tidsskrift. 1963. Bd. XLII.
 24. Saltnessand 1968 — E. Saltnessand. Hva betyr tilnavnet Tambarskjelve? // (Norsk) Historisk Tidsskrift. 1968. Bd. XLVII/2.
 25. Gade 1995 — K.E. Gade. Einarr Þambarskelir's Last Shot // Scandinavian Studies. 1995. Vol. LXVII.
 26. Gade 1995-a — K.E. Gade. Einarr Þambarskelir, Again // Scandinavian Studies. 1995. Vol. LXVII.
 27. Flat, I-III — Flateyjarbók / Udg. af Guðbrandr Vigfússon, C.R. Unger. Chr., 1860-1868
 28. Libermann 1996 — A. Libermann. 'Gone with the wind'. More thoughts on medieval farting // Scandinavian Studies. 1996. Vol. LXVIII.
 29. Lnd. — Landnámabók I-III: Hauksbók. Sturlubók. Melabók. Kbhn., 1900.
 30. LP — Sveinbjörn Egilsson. Lexicon poeticum antiquæ linguæ septentrionalis: Ordbog over det norsk-islandske skjaldesprog / Udg. ved Finnur Jónsson. Kbhn., 1931.
 31. Floam. — Floamannasaga / Udg. ved Finnur Jónsson. Kbhn., 1932. (STUAGNL 56)
 32. Meissner 1921 — R. Meissner. Die Kenningar der Skalden: Ein Beitrag zur skaldischen Poetik. Bonn; Leipzig, 1921.
 33. Fidjestøl 1997 — B. Fidjestøl. «Have you heard a poem worth more?»: a note on the economic background of early skaldic praise-poetry // B. Fidjestøl. Selected Papers / Ed. by O.E. Haugen, Else Mundal. Odense, 1997. (The Viking Collection 9.)
 34. SnE — Snorri Sturluson. Edda / Udg. af Finnur Jónsson. Kbhn., 1900.
 35. Sørensen 1983 — P.M. Sørensen. the Unmanly Man. Concepts of Sexual Defamation in early Northern Society. Odense, 1983. (The Viking Collection. Studies in Northern Civilization 1.)
 36. Falk 1912 — H. Falk. Altnordisches Seewesen. Heidelberg, 1912. (Wörter und Sachen 4.)
 37. Scott 2002 — F. F. Scott. the Woman Who knows: Female Characters of Eyrbyggja saga // Cold Counsel: Women in Old Norse Literature and Mythology. a Collection of Essays. Ed. by S.M. Anderson, K. Swenson. NY.; London, 2002.
 38. Mág. — Bragða-Mágus saga með tilheyrandi þáttum. Skrifuð upp eptir gömlum handritum af Gunnlaugi Þórðarsyni. Kaupmannahöfn, 1858.
 39. Fritzner, I-III — J. Fritzner. Ordbog over det gamle norske Sprog. Oslo, 1954.
 40. Jochens 1995 — J. Jochens. Women in Old Norse Society. Ithaca; London, 1995.
 41. Ólafur Halldórsson 1960 — Ólafur Halldórsson. Grettisfærsla // Opuscula. 1960. Vol. I. (Bibliotheca Arnarnagæana 20.)
-

Индоевропейский культ Зари

Иван ОБРАЗЦОВ
<https://vk.com/koryos>

ПОСЛЕ Небесного Отца богиня Зари (**Áwsōs*) — наиболее надёжно восстанавливаемый образ праиндоевропейской мифологии. Об этом нам говорят как сильные лингвистические свидетельства, так и отчётливые структурные сходства богинь Зари практически во всех дочерних культурах. С этим ярким и незаурядным божеством наши предки связывали как саму утреннюю зарю, так и весну, и конкретно день весеннего равноденствия, в связи с чем статья о Заре выходит именно в эту солярную дату.

Праиндоевропейцы не оставили ни одного письменного источника о своей жизни. Тем не менее, на основании продолжительного и скрупулёзного изучения лингвистики, археологии, антропологии, палеогенетики и мифологии исследователям удалось по крупицам реконструировать их величественную духовную культуру. Восстановить мифологию и культы наших далёких предков позволяют методы сравнительной мифологии.

КЕМ БЫЛА БОГИНЯ ЗАРИ?

Имя богини Зари в праиндоевропейском языке строилось на корне **h₂us-/*h₂ews-* (позд. и-е. **us-/*aws*), означающем «светиться», «пылать (красным)». Его можно видеть также в индоевропейском обозначении золота — **áwsom* (лат. *aurum*, прусс. *ausis*), и, как мы увидим позднее, золото напрямую связано с образом Зари в рамках мифопоэтики наших предков.

В разных дочерних традициях корень **Aws-* дополнялся суффиксами **-ōs-* или **-gā-*. Формы, происходящие от имени **Áwsōs* наиболее многочисленны:

— Индо-иранское **Ušās* (ведийская богиня *Uṣas* «Заря», авестийское *ušah* «заря», пехлевийское *Ušbām* (имя язаты Зари в позднем зороастризме))

— Греческое *Ἦώς/Ἠώς* «Эос/заря» (варианты: аттическое *Ἔως/Ἐως*, эолийское *Αῦως/αῦως* (также эолийская форма с дигаммой — *Ἄως/ἄως*), дорийское *Ἄως/ἄως*)

— латинская *Aurōra* (от формы **Awsōs-a* с ротацизмом)

Также существуют варианты имени богини, восходящие к позд.и.-е. **Aws(t)rā*. Они распространены в первую очередь в западных ветвях традиции.

— германское **Austrō* (древнеангл. *Ēostre/Ēastre*, откуда *Eostur-mōnath* «месяц Эостры», затем «Пасха», соответствующее древневерхненем. *Ōstar-mānod* «Пасха», откуда восстанавливается древневерхненемецкое имя богини **Ōstara*, отсюда же совр. англ. *Easter*, нем. *Ostern* «Пасха»; также известна римско-германская посвятельная надпись *matronae Austriahenae*)

— балтское *Auštrā/Aušrā* (лит. *àustra/aūstra*, латыш. *Aušrinē < aušra*)

От этого же теонима происходят также и наименования, не относящиеся к божествам Зари как таковым: славянское **(j)utro/*(j)ustro* «заря, утро», санскр. *uṣṛā* «утро», греч. *αὔρα* «утренний воздух».

(когнаты приведены по «*Encyclopaedia of Indo-European Culture*» под ред. Дж.П. Мэллори и Д.К. Адамса. и «*Indo-European Poetry and Myth*» М.Л. Уэста)

Таким образом, именами богини Зари у наших предков были теонимы **Áwsōs* и **Aws(t)rā*.

АТТРИБУТЫ БОГИНИ ЗАРИ

Богиня света

Прежде всего, Заря прославляется за то, что несёт свет. Как известно, свет и световые метафоры играют ключевую роль в индоевропейской мифопоэтике: свет — а значит, и Заря — напрямую связан с бытием и истиной, свет делает вещи видимыми, тем самым утверждает их, даёт место под Небом и на Земле, делает настоящими. Лучше всего это представление отражается в гимнах Ригведы: Ушас «сделала явным весь мир» (*āvir akar bhuvanam viśvam Uṣāḥ*, RV 7.76.1 — здесь и далее перевод Ригведы Т.Я. Елизаренковой). Интересно, что, раскрывая одно, Ушас скрывает другое — RV 7.80.2: Ушас пробудилась, сокрыв (!) мрак светом (*gūḍhvī tamo*). Мрак — антитеза света и рассвета (RV 7.77.1: Она создала свет (*akar jyotir*), прогоняя мрак (*bādhāmānā tamāmsi*)). При этом во мраке рыщет нечисть, существа, напрямую связанные с ночной, тёмной и подземной сферой. Как и другие небесные божества, Ушас выступает как сила, способная бороться с ними и уничтожать их:

RV 7.75.1: (Вот) в соответствии с (божественным) порядком зажглась Ушас, рожденная на небе (Uṣā... divijā). | Она пришла, являя (свое) величие. | Она раскрыла злых духов (и) безрадостный мрак. (apa druhas tama āvar ajuṣtam)

RV 1.92.5: [Ушас] гонит чёрное чудовище (bādhate kṛṣṇam abhvatam)

Это представление — не исключительно индоарийское. Греческая Эос играла ключевую роль в гигантомахии, позволив богам-олимпийцам

взять верх над хтоническими гигантами под предводительством Земли-Геи. На южном фризе знаменитого Пергамского алтаря, изображающего гигантомахию, также присутствует Эос на коне, попирающая поверженного гиганта.

Свет зари устойчиво описывается поэтически при помощи двух метафор — золота и красного цвета. В гомеровских поэмах и гимнах Эос систематически называется розовоперстой (*ροδοδάκτυλος*) и златотронной (*χρυσόθρονος*). Ведийская Ушас обладает золотыми (RV 3.61.2; 7.77.2: *hiraṇya-varṇā*) или красными конями (RV 1.49.1; 7.75.6: *aruṣāso aśvāś*), красными коровами (RV 1.92.1–2, 1.124.11: *gāvo aruṣīr*). Овидий в *Amores* описывает Аврору как золотую (*flava... Aurora*), а Вергилий в *Энеиде* несколько раз описывает её алую (*rosa*), золотисто-алую (*lutea*) или багряную (*punica*) колесницу. В латышских дайнах Аушрине также фигурирует как *zelta jumprāiņa*, «золотая девица», в то время как в традиционном зачине русского заговора она фигурирует как Заря-Зареница, красная девица. Напомним, что само имя индоевропейской **Áwsōs* содержит корень, содержащийся также в индоевропейском наименовании золота, **áwsom*.

Также свет богини рассвета связывается с облегчением, освобождением от тягостей и страданий. Ушас не только рассеивает тьму, но и приносит счастье страждущим: «выезжает к людям | На сотне колесниц эта приносящая счастье Ушас (*subhagoṣā*)» (RV 1.48.7). Тот же мотив находим и в *Энеиде* Вергилия: «встала Аврора меж тем, и несчастным смертным (*miseris mortalibus*) явила | Благостный свет (*almam... lucem*)» (*Aeneid*, XI.

Южный фриз пергамского алтаря.
Эос справа сверху

182–3), и в первом парфении лакедемонского поэта Алкмана: «всех она [Заря] страданий | Исцелительница наших...» (433–35). Именно поэтому, судя по всему, в русской заговорной традиции именно Заря-Зареница является одним из наиболее часто призываемых образов, к которому обращаются за помощью.

Богиня Неба

Другим аспектом культа Зари, из раза в раз появляющимся в индоевропейской мифопоэтике, является её прямая связь с Небом. Заря систематически называется «дочерью Неба» (Отца Неба): Ушас постоянно именуется *Divo duhitā*, «дочь Неба/Дьяуса», или, реже, *divijā* «небесная», «рождённая на небе», Эос — *Διὸς θυγάτηρ* (впоследствии эпитет перешёл Афродите; изначально *Ἀφροδίτη*, букв. «сияющая из морской пены» — эпитет Эос, хотя существуют и иные этимологии её имени), Сауле в латышских дайнах — *Dievo duktē*. Это позволило исследователям реконструировать древний эпитет богини **Áwsōs* — **Diwós dhugetēr*.

Несомненно, к праиндоевропейской древности возводится представление о том, что Заря открывает двери дома бога небес: Ушас отворяет врата Неба (RV 1.48.15: *dvārau Diváh*). В латышской даине LD 33799 также упоминаются врата Диеваса:

Кому лошади, кому колесница (kam tie rati — ср. санскр. ratha «колесница») | у дверей дома Божьего (rie Dieviņa namdurēm)? | Это кони Божьи, повозка Божья, | они ждут, пока Сауле (Солнце) сядет там. (перевод по: D. Calin, «Indo-European Poetics and the Latvian Folk Songs»

В других дайнах также фигурирует *Dieva durvis* (дверь Диеваса) или *Dieva namdurvis* (дверь дома Диеваса). В восточнославянской заговорной традиции Заря также отмыкает или замыкает врата Неба (Заря-заряница, красная девица, врата запирала, по полю гуляла, ключи потеряла — запись В. Даля), причём литовская загадка о девушке, потерявшей ключи (ответ — Аушрине), свидетельствует о прабалтославянской древности этого мотива. У эллинов нарушилось понимание связи между домом Неба (*Διὸς δόμος*, или *Διὸς...δῶ* или *δῶμα Διὸς* — Зевсов дом в Илиаде) и вратами, которые отпирает Заря: в «Деяниях Диониса» Нонна Панополитанского сон слагает крылья

«пред девой / Эос, врата отворившей дню» (*θύρας πολεμητόκος ἠώς* — песня XXVII, 2); в гомеровском гимне к Афродите Эос запирает «блестящие двери» (*θύρας...φαιινάς*). Однако «дома» есть и у Эос в Илиаде (*οἰκία*). Дом зари появляется и у персов в Авесте как *Ušidam* (Яшт 1.28; 31). Древнеримский поэт Овидий также пишет в «Метаморфозах»:

«Вечно бодрa, уже на румянem востоке | Створы багряных дверей (purpureas...fores) раскрывает Аврора» Metamorphoses II, 112–113; пер. С.В. Шервинского
Санскр. *dvārau*, латыш. *durvis/durvīm*, греч. *θύρας*, лат. *Fores* — это одно и то же слово, восходящее к позд. и.-е. **dhwéris* (в других ступенях аблаута — *dhwóres, *dhwéris*), что позволяет реконструировать изначальное поэтическое выражение: **Diwós dhwéris* «врата Неба» или **Diwós déms dhwéris* «врата дома Неба», которые открывает **Áwsōs*.

БРИГАНТИЯ, БРИХАТИ И БРИГИТТА

В римской Британии широко был распространён культ богини Бригантии, широко представленный в эпитафике. Исследователи давно усмотрели связь её имени с эпитетом ведийской Ушас, *bṛhatī* «высокая», «возвышенная»:

RV 1.113.19: Знамя жертвы, высокая [Ушас], — воссияй! (yajñasya ketur bṛhatī vi bhāhi)

RV 1.123.2: Завоевывающая награду, высокая, победоносная [Ушас] (jayantī vājam bṛhatī sanutrī)

RV 5.80.1–2: Обладающую сверкающим выездом, высокую (bṛhatīm), по закону | Преданную закону, алого цвета, ярко сверкающую (vibhātīm)... На высокой колеснице (bṛhadrathā), высокая (bṛhatī), все приводящая в движение [Ушас]...

Обе формы восходят к позд.и.-е. **Bhrghntī* «Высокая». Употребление имени Бригантии на кельтиберских монетах позволяет говорить об общекельтском характере богини. В христианскую эпоху древнюю Бригантию сменила святая Бригитта — одна из трёх самых почитаемых святых Ирландии (прославляется как преподобная Бригитта царевна Ирландская в православии). Согласно житию, святая Бригитта была рождена на заре на пороге открытой двери (см. выше о небесных вратах) и была вскормлена белой коровой с красными ушами (см. выше о красных коровах Ушас).

Как и несомненные богини Зари, Бригантия описывается как прекрасная нимфа (*Deae nymphae Brigantiae* — посвятельная надпись из Иртингтона). Из Кории (совр. Корбридж) происходит алтарь, посвящённый Небесной Бригантии (*Brigantia Caelestis*) и Юпитеру Долихену — вооружённому секирой богу Грома, чей культ был особенно популярен в римской армии и который заслуживает отдельного упоминания в будущем.

Iovi aeterno / Dolicheno / et caelesti / Brigantiae / et Saluti / C(aius) Iulius Ap(ol)linaris / | (centurio) leg(ionis) VI iuss(u) dei

Кони и колесница ЗАРИ

Прочная ассоциация коня и колесницы с Солнцем — отличительная черта индоевропейской мифопоэтики. Однако Заря также предстаёт разъезжающей на колеснице:

Колесница Ушас или её красные кони появляются практически в каждом гимне Ригведы, посвящённом богине рассвета: она едет на прекрасно запряженной (*suyujā rathena*: RV 1.113.14; 4.14.3), сверкающей (*śośucatā rathena*: RV 1.123.7) или искусно разукрашенной (*viśvapiśā rathena*: RV 7.75.6) колеснице, или сразу на сотне колесниц (*śatam rathebhīḥ*: RV 1.48.7). В Авесте *uśah* описывается как *ranjat.aspa-/ravat.aspa-* «спешащая коней».

Эос у Гомера в Одиссее (23.246) въезжает на небо на колеснице, запряжённой конями Лампом (*Λάμπος*, «факел») и Фаэтоном (*Φαέθων*, «свечение»); Вакхилид в Энкомиях именуется её «белоконная Заря» (*λεύκιππος ἄως* — 20с.23). Эос, въезжающая на небо на колеснице, — один и наиболее

излюбленных образов древнегреческой краснофигурной вазописи; известно несколько сотен сосудов с такими изображениями.

Эос на колеснице.
Луканский краснофигурный кратер V в. до н.э.

У Вергилия в Энеиде Аврора выезжает на алой квадриге (*roseis...quadrigis* — VI.535), окрашенной алым золотой биге (*roseis fulgebat lutea bigis* — VII.25–26), на багряных колесах (*puniceis... rotis* — XII. 77).

Скорее всего, образы колесницы и коней как постоянных атрибутов богини рассвета появились в глубокой древности под влиянием индоевропейского солярного культа и его символики. Это ещё раз подчёркивает тесную связь Зари именно с богами небесного светоносного порядка, и, в частности, с богом Солнца — **Sāwelyos*.

БОГИНЯ ЗАРИ И ПРАЗДНИК ВЕСНЫ

В рамках космических циклов заря соответствует весне, так как дневной и годовой циклы повторяют друг друга. Богине Зари поэтому у наших предков был посвящён весенний праздник (вероятно, изначально — весеннее равноденствие, хотя необходимо учитывать, что расчёт времени равноденствий гораздо труднее расчёта солнцестояний). В обрядовых циклах большинства индоевропейских народов сохранились отчётливые следы, свидетельствующие об общеиндоевропейском весеннем празднестве, посвящённом богине Зари.

Англо-саксонский хронист VIII в. Беда Достопочтенный пишет о священном месяце — *Eostur-mōnaþ*, — который был посвящён Эостре, древнеанглийской Заре (*Eostur-monath, qui nunc Paschalis mensis interpretatur, quondam a Dea illorum quæ Eostre vocabatur, et cui in illo festa celebrabant nomen habuit* — *De Temporum Ratione* 15). Якоб Гримм обратил внимание, что в верхненемецких регионах апрель назывался *Ōstar-mānod*; Пасха

же на немецком до сих пор именуется *Ostern*, на основании чего предполагал и древнюю немецкую богиню **Ōstara*.

Матралии (*Mātrālia*) — римский праздник, посвящённый Матери Утру, *Māter Matuta*. Под этим звучным эпитетом, несомненно, скрывалась великая богиня Аврора, что осознавали и сами римляне (У Приска: «*Matuta, quae significat Auroram...*»; у Лукреция: «Матута | В розовом свете зарю разливает (*auroram refert*) повсюду в эфире» *De rerum natura* V.656 (перевод Ф.А. Петровского)). Матралии были праздником для женщин, которые молились за детей своего брата, но не за своих. Также на Матралиях ритуально наказывали рабыню — связь этих странных, на первый взгляд, культовых особенностей с образом индоевропейской Зари будет раскрыта ниже. Овидий упоминает как центральный элемент празднества желтые (*flava*, «золотые», см. *flava*, как цвет Авроры у Овидия выше) пироги:

«Добрые матери, вам (Матралии — это ваш праздник) | Желтый богине пирог надо... нести. (*flavaque... reddite liba*)»

Fasti VI 475–476. пер. Ф.А. Петровского

Сразу же приходится вспомнить и восточнославянскую Масленицу с её обязательным атрибутом — блинами. Традиционные круглые пирожки (*hot cross buns*) — традиционное пасхальное кушанье в Англии и ряде других германских стран, хотя Беда Достопочтенный говорит о посвящении пирогов богам во время *Sol-mōnaþ* (февраля) в рамках солярного культа, а не в *Eostur-mōnaþ*.

В арийской Индии связь круглого пирога с Солнцем была эксплицитна: во время царского обряда Ваджапейи (*vājapeya*) на обрядовый столб помещался круглый пирог в форме колеса. Царь, дотрагиваясь до пирога, восклицал «мы достигли Солнца!» Также напрямую связаны с Солнцем были качели (во время зимнего солнцестояния, *Mahāvratā*, брахман качался на качелях, причём должен был прошептать качелям: «Ты есть Солнце!») — однако в Аттике качели были атрибутом как раз весеннего праздника: *Αἰώρα*, «качели» — название одного из дней афинских Атенестрий.

Греческий весенний праздник был напрямую связан с Зарёй в Лаконии: первый парфений спартанского поэта Алкмана был написан для хора девушек во время этого празднества. Стоящая на возвышении спартанка должна была следить за восточным горизонтом и, увидев восход Солнца, зажигала факел. Тогда хор принимался петь:

«...очень угодить хочу Аотис (Ἀώτις): | Ибо всех она страданий | Исцелительница наших...»

1 парфений Алкмана, 433–35

Ἀώτις — это ни что иное, как вариант греческого имени древней богини Зари, *Ἀώς* на дорийском диалекте.

Многочисленные пересечения индоевропейской обрядности, связанной с весенним праздником, с обрядностью, связанной с солярным циклом, как раз и заставляют говорить о совпадении праздника в честь Зари и солярной даты весеннего равноденствия.

Индоевропейский культ Зари, изображение № 4

Часто (в первую очередь, в Европе) весенние праздники были тесно связаны с временным послаблением табу и запретов в сексуальной сфере: в обычное время половая жизнь индоевропейских народов была подчинена жестким патриархальным порядкам, однако во время празднества в честь Зари устанавливалась известная доля раскрепощённости. Это подводит нас к следующему аспекту образа Зари:

ЗАРЯ И ЭРОТИЗМ

Индоевропейская богиня рассвета представляет собой предельно эротический образ. Пожалуй, наиболее яркие примеры этого предоставляет Ригведа. Ушас движется по восточному горизонту:

«Словно (женщина), | приближающаяся к любовнику (*jāra ivācaranty*)» (RV 7.76.3);

«Словно по следу (мужчин) идет, сладострастная (*vy arthinah padaṃ na vety odatī*)» (RV 1.48.6);

Она предстаёт в виде привлекательной девушки, не стесняющейся продемонстрировать своё обнажённое тело, свои прелести (*apsah*) и, в первую очередь, грудь (*vakṣa*):

«Ты идешь, словно девица, красуясь телом (*kanyeva tanvā śāśadānāñī*)» (RV 1.123.10);

«Она обнажает грудь, словно королева — вымя (*ivāporṇute vakṣa usreva barjaham*)» (RV 1.92.4)

«Ее грудь явилась взорам, как у блудницы (*uro adarśi śundhyuvo na vakṣo*)... Ушас, как любовница (*jāyeva*), выставляет (свою) грудь» (RV 1.124.4–7)

Ушас также сравнивается с танцовщицей (*nṛtū*): «Она увешивает себя украшениями, как танцовщица (*adhi peśāmsi vapate nṛtūr ivā*).» (RV 1.92.4). Мотив танца богини рассвета представлен весьма широко почти на всём индоевропейском ареале: Эос в Одиссее имеет место для танцев (*χοροί* — 12.4) на востоке, литовская Аушрине также танцует на камне в первый день лета. Это представление было перенесено на Сауле, балтскую богиню Солнца, заменяющую Аушрине во многих случаях: «в первое утро Пасхи Солнце на востоке танцует (*Saulė šokinėja*)»; «Во время Пасхи, когда все люди веселы, так даже Солнце от этого веселья подпрыгивает (*Saulė iš to smagumo šokinėja*)» (по А.Ю. Греймас, «О богах и людях»). Исследователи долго пытались связать

танец богини рассвета (или Солнца) с тем или иным природным явлением, тем не менее в приведённом выше контексте ясно, что танец Зари — это именно эротический танец, а не метафора какого-то естественного феномена.

Именно с древним образом богини рассвета связываются Афродита (*Ἀφροδίτη*, «сияющая из морской пены») и Фрейя (*Mardöll* «освещающая море» — один из кеннингов Фрейи) — более поздние богини, напрямую связанные со сферой любви и сексуальности.

Общеиндоевропейским мотивом, похоже, является представление о смертных любовниках Зари. Греческая Эос была влюблена в смертных юношей Титона, Клита, Ориона и Кефала, причём многих она не только соблазнила, но и похитила (заметим, что похищение невесты — прерогатива мужчин у индоевропейцев). Это тоже роднит её с Афродитой, также соблазнявшей и похищавшей смертных мужчин (Адониса, Анхиза и др.), а также Фрейей (Свиптаг, Од). В Ригведе также присутствует этот мотив, хотя ни один любовник Ушас и не называется по имени:

О Ушас, о та, которой (неизвестно) как понравиться, | Какой смертный насладится тобой, о бессмертная? (*kas ta... bhujе marto amartye*) | К кому ты приближаешься, о озаряющая? (RV 1.30.20)

А. Греймас связывал с этим и сказание, в которой смертный Юозапас (Иосиф) отправляется на поиски Аушрине, которую находит на острове посреди моря.

Индоевропейская Заря является богиней-любовницей par excellence, однако природа связанного с ней эротизма жестко ограничена, так как никогда этот эротизм не переходит в сексуальность, связанную с зачатием детей и материнством. Таким образом, весь обрисованный выше образ богини рассвета неминуемо наводит на вопрос:

ПОЧЕМУ ЗАРЯ — БОГИНЯ?

В основании индоевропейской мифопоэтики, как и мифологического миропонимания практически везде в мире, лежит существование двух сфер мироздания (*rodasī* в Ригведе, Дьяус-Небо и Притхиви-Земля), двух «типов сакральности» — небесного, мужского, светоносного и упорядочивающего начала и тёмного, земного женского хтонического

начала. Парадигматические женские божества — в первую очередь, Мать-Земля (**Dhéǵhōm Mātēr*) — связываются с плодородием и вегетацией, водами, Луной в противовес Солнцу и ночью в противовес дню, диким неокультурным пространством, лесом и т.д.

Заря, однако, является единственным общеевропейским божеством, представляющим резкое исключение из этого правила: Заря появляется в окружении символов золота и света, в то время как парадигматические богини связаны с тьмой и влагой. Она отпирает врата Неба, раскрывает истину, проливает свет на всё сущее, в то время как парадигматические богини связаны с земной стихией, сокрытием и укрытием. Она едет на колеснице, правит конями, поражает и рассеивает своим светом нечистую силу, в то время как парадигматические богини фундаментально амбивалентны и тесно связаны с демоническими существами. Все эти черты Зари в иных случаях сопутствуют строго мужским небесным божествам индоевропейцев.

Взаимодействие таких парадигматических хтонических богинь с мужскими божествами небесного и светоносного свойства также носит иной характер: обычно это открытая или скрытая борьба, подчинение и полу-насильственное оплодотворение. В образе таких богинь Земли прежде всего выступают символы плодородия, цикла рождения и смерти, зачатия и вынашивания жизни, материнства.

Богиню Зари с этой сферой ничего не связывает. Она предстаёт практически исключительно как богиня-любовница и выступает именно предметом восхищения мужчин — как смертных так и бессмертных — причём зачастую похищает своих возлюбленных, хотя умыкание невест есть сугубо мужская прерогатива в архаическом индоевропейском обществе.

Именно из-за резкого отрыва богини рассвета от сферы плодородия и деторождения она не является матерью, что особенно подчёркивается в мифах и связанных с ними культах; в римской *Māter Matuta*, которой был посвящён праздник Матралий, матери молились не о своих детях, но о своих племянниках:

Все-таки нежная мать не должна ей молиться о детях, | Ибо несчастной сама в детях была эта мать. (Ipsa parum felix uisa fuisse parens) | Лучше потомство других ее поручать попеченьям (Fasti VI. 559–561)

Объяснение этому обстоятельству нашёл в Ригведе Ж. Дюмезиль: Ушас — тоже *ipsa parum felix parens*, так как тоже вскормила чужого ребёнка, а не своего (Агни, сына Ратри (Ночи), сестры Ушас; т.е. своего племянника — RV 1.94). Изначально, судя по всему, Аврора также вскормила своего племянника, не имея своих детей, и именно в этом смысле она мать, *Māter Matuta*.

Иными словами, связь Зари с небесной светоносной сферой и именно этим обусловленный возвышенный эротизм резко отрывают её от области плодородия, цикла жизни и смерти и материнства: **будучи божеством света и золота, небесной гармонии, богиней, рассеивающей тьму, она может быть богиней-любовницей *par excellence*, но не может быть богиней-матерью. Образ богини Зари — пример эротизма, очищенного от сексуальности и деторождения.**

Несомненно, такой трансгрессивный характер образа богини рассвета связан с тем, что природа зари как времени лиминальна: это ещё не ночь, но уже не день (хотя и предвестник дня), местом рассвета является горизонт — уже не земля, но ещё не небо (хотя рассвет — это небесное явление). Именно из-за этой лиминальности, связывающей воедино две половины мироздания, рассвет и был наиболее излюбленным временем для проведения обрядов у наших далёких предков. ❖

Литература:

1. D. Mantzilas (2018) — *Mater Matuta: an Overview of her Cult*
2. D. Koelligan (2007) — *Aphrodite of the Dawn: Indo-European Heritage in Greek Divine Epithets and Theonyms*
3. D. Kalin (2021) — *Indo-European Poetics and the Latvian Folk Songs*
4. M.L. West (2006) — *Indo-European Poetry and Myth*
5. J.P. Mallory, D.Q. Adams (1997) — *Encyclopaedia of Indo-European Culture*
6. J.P. Mallory, D.Q. Adams (2006) — *An Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World*
7. M.Dexter (1996) — *Dawn Maid and Sun Maid Celestial Goddesses*
8. G. Dumézil (1966) — *La religion romaine archaïque*
9. P. Jackson (2002) — *Light from Distant Asterisks. Towards a Description of the Indo-European Religious Heritage*
10. A.J. Greimas (1979) — *Apie dievus ir žmones: lietuvių mitologijos studijos*

Старшая и младшая дружина, юный конунг и его воспитатель. К вопросу о традиционной структуре дружины и ее управлении¹

Илья Борисович ГУБАНОВ

к.и.н., старший научный сотрудник отдела
европеистики Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской
академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия

ВОПРОС о традиционной структуре дружины на Севере Европы и о характере управления дружиной или ее частями имеет очень важное значение как для понимания процессов образования раннесредневековых государств, так и для поиска сходных структур в других традиционных обществах, диахронически близких.

Наиболее ясно традиционная структура дружины вырисовывается из анализа значений по контексту двух терминов для обозначения «юной» и «старшей» дружины, употребленных в древнеанглийском эпосе «Беовульф» (рукопись памятника датируется приблизительно 1000 г. н. э.), а тесно связанный с этим вопрос о полномочиях воспитателя, предводительствующего юной дружиной молодого конунга, хорошо прослеживается по «Саге о Харальде Харфагре» «Круга Земного» и по древнерусской «Повести временных лет».

Для обозначения дружины конунга в «Беовульфе», как правило, используется слово *digod* (ср. нем. *Der Tugend* — «добродетель, доблесть»). Но есть в эпосе специальное слово, которое обозначает дружину сверстников и приятелей сына конунга. Это слово *geogod* — буквально — «молодежь».

Например, это слово упоминается во фрагменте, в котором рассказывается о юности конунга данов Хродгара.

þā wæs Hrōðgāre
herespēd gyfen,
65wīges weorðmynd,
þæt him his *winemāgas*
georne hyrdon,
oðð þæt sēo *geogod* gewēox,
magodriht micel
[Beo 64–65]

Тогда был Хродгару
дан войска-успех,
войны честь да смысл,
[так,] что ему его *друзья-родичи*
желанно внимали,
до того как та молодежь выросла,
юно-дружина большая

Речь здесь идет о тех временах, когда Хродгар еще был только сыном конунга, но уже участвовал в битвах со своей юной дружиной (*magodriht*). Эта дружина, состоявшая из людей одного с сыном конунга поколения и скрепленная в ту архаическую эпоху родственными связями (*winemāgas* — «друзья-родичи»), выросла вместе с Хродгаром, став затем, разумеется, ближайшей «старшей» дружиной нового конунга данов.

¹ Статья первоначально была напечатана в Научном вестнике Крыма, № 4 (15) 2018 УДК 930.2. Печатается с разрешения автора.

Это упоминание «юной дружины» как дружины сына или сыновей конунга не является в «Беовульфе» частным случаем, а, напротив, системой. Так, сыновья конунга Хродгара, а с ними молодой герой гаутский, освободивший Данию от чудовищ, Беовульф, пируют в дружинном зале Хеороте со своей младшей дружиной, *geogoð*, сидя на отдельной скамье.

Hwearf þā bī bence,
 þær hyre byre wæron,
 Hrēðgīc ond Hrōðmund,
 ond *hæleþa bearn*,
 1190 *giogoð* ætgædere;
 þær se gōða sæt,
 Bēowulf Gēata
 be þæm gebrōðrum twæm.
 [Beo 1188–1190]

Воротилась тогда ко скамье,
 там ее *чада* были,
 Хредрик и Хродмунд,
 и *героев отпрыски*,
молодежь, вместе собравшаяся;
 там тот добрый [молодец] сидел,
 Беовульф [из] гаутов
 при обоих братьях тех.

Система, когда при сыне конунга находится своя младшая дружина, выглядит естественной и глубоко архаичной. Следует думать, что при пожилom конунге (а Хродгар, конунг данов, описан именно так, и образ старого мудрого конунга для древнегерманской традиции — это своего рода эпический стереотип) его приятели с детства становились не только застольными сотрапезниками, но и ближайшими к конунгу советниками, членами «старшей» дружины. Их авторитет и влияние были издревле велики, что характерно не только для северогерманского мира, но и для Древней Руси. Так, описывая события XI в. на Руси, как отмечает Пресняков, летописец «осуждает... Всеволода Ярославича за то, что он стал пренебрегать прежней своей дружиной, а возлюбил «смысл юных», а Святополка Изяславовича — за предпочтение советов пришедшей с ним из Турова личной своей дружины мнению «дружины отней и старья», т.е. Ярославичей Изяслава и Всеволода времен их совместного правления. Эта старшая дружина переходит к младшему поколению князей, вооруженная давним влиянием и авторитетом в дружинной и в общественной среде. Из ее рядов выходили тысяцкие и посадники, советники князя и его сотрудники по делам строя и устава земли» [Пресняков 1993: 205].

Однако в «Беовульфе» «юная дружина» — только термин, не развернутый в эпическую тему «юной дружины». В полной мере тема «юной дружины» развернута в древнеирландском эпосе, как в более позднем «цикле Финна», так и в более архаичных произведениях ульстерского цикла. Славнейший герой древнеирландского эпоса, Кухулин, не только плоть от плоти и кровь от крови дружины юношей, но и выразитель ее необузданного жестокого духа.

В крупнейшей и значительнейшей саге уладского цикла — «Похищении Быка из Куальнге» — детству Кухулина посвящен специальный тематический фрагмент, открывающийся специальным зачином: «Начинается повесть о юношеских деяниях Кухулина...» [Саги об уладах, 2004: 258]. Далее рассказывается, как мальчик Кухулин был принят в юную ватагу на правах сильнейшего, повергнув всех королевских сыновей к ногам своим [Саги об уладах, 2004: 258–261].

Следует обратить внимание на следующие моменты. Во-первых, на высокий статус играющих юношей — Кухулин поборол пятьдесят королевских сыновей. В этом — явный параллелизм с «юной дружиной» Беовульфа: в древнеанглийском эпосе в нее входят сыновья конунга данов Хродгара и других знатных воинов, пирующих с ним в Хеороте. Тут, в ирландском эпосе, это тоже дети старшего поколения героев. Во-вторых, обращает на себя внимание воинственный характер сборища — Кухулину фактически приходится одерживать верх в битве с ватагой юношей. Посредством этой победы он признан ими сильнейшим, и после того как, атаковав, побивает их, Кухулин берет их под покровительство, иначе говоря, провозглашается вождем ватаги воинственных юношей. В-третьих, важен фактор кровного родства — Кухулин не просто пришелец со стороны, но родич — сын сестры — верховного вождя Конхобара. Можно выразить уверенность, что в противном случае,

не будучи родственником короля, Кухулин не мог бы быть инкорпорирован в это молодое воинственное сообщество. Это еще раз подчеркивает кровнородственный характер сообщества — молодой генерации, сыновей старшей знати.

Показательно, что Кухулин не желает биться со своими сверстниками из юной ватаги, почитая отношения, скрепляющие их, столь же высоко, сколь и кровные узы. Таким образом, перед нами социальные связи, высокая ценность которых в архаическом обществе очевидна.

Следует отметить, что образ самого Кухулина словно воплощает в себе существеннейшие качества юной дружины. Кухулин неистово яростен в битве, необуздан, неуправляем. От юного героя просто пышет молодецким жаром и безумной яростью [Саги об уладах, 2004: 296].

Характерно, что в более позднем Цикле Финна появляется фиана (fiána) — сообщество молодых воинов фениев, живущих в летнее время изолированно от традиционного общества в лесу и не подчиняющихся многим его законам, в частности, главному закону кровной мести или выплаты возмещения за убийство родича. Обязанность возмещения за убийство фения при этом возлагалась на фиану — для фения юная дружина как бы заменяла собою коллектив родичей. Противопоставление традиционному индоевропейскому обществу родичей, по моему мнению, подчеркивает глубокую древность института ирландской фианы, несмотря на поздний характер Цикла Финна. На новичка фении нападали и подвергали испытаниям, как и Кухулина. Фений должен был, как и Кухулин, быть искусен в исполнении боевых приемов [Рис А., Рис Б., 1999: 71–72].

Таким образом, мы вправе утверждать, что эпический институт «юной дружины» у кельтов и германцев происходит из очень древних, возможно, индоевропейских времен, и он демонстрирует определенное сходство с мужскими половозрастными союзами иных традиционных обществ.

По моей классификации в развитие идей Арнольда ван Геннепа и Виктора Тёрнера, «юную дружину» древних германцев и кельтов следует отнести к интрасоциальным коммунитас, т.е. к включенным в архаический социум сообществам, члены которых часто находятся в измененных состояниях сознания и играют важную роль в обрядах перехода (ван Геннеп, Тёрнер). Экстрасоциальные коммунитас отличаются от них слабой включенностью в социум и часто неприятием данного социума (гонимые общины христиан, мусульманская община до прихода к политической власти и т.п.).

А кто же советовал юному конунгу, тренировал его и его приятелей, членов юной дружины? Естественно, приставленный к нему воспитатель, обучавший сына конунга и его приятелей по юной дружине, в частности, боевому искусству.

Роль воспитателя традиционно была очень велика, в частности, он выступал как начальник дружины, как главный воевода. В «Саге о Харальде Харфагре» рассказывается, что у десятилетнего конунга Харальда, который впоследствии объединил Норвегию, был воспитатель по имени Гутхорм, дядя конунга по матери, который предводительствовал дружиной, был воеводой конунга и правил всеми делами. Именно талантливый военачальник Гутхорм во второй половине IX в. начал политику объединения страны, ликвидации местной родовой знати, внушая юному конунгу честолюбивые замыслы. Под его руководством фактически было создано древненорвежское государство, опиравшееся на назначаемых конунгом лиц — ярлов и херсиров. Права бондов были ущемлены, назначены налоги в пользу конунга и его дружины, что воспринималось как «отнятие одаля» — наследственного родового владения патрилокальных расширенных семей бондов [Снорри Стурлусон 1995: 42–44].

Следует, правда, оговориться, что в Скандинавии бонды, выбрав себе в вожди богатых и сильных из своей среды, в последующие несколько столетий, до конца XII века включительно, составляли внушительную силу и вполне успешно могли отстаивать свои юридические и имущественные права. Конунгам скандинавских «варварских государств» приходилось часто идти на уступки и возвращать отнятые древние права сельского населения, составлявшего внушительную вооруженную силу в виде народного ополчения, которому дружины конунгов пока не могли противостоять. Такие же, как Гутхорм у Харальда-конунга, воспитатели были, согласно древнерусским летописям, в X веке и позже у древнерусских князей.

По версии Комиссионного списка Новгородской Первой Летописи, после смерти Рюрика князем стал его сын Игорь, а его воеводой был Олег, который и вел реальную политику при малолетнем Игоре, захватил Киев, а впоследствии умер от укуса змеи в ногу и, якобы, похоронен в Старой Ладогe. Не исключено, что эта версия верна, и в таком случае Олег (др.-исл. Helgi) вполне мог быть воспитателем Игоря (др.-исл. Ingor) еще при жизни его отца Рюрика (др.-исл. Rюorekr) [НПЛ 2000: 106–107, 109].

Наиболее известен скандинав Асмуд, воспитатель князя Святослава, о котором в «Повести временных лет» сказано, что он предводительствовал, вместе с воеводой Свенельдом, дружиной княгини Ольги во время карательных акций против древлян, проведенных в качестве мести за мужа княгини Ольги, князя Игоря, казненного древлянами при попытке собрать добавочную дань с этого восточнославянского племени. Мы не можем в точности сказать, что в летописном описании легендарно, что — ритуализированно в соответствии с погребальными обрядами (в том числе и скандинавскими). Известно, что в сагах сами женщины не мстят, а лишь подстрекают к мести. Однако героини «Старшей Эдды», например, Гудрун, мстят лично. К тому же следует учитывать обстоятельства необходимости совершения кровной мести в данном случае — сын Игоря был еще слишком мал, однако символический акт метания копья (известный и по скандинавским материалам) он совершает, вслед за тем реальными военными действиями дружины руссов руководят его воспитатель Асмуд и воевода Свенельд. Мне представляется, здесь больше реальной ритуализированной архаики при совершении кровной мести, чем легендарных «литературных» красочных подробностей, вроде ходячего в средневековой литературе мотива о сожжении вражеского города с помощью огня, привязанного к птицам, возвращающимся в свои гнезда.

Интересно, что после подавления древлян на смену описанной у Константина Порфирогенета системе «полюдь» — «кружения» киевской дружины росов в зимний сезон среди славянских племен по замерзшим рекам с целью сбора дани — приходит создание княгиней Ольгой «погостов» — специальных пунктов для сбора дани на содержание княжьего двора и дружины. В этих важных политических мероприятиях, помимо княгини Ольги, устанавливающей места своза дани «съ сыномъ своимъ и дружиною своею», наверняка важную роль сыграл и воспитатель Святослава и дружинный воевода Асмунд, действовавший в том же русле укрепления «дружинного государства», что и воспитатель юного Харальда-конунга Гутхорм в Норвегии за несколько десятилетий до драматических событий середины X столетия на Руси. Впрочем, следует подчеркнуть, что в Скандинавии деятельность конунгов и их приближенных по укреплению раннегосударственной власти встречала серьезный отпор со стороны бондов, которые могли отстаивать свои исконные права как на тингах, так и победив дружины конунгов в вооруженной борьбе (так, норвежский конунг Олав Святой гибнет в битве с ополчением бондов при Стикластадире). Такого сопротивления не было на Руси, и дружинные верхи, преимущественно в лице князей и бояр, быстро монополизировали крупную собственность и власть даже в Новгороде (особенно показательны в данном случае статьи Русской Правды с их правами княжих мужей и принижением положением смердов или закупов).

Воспитателем князя Владимира Святославовича был так же, как и у норвежского конунга Харальда Прекрасноволосого, его дядя по матери (др.-рус. вуй) Добрыня. Князь Святослав посылает Добрыню вместе со своим сыном Владимиром управлять Новгородом, впоследствии Добрыня именем князя Владимира, который уже княжит в Киеве, способствовал укреплению доскандинавского культа в Новгороде в целях укрепления власти князя, до того как было решено принять христианство. Он же выполняет функции воеводы в походе князя Владимира Святославовича на болгар.

Таким образом, летопись рисует воспитателя князя Владимира Святославовича Добрыню, чье родство с юным новгородским, а впоследствии киевским князем было аналогично родству Гутхорма с норвежским конунгом сто с лишним лет назад, также могущественным советником и воеводой, вторым человеком в древнерусском государстве времен князя Владимира. Интересно, что Добрыня сидел именно в Новгороде при молодом Владимире Святославовиче. До Владимира в Новгороде при Игоре сидел его сын Святослав, а после — сын Владимира Ярослав со своей дружиной,

ближняя часть коей, конечно, представляла собой «юную дружину» в смысле, какой вкладывался в geogod «Беовульфа». Это конкретизирует и дополняет определение Новгорода как второго центра власти и дружинной силы у А.Е. Преснякова, который впервые еще в начале XX столетия заметил бинарность политической и дружинной структуры Руси со времен Игоря, воплощенной в концентрации дружинной власти и княжеской силы в Киеве и Новгороде [Пресняков 1993: 323–324]. Как видим, юный князь и юная дружина, а также «дядька-воспитатель» их, традиционно сидели на Руси X — начала XI в. на Севере, в Новгороде, а «старый» князь — в Киеве.

Как известно, особенно большое влияние приобрели воспитатели (баулы, нутриторы, педагоги) в королевстве франков при поздних Меровингах и при Каролингах. Из их среды вышли майордомы, а майордом Пипин Короткий объявил себя королем франков и основал династию Каролингов. [Пресняков, 1993: 190–191].

Таким образом, традиционной структуре дружины, разделявшейся на «юную» дружину друзей сына конунга и «старшую» дружину сотрапезников и советников конунга, соответствовало неперенное наличие «дядьки» — воспитателя сына конунга, находившегося первоначально при юном будущем конунге и его юной дружине. При взрослеющем конунге влияние этого человека только росло, и мы видим на Руси и в Норвегии могущественных Гутхорма, Асмуда, Добрыню и других воспитателей-дружиноначальников, пестунов юных конунгов-князей и их младших дружин, впоследствии первых лиц в старшей дружине и предводителей войска. Характерно, что в Древней Руси, по крайней мере, со времен Святослава, а затем Владимира и Ярослава, оформилась бинарная система власти, когда в Новгороде первоначально сидели «дядька-воспитатель» с юным наследником киевского князя и его юной дружиной, которым впоследствии открывался путь к высшей власти на киевском престоле. ◆◆◆

Список источников:

1. НПЛ 2000 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. (Полное собрание русских летописей. Том III). — М.: Языки русской культуры, 2000. — V–XII, 720 с., ил.
2. Пресняков 1993 — Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. — М.: Наука, 1993.
3. Рис А., Рис Б. 1999 — Рис А., Рис Б. Наследие кельтов. Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе / Пер. с англ. и послесл. Т. А. Михайловой. М.: Энигма, evidentis, 1999.
4. Саги об уладах — 2004 — Саги об уладах: пер. с ирланд. / [сост. Т. Михайловой]. — М.: Аграф, 2004. — 640 с. — (Серия «Наследие кельтов»).
5. Снорри Стурлусон 1995 — Снорри Стурлусон. Круг Земной. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», Наука, 1995.
6. Вео — Beowulf / Ed. by Fr. Klaiber. N.Y., 1955. ISSN: 2499–9911 10

Жанровые особенности исландских сказочных песен

Евген ПАПАКУЛЬ

ДРЕВНЯЯ исландская литература характеризуется большим разнообразием. Среди многочисленных *kvæði* («песен» либо поэм повествовательного характера) можно выделить десять так называемых *sagnakvæði* (то есть «сказочных песен»):

1. Зачин (*Forspallsljóð*), или Вороний заговор Одина (*Hrafnagaldr Óðins*).
2. Песня про Гулькара (*Gullkársljóð*).
3. Песня про Брюнгерд (*Bryngerðarljóð*).
4. Песня про Крингильнефью (*Kringilnefjukvæði*).
5. Песня про сучку (*Hyndluljóð*).
6. Песня про желудок (*Vambarljóð*).
7. Песня про Сньяра (*Snjáskvæði*).
8. Песня про Тору (*Þóru ljóð*).
9. Песня про любимчика (*Ljúflingsljóð*).
10. Сон Котлы (*Kötludraumur*).

Точное датирование сказочных песен вызывает сложности: впервые в сборниках они фиксируются в XVII в., но время создания этих произведений относят к периоду с XIV по XVI вв [1, с. 16]. Поэтому в данном случае наиболее правильным видится использование описательного метода, то есть называть сказочные песни позднесредневековыми произведениями, тем самым избегая необоснованного датирования.

В целом сказочные песни начали исследовать только после 2010-х гг., и на сегодняшний день издано лишь четыре работы (все в Исландии), полностью или опосредованно посвящённые «*sagnakvæði*»: это статьи А. Гвюдмундсдоттир [1, 2], Х. Торгейрсона [3] и магистерская диссертация А.А. МакКали-Стюарт [4]. В этой связи сказочные песни открывают неограниченное поле для новых исследований, в первую очередь сравнительных.

Вороний заговор Одина
Автор: Lorenz Frølich

Также отметим, что в 2023 году все вышеупомянутые поэмы увидели свет в переводе на белорусский язык [5].

Специфика сказочных песен заключается в том, что данный поджанр представляет собой своеобразный переход от эддической поэзии к балладной. По форме эти произведения стремятся максимально имитировать эддическую литературу. Так, они написаны одним из самых распространённых размеров эддической поэзии — форнюрдислагом¹. Присутствует в произведениях и традиционный для эддической и скальдической поэзии приём — кеннинги². Но характер этих кеннингов имеет свою специфику. Вспомним,

- 1 *Форнюрдислаг* (*fornyrðislag*) — один из вариантов древнескандинавского аллитеративного стиха, при котором большинство строк состоит из восьми строк, в каждой по два основных ударения, ударным обычно является первый (реже — второй) и предпоследний слог в строке. При этом ударные слоги объединены аллитерацией, иногда — ассонансом [6, с. 8].
- 2 *Кеннинг* (*kenning*, буквально «обозначение») — замена существительного обыкновенной речи двумя (или более) существительными, из которых второе определяет первое [6, с. 10].

что авторство в древнескандинавской поэзии распространялось исключительно на форму, а не на содержание. Именно поэтому скальды использовали сложные замысловатые кеннинги, чтобы показать своё мастерство, высказываясь на одну и ту же тему (как некоторые строфы в «Речах Высокого» из «Песен о богах» [6, сс. 37–78]). В то же время кеннинги в сказочных песнях больше напоминают балладные постоянные эпитеты. Наиболее ярким примером является описание женщин. Так, в скандинавских балладах самыми распространенными постоянными эпитетами в данном контексте выступают прилагательные со значением «красивая» либо «благородная»/«бедная» + имя [7, с. 108]. В сказочных песнях кеннинги, обозначающие женщин, почти всегда имеют одинаковую структуру: имя богини/название дерева + какое-либо украшение или (реже) напиток. И одним из наиболее распространенных кеннингов (по аналогии с балладными постоянными эпитетами видится резонным назвать их «постоянными кеннингами») является «svinn seimabil/baugabil/menjabil/auðarbil», то есть «мудрая Биль богатств/браслетов/ожерелий/драгоценностей. Такие постоянные кеннинги встречаются в четырёх сказочных песнях («Песня про Гульькара», «Песня про Брюнгерд», «Сон котлы» и «Песня про желудок»), например:

«Я не хачу
нават думаць пра гэта!
Біль бранзалетаў,
табе я не хлушу!
Вер, я ніколі
не пакахаю
іншую дзеву
гэтак жа моцна!» [5, с. 102],
[здесь и далее перевод на белорусский язык — мой, Е.П.]

В целом выбор в таком контексте именно асиньи Биль кажется как минимум странным. Ведь она точно не была самой популярной богиней в эддической литературе (упоминается два раза в «Эдде Снорри Стурлусона», причем вне какого-либо конкретного мифа, только в перечне имён):

Зараз усіх
назаву я асіньяў:
Фрыг і Фрэя,
Фула і Снотра,
Герд і Гэўён,
Гна, Лоўн і Скадзі,

Ёрд і Ідун,
Ільм, Біль і Ньёрун [8, с. 263].

Но в сказочных песнях Биль — безусловно, самая популярная асинья. Однако не только Биль упоминается в «sagnakvæði». Здесь следует сместить вектор от стилистики к тематике произведений, которые мы анализируем. Прежде всего стоит сказать о поэме «Зачин, или Вороний заговор Одина». Профессор А. Гвюдмундсдоттир включает эту песню в список сказочных [1]. Однако это произведение существенно отличается от всех остальных из поджанра. Главная причина — его чрезвычайная сложность. Так, исландский исследователь Эрик Хальсон потратил десять лет на попытки объяснить поэму, но в итоге должен был признать, что так ничего и не понял [9, с. 41]. Возможно, это фрагмент поэмы, в которой не хватает начала и концовки. А своё название произведение получило исключительно из-за упоминания ворона Одина Хуга (Хугина) в третьей строфе:

Хуг адлятае,
іншых шукае,
знак гэта воям:
нельга марудзіць;
Траіна сон
падаваўся злавесным,
Даіна сон
падаваўся нядобрым [6, с. 268].

Очень кратко содержание поэмы можно описать так: асы и дверги ложатся спать. Дело в том, что некоторые песни о богах из «Поэтической Эдды» можно разместить в, скажем так, хронологическом порядке. И «Зачин», как можно догадаться из названия, — начинает историю, которая далее разворачивается в «Снах Бальдра» и «Прорицании вельвы». То есть сначала асы ложатся спать, затем Бальдр видит во сне кошмары, а потом Один пробуждает великаншу-вельву Ангрбоду, чтобы та объяснила смысл снов его сына.

Скорее всего, «Зачин, или Вороний заговор Одина» — поздняя фальсификация (как, например, «Песня Гуннара» XVIII в. авторства Гюннара Паульсона). Как бы то ни было, даже если это и поздняя подделка, — это очень качественная фальсификация, созданная человеком, прекрасно смыслившим в особенностях эддической и скальдической

поэзии. Например, как витиевато автор говорит о том, что наступает ночь:

Скінфаксі ў збруі
дужа каштоўнай
Дэлінга родзіч
з неба прыспешваў;
грыва каня
па-над Мідгардам ззяла,
Дваліна цацку
вёз ён у возе [6, с. 274].

Таким образом, тематика произведения позволяет исключить его из списка сказочных песен и считать частью эддической традиции, пусть и поздней фальсификацией. Оригинальные кеннинги (а не постоянные, как в остальных произведениях поджанра) — ещё один повод для этого. Даже в вышеупомянутой строфе мы встречаем следующие примеры: родзіч Дэлінга (родич Делинга — день) и цацка Дваліна (игрушка Двалина — солнце). Именно поэтому список сказочных песен можно сократить как минимум на один пункт.

Тематическую связь с эддическими поэмами имеет и ещё одно произведение: «Песня про Гулькара». До начала XX века эту поэму иногда включали в издания «Поэтической Эдды», но только потому, что в конце поэмы упоминается Альвхейм:

«Троліха злая
калісь паклялася,
што зачаруе
нашага ўладцу;
мноства загіне
у Альвхэйме люду,
як не ўратуе
нас Эса ад ліха» [5, с. 98].

И хотя главный герой поэмы — повелитель альвов, перед нами отнюдь не эддический персонаж. Да и живут «альвы» в лесу в небольших домиках, как балладные эльфы:

«Эса ў гушчар
за каханым пабегла,
доўга блукала
пад шатамі дрэваў,
покуль не ўбачыла
светлая дзева
перад сабою
гожы будынак.

Быў той палацык
зусім невялічкім... [5, с. 96]»

В «Песне про Сньяра» также речь идёт об альвах, но Альвхейм здесь находится на дне моря. Весь сюжет разворачивается вокруг того, что девушку-альва злая троллиха превратила в мужчину-воина, и тот должен был жить среди людей в новом облике, пока ему не помог конунг Сньяр.

Эльфийская тема затрагивается и в «Песне про любимчика». Любимчиками (*ljúflingur*) в Исландии называли эльфов. Произведение состоит из пяти частей, представляющих собой колыбельную, пожелания ребенку, христианские аллюзии, а также дидактические части, которые отсылают нас к «Речам Высокого»:

«З ліхам змагайся,
будзь беражлівым
(часта ў галечы
жывуць марнатраўцы),
скнарай таксама
не станавіся –
шчодры заўсёды
знойдзе падтрымку» [5, с. 190].

Таким образом, наиболее популярными сверхъестественными существами в сказочных песнях выступают эльфы. В то же время эльфы — ещё и одни из самых распространённых персонажей народных баллад Севера (не только Скандинавии, но и, например, Шотландии). Вспомним известные баллады «Герр Олоф и эльфы», «Эльфийское путешествие» или «Томас Рифмач» [7, с. 65].

Ещё две поэмы («Песня про сучку» и «Песня про желудок») имеют очень похожую фабулу: мачеха превращает приемную дочь в сучку (либо бычий желудок), но перед этим и сама девушка успевает наложить заклятие на свою обидчицу, чтобы та стала кошкой. Потом, как бывает в сказках, заколдованная девушка встречает сына конунга, чары исчезают, и живут они «долго и счастливо».

Интерес вызывает оригинальное название одной из этих песен — «Hyndluljóð» («Песня про сучку»). Она полностью совпадает с названием эддической поэмы из «Песен о богах», но в том случае название произведения в переводе звучит как «Песня про Хюндлу». В связи с этим в современном исландскоязычном литературоведении

сказочная песня называется «Новой песней про Хюндлу», чтобы не путать её с эддической «Песней про Хюндлу». В белорускоязычном же переводе такой проблемы не возникает.

Ничего сверхъестественного не происходит в «Песне про Брюнгерд» (хотя концовка произведения не сохранилась), однако там мы встречаем интересную эддическую отсылку — напиток памяти, который дают выпить сыну конунга, чтобы тот забыл о любимой (вспомним историю с Сигурдом и матерью Гудрун). Такой же мотив встречается и в упомянутой выше «Песне про сучку».

Лишена элементов сверхъестественного и «Песня про Крингильнефью». Но мотив того, что молодая девушка не умеет вышивать и вмиг учится это делать, как только получает необычную доску от мачехи или возлюбленного, объединяет эту поэму с упомянутыми выше «Песней про Брюнгерд» и «Песней про Гуллькара».

Есть среди сказочных песен и поэма, главной героиней которой является великанша, — «Песня про Тору» (здесь в качестве «эддического» сравнения можно упомянуть «Песню про Гротти» с её Феньей и Меньей).

Поэма «Сон котлы» интересует нас, в первую очередь, не столько сюжетом о волшебном рождении, сколько самоиронией автора, который в конце признаётся, что не стоит ожидать от его песни кеннингов из «Эдды» и чего-то уровня поэзии выдающихся скальдов, ведь детям (и, по правде, многим взрослым) такое будет непонятно [5, сс. 10–11]:

«Зараз жа я
завяршу сваю песню,
доўга яе
давялося вам слухаць,
так, не было ў ёй
кенінгаў з «Эды»,
і пра багоў
ды герояў гісторый.

Гэтай паэме
не параўнацца
з творамі слынных
скальдаў даўнейшых –
дзеці такога
не зразумелі б,
большасць дарослых,
па праўдзе, таксама.

З гэтай прычыны
песня пра Катлу
можа падацца
простай занадта.
Хай жа натхненне,
радасць і ўдача
нас аніколі
не пакідаюць»[5, сс. 211–212].

Таким образом, по своей тематике сказочные песни (за исключением «Вороньего заговора Одина» и, частично, «Песни про Гуллькара») очень напоминают народные баллады о сверхъестественном, ведь они повествуют о традиционных для таких произведений темах: трагическая любовь, превращения и волшебство. Однако не только тематика объединяет сказочные песни и баллады о сверхъестественном. Рассмотрим особенности структуры сюжета «sagnakvæði»: главный герой встречается сверхъестественное существо (обычно эльфа или великаншу, как в «Песне про Тору»), один из них находится в сложной ситуации, вызванной каким-либо проклятием, и нуждается в помощи. Они влюбляются друг в друга или становятся друзьями и, наконец, избавляются от проблемы. Эта же схема типична и для баллад о сверхъестественном. А если продолжать разговор об эльфах из сказочных песен, они точно не эддические альвы, так как больше напоминают балладных эльфов, даже несмотря на то, что живут в Альвхейме.

Символ границы так же широко распространен в сказочных песнях, как и в балладах о сверхъестественном. В балладах ключевые события происходят у дверей дома, у ворот хутора или города, на берегу озера или моря, либо на мосту, то есть на границе стихий, культуры и природы, «мы» и «они». Часто сюжет начинается около границы, а затем переходит в зоны природы, опасные для человека.

Понятие «граница» также характерно и при описании главных героев баллады. Обычно это молодые люди, которые сталкиваются с переходным периодом в своей жизни. Их возраст — это пограничное состояние, это время, означающее конец детства и порог взрослой жизни, но они ещё не являются частью взрослого сообщества [7, с. 103].

В сказочных песнях мы видим те же границы: Гуллькар выходит из леса (зоны природы) и пересекает порог, чтобы встретиться с Эсой; Катла пересекает озеро, чтобы добраться до Альвхейма, и после того, как она садится в лодку на берегу, она полностью теряет власть над собой; Сньяр заходит в воду и оказывается в Альвхейме — опять же, главный герой пересекает границу; Тора в беде, когда находится снаружи (опасная зона природы), но всё налаживается, когда она входит в дом Торкеля (зона цивилизации).

Все тексты баллад группируются по так называемым балладным типам, включающим все варианты и версии балладного сюжета. То же самое можно найти и среди сказочных песен: две поэмы («Песня про сучку» и «Песня про желудок») имеют практически одинаковый сюжет и отличаются лишь деталями, поэтому их можно отнести к одному типу сказочных песен.

Ещё одной отличительной балладной чертой является рефрен. Это особый припев, который повторяется после каждой строфы. Слова такого рефрена обычно представляют собой либо намёк на содержание баллады, либо простой лирический возглас. Во многих балладных припевах речь идёт о танце (не стоит забывать, что баллада, в первую очередь, это танцевальная песня), и по своему содержанию такой припев — своеобразное приглашение потанцевать [7, с. 20]. Несмотря на то, что в сказочных песнях рефрен отсутствует, «Песня про Крингильнефью» завершается вставкой, не связанной с содержанием поэмы, что в какой-то мере напоминает балладные припевы:

«Коцік скачыў у вакно,
стаў хвастом круціць стырно,
ды зламалася яно.
Вар кіпіць,
пыл ляціць,
трэба вельмі пільным быць,
каб нічога не забыць.
Я вам казку расказаў
і дубец у рукі ўзяў –
хто манетку мне не даў?!» [5, с. 119]

Таким образом, исландские сказочные песни — особая группа поэтических произведений, в которых сочетаются особенности как эддической поэзии, так и баллад о сверхъестественном.

С эддической поэзией эти произведения объединяет стихотворный размер (форнюрдислаг) и использование кеннингов. Однако по тематике, специфике содержания и стилистике (кеннинги выступают в сказочных песнях скорее как постоянные эпитеты) они гораздо ближе к балладам. То есть перед нами особый поджанр, который прекрасно иллюстрирует эволюцию эддической поэзии в балладную. В некоторых произведениях даже обнаруживаются похожие на балладные рефрены вставки. В то же время, одно из произведений («Вороний заговор Одина») по своим особенностям гораздо ближе к эддическим поэмам, что даёт основание исключить его из списка сказочных песен.

Литература

1. Guðmundsdóttir, A. *the tradition of Icelandic sagnakvæði* / A. Guðmundsdóttir // *RMN Newsletter*, 2013. — S. 15–20.
2. Guðmundsdóttir, A. *Old French lais and Icelandic sagnakvæði* / A. Guðmundsdóttir // *Francia et Germania: Studies in Strengleikar and Þiðreks saga af Bern*, 2012. — S. 265–288.
3. Þorgeirsson, H. *Gullkársljóð og Hrafnagaldur — Framlag til sögu fornryðislags* / H. Þorgeirsson // *Gripla*, 2010. — № XXI. — S. 299–334.
4. McCully Stewart, A.A. *Knock, knock. Who's there? a Translation and Study of Þóruljóð : ritgerð til M.A.-prófs í Medieval Icelandic Studies* / A.A. McCully Stewart. — *Háskóli Íslands*, 2017. — 74 s.
5. Эда. *Забытыя песні / уклад., пер. са старажытнаісл., камент. Яўгена Папакуля.* — Мінск : Тэхналогія, 2023. — 240 с.
6. Эда. *Песні пра багоў / уклад., пер. са старажытнаісл., камент. Яўгена Папакуля.* — Мінск : Галіяфы, 2021. — 312 с.
7. Папакуль, Е.А. *Специфика шотландских и английских баллад о сверхъестественном в контексте региональной литературной традиции : диссертация... канд. филол. наук : 10.01.03 / Е.А. Папакуль ; Полоцкий государственный университет.* — Полоцк, 2016. — 153 с.
8. Эда *Сноры Стурлусана / уклад., пер. са старажытнаісл., камент. Яўгена Папакуля.* — 2-е выд., выпраўленае і дапоўненае. — Мінск : Тэхналогія, 2024. — 300 с.
9. *The poetic Edda / translated from the Old Icelandic by Benjamin Thorpe.* — *Lapeer, Michigan : the Northvegr Foundation Press*, 2004. — 424 p.
10. Árnason, J. *Íslenzkar gátur, skemtanir, vikivakar og þulur* / J. Árnason, Ó. Davíðsson. — *Kaupmannahöfn : Hinu Íslenska Bókmentafélagi*, 1898. — 417 s.

Музей викингов в Калифорнии

Мария ЮЛИНА
(РАНХИЛЬД)

«— Мы далеко, далеко от наших домов и огней очага, — сказали мужи, — вдали от знакомых нам морей и земли, что мы любим. Здесь, на краю мира, наши боги забудут нас.

Их вождь, вскарабкавшись на скалу, насмеялся над ними за маловерие.

— Всеотец создал мир, — выкрикнул он. — Своими руками он возвел его из раздробленных костей и плоти Имира, своего деда. Мозг Имира он подбросил в небо, чтобы стал этот мозг тучами, а соленая кровь великана стала морями, что мы пересекли. Если он создал мир, то уж конечно, сотворил и эту землю.

И если мы погибнем здесь так, как пристало мужам, разве не будем мы приняты в его чертоги?»

Нил Гейман. Американские боги

Солванг — крошечный город в Калифорнии, затерявшийся между такими гигантами, как Сан-Франциско и Лос-Анджелес. Как и его собратья, он вполне мог стать очередной остановкой для дозаправки и кофе, если бы не одна деталь, которая делает его постоянным участником туристических рейтингов по всей стране. И имя этой детали — Дания, аккуратно упакованная в несколько кварталов калифорнийской долины.

Каждый, кто впервые попадает в город, основанный датскими эмигрантами в 1911 году, начинает удивленно тереть глаза в полном убеждении, что они его обманывают. Еще минуту назад вокруг тянулись пыльные сельские пейзажи, и вдруг они сменяются ветряными мельницами, фахверковыми разноцветными домиками, датскими флагами, красными черепичными крышами и устойчивым ощущением, что ты каким-то волшебным образом оказался в старой доброй Европе.

Как человек, который в любом городе первым делом ищет исторический музей, я тут же вдоль и поперек излазила Солванг в поисках следов Северной Традиции. И при всем моем восхищении волшебством города, результаты поисков были признаны неутешительными: из всей истории викингов были обнаружены пара ресторанов, украшенных викингами в рогатых (горестный вздох) шлемах, да расписной щит и шкатулка с вегвизиром и мьельнирами из сувенирной лавки (купила оба).

Посему долгое время Солванг хоть и оставался одним из моих любимых городов Калифорнии, однако ценился за уютную красоту и европейскую атмосферу, а не за возможность прикоснуться к настоящей Северной Традиции. Все изменилось этим летом, когда мы в очередной раз заехали туда за датскими сладостями и европейским вайбом, а нашли нечто намного большее. В центре города то и дело попадались вывески о том, что в Солванге работает экспозиция, посвященная викингам. Помимо рогатые шлемы, повсеместно украшающие город, я готовилась увидеть пенопластовые топоры, две-три вывески с руническими символами и очередную селфи-инсталляцию, стилизованную «под викингов». Но вместо этого меня ждало место, где Север перестает быть декором: великолепные статуи богов, настоящие археологические находки и даже реплика корабля викингов, построенная в датском Музее Кораблей Викингов в Роскилле. Впрочем,

без ляпов, о чем я расскажу чуть позже, тоже не обошлось, однако это несколько не испортило восхищения от музея и потрясения от того, что вот прямо здесь, на другом континенте, я смотрю на предметы, дышащие Традицией. Но — обо всем по порядку.

Корабли викингов

Сам музей — всего-то две комнаты. Но это тот случай, когда «всего» совсем не означает «мало»: там легко провести несколько часов. И первое, что полностью захватывает внимание посетителей, — это корабль Snorri, который является репликой малой лодки, найденной на палубе знаменитого Гокстадского корабля. Что крайне символично, так как предположительно именно на корабле такого типа викинги и открыли Америку. Имя лодки не менее символично, так как она была названа в честь сына Торфинна Карлсефни и Гудрид — Снорри Торфинссона, который считается первым

европейцем, родившимся в Америке примерно в 1004–1013 годах. В сагах его также упоминают как потомка Рагнара Лодброка.

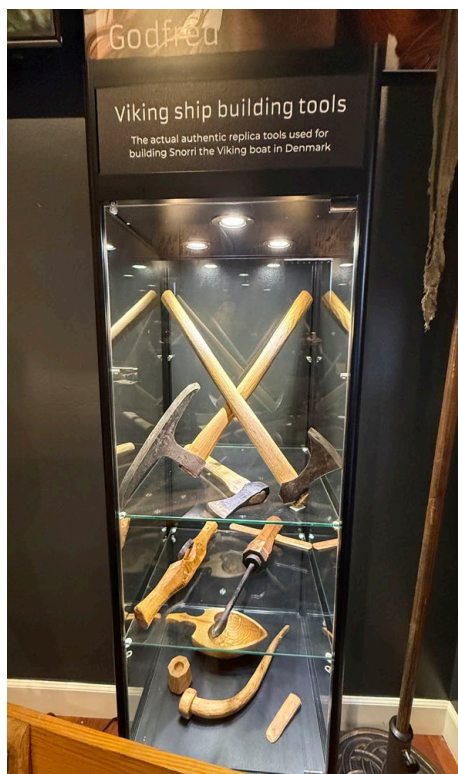
«По-прежнему шли разговоры о поездке в Виноградную Страну, и многие, как Гудрид, так и другие, подбивали Карлсефни на эту поездку. В конце концов он решил ехать и набрал себе спутников — шестьдесят мужчин и пятерых женщин... Они пользовались всем, чем страна была богата — виноградом, всякой дичью, рыбой и прочим...»

Примерно в это время Гудрид, жена Карлсефни, родила мальчика, и его назвали Снорри».

Сага о гренландцах.

Перевод М.И. Стеблин-Каменского

Строительство реплики малой гокстадской лодки является воплощением идеи экспериментальной археологии, когда исторические находки не просто реконструируются как музейные экспонаты, а активно используются в реальной жизни. Так было и со «Снорри»: процесс изготовления, начиная от заготовки древесины и заканчивая «полевыми» испытаниями, можно увидеть

в небольшом фильме прямо в экспозиции. Здесь важно, что «Снорри» не просто воссоздали «по мотивам», а построили методом традиционного северного клинкерного кораблестроения (которое, к слову, признано ЮНЕСКО нематериальным культурным наследием), шаг за шагом, как это делали тысячу лет назад. Сначала закладывался киль, затем подбирались и подгонялись доски обшивки, которые идут внахлест и крепятся друг к другу коваными клинкерными гвоздями. При этом преимущественно старались использовать инструменты эпохи викингов, которые представлены тут же.

Уже после моего визита особенной новостью стало известие, что датский музей изготовил самую большую из трех лодок, найденных на палубе Гокстадского корабля, и вскоре она тоже прибудет в Калифорнию. Что ж, это будет отличным поводом снова наведаться в Солванг. To be continued, как говорится.

Технические характеристики «Снорри»

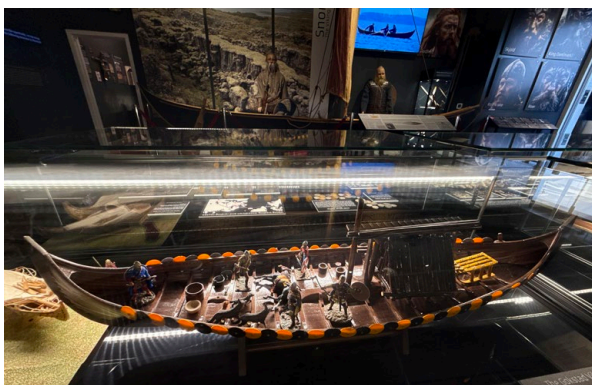
- Длина: 6,5 м / 21,3 фута
- Ширина: 1,4 м / 4,5 фута
- Осадка: 0,2 м / 0,7 фута
- Весла: 2 пары
- Экипаж: 2–3 человека
- Скорость: 4 узла (на веслах)
- Материалы
- Материал корпуса: датский дуб
- Мачта: датская сосна
- Парус: льняная ткань
- Такелаж: пенька, пропитанная дегтем

Ценность экспозиции «Снорри» еще и в том, что она демонстрирует похоронные обычаи викингов, когда достойные мужи (непреренно с мечом в руках) отправлялись в Валгаллу на корабле.

К слову, модель самого Гокстадского корабля в том виде, в каком он использовался для погребения около 900 года н.э., также можно увидеть в музее. Погребальная камера в кормовой части была украшена шитыми золотом тканями и содержала богатый инвентарь: стол и кухонная утварь, сани, 6 кроватей, сундук, седло, позолоченную конскую сбрую, 8 собак, 12 лошадей, 2 павлина и 64 щита. На носу корабля находились три лодки, одна из которых и стала будущим прототипом «Снорри».

Также в музее можно увидеть и модель (1:30) одного из самых длинных из когда-либо найденных кораблей викингов (одного, но не самого). Останки этого корабля, построенного в 1042 году, были найдены в Роскилле, а сам корабль исследователи называют идеальной машиной войны. Он был около 29.2 метра в длину, 3.8 метра в ширину и вмещал в себя 60–80 человек. Его знаменитая реплика носит название «Морской жеребец из Глендалу», и однажды этот жеребец преодолел путь протяженностью в 1700 километров из Роскилле (Дания) до Дублина (Ирландия) за 44 дня. На борту был интернациональный экипаж: 65 мужчин и женщин, представлявших одиннадцать стран. Возраст членов команды — от 17 до 65 лет. Но самое поразительное в этой истории — это,

конечно же, не цифры, а то, как вообще можно прожить такой переход на открытом корабле. «Ужиться» команде помогала почти военная организация: экипаж делили на шесть секций по лавкам, каждая со своим старшим, а в море работали вахтами правого и левого борта, меняясь каждые четыре часа. Спали прямо на палубе между лавками и на сложенных веслах, укрываясь шерстяными одеялами, — почти без личного пространства, в холоде, сырости и при постоянной качке. И чем больше погружаешься в детали, тем яснее понимаешь: драккар викингов (даже в современном мире) — это вам не «увеселительная прогулка под парусом», а настоящее испытание для сильных духом.

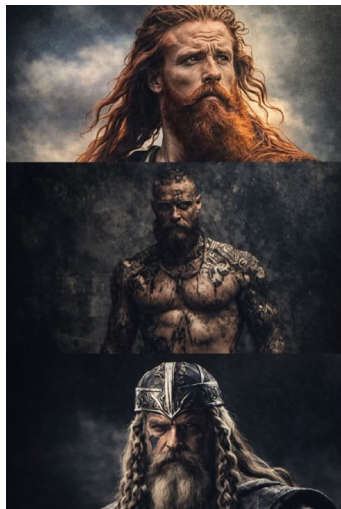

Лица истории

Знаю, что многие из вас (нас) не любят изображения, сгенерированные ИИ, однако эта инициатива в целом показалась мне занятой. Создатели выставки решили пофантазировать, как бы выглядели герои эпохи, и представили историю викингов в портретах знаменитых людей. Ну, как могли. Иногда с пометкой «испанский стыд». После изучения портрета Рагнара Лодброка в стиле «ванильный викинг из инстаграмма» казалось, что самое плохое уже позади, но «подержите мое пиво», — сказали американцы и нарисовали Лагерту в железном панцире.

А вот что действительно было полезно — это список имен викингов и их толкование. И тут можно не искать подвоха, так как источником указан Национальный музей Дании. Надеюсь, кто-нибудь из музея приедет в гости и настучит своим американским коллегам по лицу за Лагерту-терминатора.

Годфред
Известный сын Рагнара Лодброка, жил в IX веке и умер в 897-891 годах н.э. Сигурд совершил набег на Франкскую империю и упоминается как король Зеландии, Сконе и Халланда. Одна из sag говорит, что Сигурд был дедом Горна Старого.

Рагнар Лодброк
Вероятно, один из самых известных викингов, во многом благодаря именно сериалу «Викинги». Рагнар жил в IX веке. Деяния Рагнара и его сыновей были описаны во многих сагах.

Бьёрн Железноклюй
Один из известных сыновей Рагнара Лодброка. Бьёрн и его братья много раз совершали набеги на Англию и на Франкскую империю. Особенно прославился походами в Средиземноморье вместе с викингом Хастейном, который хотел сделать Бьёрна новым римским императором (но до Рима они так и не дошли). Умер около 885 года н.э.

Сигурд Змееглазый
Известный сын Рагнара Лодброка, жил в IX веке и умер в 897-891 годах н.э. Сигурд совершил набег на Франкскую империю и упоминается как король Зеландии, Сконе и Халланда. Одна из sag говорит, что Сигурд был дедом Горна Старого.

Лагерта
Дева щита Лагерта известна только по викингским сагам. Грамматика «Деяния данов». Некоторое время она была женой Рагнара Лодброка. Легенда говорит, что у нее была храбрость мужчины, и она сражалась впереди среди самых отважных с разрушением по плечам волосами, и помогала Рагнару в бою.

Ролло
По словам норманнского историка, Ролло бежал из Зеландии в Англию в 875 году н.э. В 885-886 годах Ролло участвовал в осаде Паризжа. В том же году он женился на дочери французского графа и поселился в Нормандии. Ролло является прародителем Вильгельма Завоевателя.

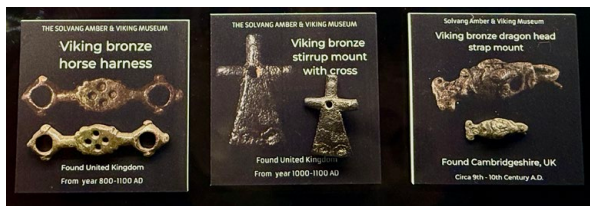
Имена эпохи викингов	
Мужские	Женские
Арик: орел	Астрид: красная, любимая
Бирсер: конитель	Бодвик: покаяние и битва
Бьёрн: медведь	Фрида: мир
Буг: житель	Гертруда: кошка
Эрик: Верховный правитель	Грост: расти
Фрэнк: рыцарь и провинциалец	Эстрид: волк, красавица
Горн: сулловый бог	Хильда: рыцарь
Хальфдан: королю дачи	Хильда: рыцарь
Харальд: господин и правитель	Гуарин: бог и мир
Кунд: уксус	Гунмайд: битва
Корс: с чудовищными волосами	Хельга: священная
Лейф: лосось	Илга: приключавшая богу Инге
Ньяль: викинг	Линс: жемчуг
Роар: сава и копье	Ранди: шит или шеттимиж
Руик: тайна	Сигне: побеждавшая
Стед: камень	Сигрид: победившая всадница
Солдур: рудячий подорожник	Рейна: ворон
Сунн: сын	Силь: жемчуг и монета
Свен: свободный человек, индоевропейское слово	Тора: приключавшая богу Тору
Торвалд: стрела Тора	Това: голубь
Това: Тора и вальс	Турк: помощавшая
Торвис: надежный	Турлид: Тору красавица
Ульф: волк	Турк: помощавшая
Эдгер: боготворец и копье	Ульфмайд: волк или битва
	Осе: война

Малые вещи большой эпохи

Помните, я говорила о своем восторге от возможности прикоснуться к настоящей истории? Следующая экспозиция — вот это она и есть: подлинные артефакты эпохи викингов, обнаруженные, между прочим, энтузиастами-любителями. Такие любители, вооружённые металлоискателями, внесли существенный вклад в изучение материальной культуры эпохи викингов по всей Европе. Особенно трогает тот факт, что все представленные вещи удивительно «земные»: перед нами не музейная витрина с мантиями и коронами, а то, что держали в тёплых руках, носили на себе, теряли в траве, дарили любимым реальными живыми людьми. Возле таких экспонатов я могу

зависнуть на долгие часы, представляя, кто и когда ими обладал. Кто была эта женщина, одежду которой украшала витиеватая брошь с бубенчиками?

Был ли это подарок отца или мужа? Чьи руки когда-то касались ремней стремена, украшенных искусной накладкой в виде головы дракона? И что это, черт меня побери, за загадочный «сперматозоид», найденный в английском Суффолке? Потом, конечно, окажется, что никакой это не сперматозоид, а вполне себе распространённый подвес на пояс для кошелька, ножа или игольницы, а возможно, и элемент конской упряжи. В общем, ничего не понятно, но очень интересно.

И раз уж мы затронули тему украшений, давайте заглянем в уголок Дев Щита и полюбуемся великолепными янтарными ожерельями. Одно из них (справа) было найдено в римском захоронении в Кёльне (Германия) и, вероятно, было продано римлянам данами, а второе (слева) является точной копией реквизита, выполненного для фильма «Северянин». Реконструкция овальных фибул была сделана по образцам, датируемым IX–X вв. н.э. и относится к стилям Йеллинге и Борре (о них — чуть попозже). На шее манекена — посеребрённая металлическая торква, подобные шейные

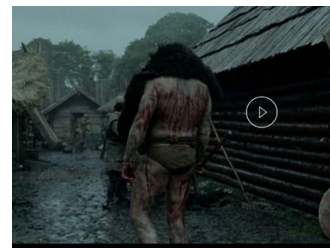

обручи носили как мужчины, так и женщины. Чуть поодаль можно полюбоваться мьельниром и подвеской Вороны Одина (VIII–X вв. н.э.), правда, из надписи не совсем понятно, это искусно выполненные копии или оригиналы.

The Nortman

И раз уже мы заговорили про фильм «Северянин» (The Northman), то давайте с него и продолжим, чего далеко ходить. Если он вам понравился — то в музее вас ждет неописуемый восторг, поскольку добрая часть экспозиции посвящена именно этому фильму. Если, как и мне, не понравился — то все равно будет интересно, даже несмотря на то, что к фильму у меня был воооот такой список претензий.

Как свидетельствует надпись, «музей викингов в Солванге гордится тем, что приобрёл костюмы и реквизит викингов из известного фильма «Северянин» режиссёра Роберта Эггерса». И далее «вероятно, это самые аутентичные и тщательно исследованные костюмы эпохи викингов, когда-либо созданные для кино и даже музейных экспозиций». И тут у меня, конечно, начинаются вопросы: как так получилось, что в фильме с «самыми аутентичными костюмами эпохи викингов» на экране вдруг появляется ульфхеднар в кокетливых трусах на резиночке(?). Подобие данного предмета одежды войдет в повседневный обиход несколькими столетиями позже. Носили ли викинги исподнее или нет — вопрос туманный и в силу плохой сохранности ткани в захоронениях — достаточно малоизученный, но есть мнение, что если и носили, то формфактор у них был совершенно иной.

Да ладно, говорят создатели выставки, что вы привязались к этим трусам, зато смотрите, какие у нас шикарные костюмы и реквизит есть! И тут надо согласиться,

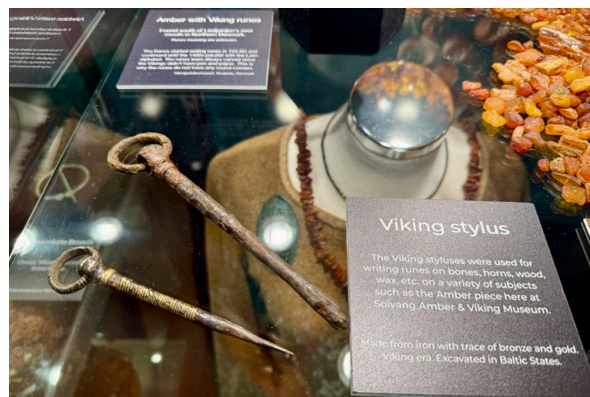
реквизит, и правда, шикарный. И даже голова Мимира!

К слову, «Северянин» — не единственный фильм, реквизитами которого может похвастаться музей. Там также представлены платья королевы Эммы Нормандской и королевы Эльфигфу из телесериала «Викинги: Вальхала», что изображает период 1002–1036 гг. н.э.

Ложка дегтя

*Следует мужу
в меру быть умным,
не мудрствуя много;
лучше живется
тем людям, чьи знания
не слишком обширны.
Речи Высокого (перевод А. И. Корсуна)*

Какой отличный совет, сказали американцы, и назвали кольцевые булавки стилусом викингов для написания рун на деревянных табличках. Но мы-то с вами знаем (особенно те, кто читал мои ирландские заметки о путешествии в поисках Традиции¹), что никакой это не стилус, а ирландская традиция закалывания одежды, которую викинги с удовольствием переняли.

Найдите 10 отличий со «стилусом», как говорится: первое и второе фото — национальный музей Ирландии, а третье — исторический музей в городе Уотерфорд. Очень похожую булавку также нашли в поселении Л'Анс-о-Медууз (L'Anse aux Meadows), Ньюфаундленд, Канада.

*«Халльдор был одет в плащ,
заколотый булавками и укра-
шенный длинной брошью, как
было модно в то время».*

*Сага о людях
из Лососевой долины.*

1 «Ирландия. По следам викингов». Мария Юлина (Ранхильд) «Северный ветер», номера 48-49

И еще один забавный факт: вот так выглядит экспонат «Берсерк» сейчас (слева), а вот так — на момент открытия выставки (справа). Видите, работа над ошибками налицо (а точнее «без лица»).

Но пора и мне вспомнить совет Высокого про бревно в глазу у того, кто «нравом тяжел»,² и перестать «всех осуждать». Тем более что достоинств выставки несоизмеримо больше любых мелких промахов. Вот, например, реплика в натуральную величину...

... Рогов из Галехуса

Сколько раз я рассматривала их изображения в книгах, но увидеть 3D модели мне удалось впервые. Оригинальные рога датируются примерно IV-V веками н.э. и считаются одной из самых известных археологических находок доисторических времен в Дании.

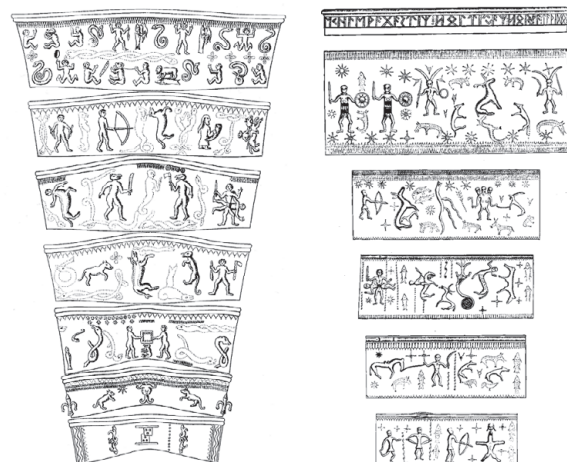

² Кто нравом тяжел,
тот всех осуждает,
смеется над всем;
ему невдомек,
а должен бы знать,
что сам он с изъязном.
Речи Высокого
(перевод А. И. Корсуна)

Длинный рог в 1639 году обнаружила крестьянская девочка Кирстен Свенсдаттер. В 1734 году фермером по имени Лассен был найден второй, короткий рог. С 1734 по 1802 год оба рога выставлялись в Королевском художественном музее в Копенгагене, но затем были украдены: в ночь на 2 мая 1802 года ювелир Нильс Хайденрих вынес их из музея и переплавил в 7 (!) килограммов золота, из которого затем изготовил монеты и украшения. После того как его поймали, все изделия были снова переплавлены, теперь уже в золотые монеты для казны. Уцелели лишь две пары сережек, которые ювелир отдал в качестве квартплаты своей домовладелице, а она очень удачно «забыла» их передать хранителям порядка. Нильс за свое чудовищное преступление отсидел в тюрьме 37 лет и вышел только за четыре года до своей смерти. Однако никакое по своей строгости наказание рогов уже не вернет. Но по невероятной удаче сохранились их детальные изображения. В 1641 году врач, натуралист и антиквар Оле Ворм опубликовал рисунок большого рога в книге «De aeneo cornu». В 1734 году антиквар Йохим Ричард Паулли издал рисунок меньшего рога.

Назначение Золотых рогов до конца не ясно. Часто их связывают с ритуальными практиками и подношениями. На малом роге нанесена руническая надпись, которую музей переводит на английский как: «Я, Лэгэст, сын Холте, велел сделать этот рог». И хоть я (тяжкий вздох) обещаю перестать умничать и придираюсь, но пропустить

эту неточность все-таки не могу. Так как на самом деле надписать переводится как «Я, Хлевагаст из Хольта, рог сделал», то есть Хлевагаст — не заказчик, а мастер, а заслуги мастера забывать нельзя.

У следующего стенда снова можно провести немало времени, так как перед нами настоящая...

... Энциклопедия стилей

Да не простая, а с археологическими находками в качестве иллюстраций. У нас есть возможность своими глазами увидеть, как искусство находило свое отражение в реальных предметах повседневного пользования.

Итак, в музее представлены (слева направо):

— бронзовые крепления в стиле *Урнес* (1050–1125 гг.). Стиль Урнес — финальный этап искусства викингов. Характеризуется утонченными, вытянутыми фигурами животных, переплетающихся в асимметричных композициях;

— бронзовая брошь со зверем, оглядывающимся назад (стиль не определен);

— бронзовый амулет, изображающий зверя в стиле *Йеллинге* (900–975 гг.), а также с элементами («хватаящие руки») стиля *Осеберг* (800–875 гг.) Характерные особенности стиля *Йеллинге* — изображение головы зверя в профиль, лентовидных, переплетающихся туловищ; вдоль тела животного идут геометрические узоры;

— бронзовые накладки/крепления стремени (стиль не определен);

— бронзовая подвеска со зверем, оглядывающимся назад, в стиле *Йеллинге*;

— деталь уздечки с головой зверя в стиле *Рингерике* (1000–1075 гг.). Этот стиль характеризуется активным использованием растительных мотивов и завитков, при этом сохраняются и унаследованные от более ранних стилей изображения крупного животного в движении;

— бронзовая накладка в стиле *Урнес* с орнаментом в виде переплетённого зверя;

— бронзовая подвеска с «хватаящими руками», что является характерной особенностью стиля *Осеберг*;

— англо-скандинавская брошь в виде позолоченного бронзового выпуклого диска в стиле *Борре* (850–950 гг.), отличительной особенностью которого является мотив «хватаящего зверя», который короткими лапами, будто скобами, цепляет рамку или соседние орнаменты.

Оружие викингов

Без такой экспозиции невозможно представить ни один музей викингов. И выставка в Солванге не исключение. Причем оружие представлено двух типов: стандартные находки (топоры, мечи, реконструкция единственного в мире найденного шлема из Гьёрмундбю (отнесем это к оружию) и так называемое «убитое» оружие. Эта традиция принадлежала не только

викингам: «убитые» мечи находят и у кельтов, и в англосаксонских погребениях. На фото, например, именно англосаксонский меч. Для ритуального «убийства» меч или нагревали и скручивали так, чтобы он уже не подлежал восстановлению, или ломали на куски и разбрасывали по могиле. Считалось, что непригодное в нашем мире оружие будет сопровождать владельца в загробный мир, где оно будет восстановлено. Также оружие «убивали» и по более прагматичной причине: чтобы помешать грабителям

могил. Меч в ту эпоху был почти роскошью (и иногда приравнивался по стоимости к половине марки золотом или шестнадцати дойным коровам), поэтому даже друг не всегда считался убедительным аргументом «не заниматься вандализмом».

О богах и героях

Наша прогулка по музею практически подошла к концу, однако самое важное — еще впереди. Я говорила, что корабль Snorri — это первое, что полностью захватывает внимание посетителей, он встречает гостей у самого входа. Однако у противоположной стены взгляд сразу замечает что-то такое, от чего захватывает дух. Хотелось все бросить и провести все время там, у двух великолепных статуй богов, рассматривая каждую деталь. Дорого бы я заплатила за возможность приходиться к таким статуям не в музее, а в настоящем храме. Но я умышленно не торопилась, оставляя знакомство на самую кульминацию посещения. А в голове все время крутились слова Адама Бременского: *«В этом храме, который целиком изготовлен из золота, находятся статуи трёх почитаемых народом богов. Самый могущественный из них — Тор — восседает на троне посреди парадного зала; с одной стороны от него — Водан, а с другой — Фрикко. Их полномочия распределяются следующим образом: «Тор, — говорят шведы, — царит в эфире, управляет*

громом и реками, ветрами и дождями, ясной погодой и урожаями. Второй — Водан, что означает «ярость», ведёт войны, даёт людям мужество в битвах с врагами. Третий — Фрико — дарует смертным мир и наслаждения. Последнего изображают с огромным фаллосом. Водана же шведы представляют вооружённым, как у нас обычно Марса. А Тор со своим скипетром напоминает Юпитера. Они также почитают обожествленных людей, даря им бессмертие за славные подвиги».

Но сначала — о людях, чья громкая слава деяний достойных «смерти не ведаёт». Анимационную фигуру Рагнара Лодброка, восседающего на троне, вы уже видели в разделе о реквизитах «Северянина» (попал туда за компанию). Немножко пахнет сельской самодеятельностью, но как есть.

Намного более внушительна деревянная фигура Хольгера Датчанина. Согласно легенде о бородатом великане Хольгере, когда королевству Дания будет угрожать опасность, каменная фигура спящего викинга оживет, чтобы защитить свою страну. На протяжении веков о нем слагали песни и стихи, и даже Ханс Кристиан Андерсен в 1845 году написал сказку «Хольгер Датчанин».

Бетонная статуя Хольгера Датчанина (фото слева) была установлена в казематах замка Кронборг и стала одним из символов Дании. А теперь и в Калифорнии про него начали слагать местные легенды, согласно которым Солванг также находится под защитой спящего викинга, и в случае беды Хольгер защитит жителей, невзирая на паспорт и прописку.

Но особенный почет калифорнийские датчане оказали легендарному викингу и датскому королю

Свейну Вилобородому (963–1014 гг), разместив его фигуру между двумя статуями богов.

Свейн Вилобородый был сыном Харальда Синезубого (и по одной из версий — его убийцей) и слыл «настоящим» викингом, который постоянно ходил в набеги. Про него слагали легенды и саги: «Конунг Харальд объезжал свои земли. [...] Женщина по имени Аса, известная как Саум-Аса, прислуживала конунгу. Она была бедна и глупа. [...] Следующим летом Саум-Аса оказалась беременна, и Пальнатоки спросил ее, кто отец ребенка. Та ответила, что это не кто иной, как конунг. [...] Она родила мальчика, которого назвали Свейн, и он стал известен как Свейн, сын Саум-Асы [...].

Когда Свейну было три года, старый конунг Харальд приехал в Фюн на пир. Пальнатоки с Саум-Асой придумали некий план. Весь день конунг сидел за столом, и вот Аса подошла к нему, ведя мальчика, и сказала: «Великий конунг, у меня вот есть сын, и я объявляю, что никто, кроме вас, не может считаться отцом ему». Конунг тут же спросил, кто она. Она назвалась. Тогда конунг заявил: «Ты грубая, глупая женщина, больше никогда не говори такого, а то тебе придется плохо» [...]

Свейн оставался в Фюне, пока ему не исполнилось пятнадцать лет. Потом Пальнатоки велел ему отправляться на поиски его отца конунга, требовать у него людей себе в отряд и провозглашения всем людям, что Свейн его сын, а понравятся Харальду такие требования или нет, не имеет значения. Свейн поступил в согласии с советом своего отчима. Конунг Харальд ответил ему: «Я вижу по тебе и по твоим словам, что истории о твоей матери не лживы. Ты глуп и слаб». На это Свейн отвечал: «Я бы и рад был иметь более знатную мать, да вот ты не помог мне в этом. А я ведь, без сомнения, твой сын. Теперь ты дашь мне три корабля, а мой отчим еще три. А если ты мне их не дашь, то я отомщу тебе, как смогу и как позволит судьба».

Конунг ответил: «Я думаю, что, выполнив твою просьбу, я раз и навсегда отделаюсь от тебя». Так Свейн получил три корабля и 120 человек от конунга, а Пальнатоки дал ему еще три корабля. Остаток лета Свейн разбойничал во владениях отца, бонды очень

жаловались на его бесчинства, но конунг ничего не предпринимал».

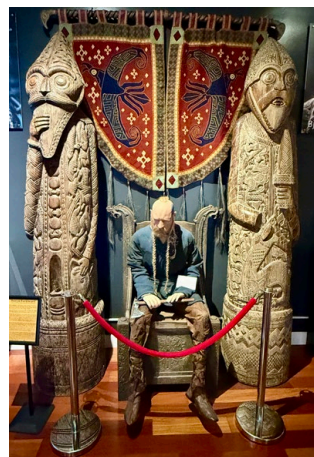
*Сага о йомсвикингах
(пер. Алексея Северянина и Алексея Щавелева)*

В день святого Брайса в 1002 году английский король приказал устроить резню датчан в Англии, включая мужчин, женщин и детей. Свейн поклялся отомстить за убитых соотечественников и свое слово сдержал: почти каждый год с 1002 по 1012 он совершал набеги на Англию и даже ввел там так называемый данегельд (буквально «датский налог»). Данегельд был выплатами викингам в качестве откупа, чтобы те уплыли домой. За эти годы Свейн Вилобородый и его сын Кнуд Великий собрали данегельдом более 100 000 фунтов серебра, а после все-таки взяли и окончательно завоевали Англию. К концу 1013 года Свейн был королем Дании и Норвегии, а также первым королем-викингом Англии.

Предположительно, Свейн сопротивлялся христианству, хотя его отец, Харальд Синезубый, ввел его в Дании. Позже говорили, что он все же стал христианином, но при этом терпимо относился и к язычеству.

Ну, а теперь самое главное — только посмотрите, какие изумительные статуи Фрейра и Тюра. После такого музея можно простить абсолютно все недочеты и промахи. Хотя... вы же, конечно, заметили, какой главной детали не хватает

у Фрейра? И даже тот факт, что это тоже всего лишь декорации, да еще и к нелюбимому мною «Северянину», — меня здесь мало смущает. Конечно, очень бы хотелось увидеть таких же Одина и Тора, но, увы, про Тора просто забыли, а из Одина сделали двигающуюся куклу. И можете прийти к нам в комментарии и закидать мой огород булыжниками, но это все равно лучше, чем ничего. Здесь все-таки музей, а не Упсальский храм. И будь у меня такая возможность, все равно оставила бы свои подношения. Наш храм — весь мир, а значит, и это место тоже.

Итак, наша прогулка закончена. Пока я бродила по музею, в городе шел парад на день Независимости, один из главнейших американских праздников. Возможно, именно так выглядит потомок Лейва Счастливого, заново открывший Америку спустя тысячу лет.

«Это случилось за сто лет до того, как Лейв Счастливый, сын Эйрика Рыжего, заново открыл землю, которую назвал Винланд. Боги Севера уже ждали его в этой земле: Тюр-однорукий, и седой Один, бог висельников, и громовник Тор.

Они были там.

Они ждали».

Нил Гейман. Американские боги.

Кевин ФРЕНЧ (с)
Составитель и переводчик:
Анна БЛЕЙЗ (с)
[https://
northern.thesaurusdeorum.com](https://northern.thesaurusdeorum.com)

Гевьон в мифологии: древнеисландские источники

Источник: *Ritgerð til MA-prófs í Viking and Medieval Norse Studies, 2014*

1. Отторжение Зеландии

Фонтан Гевьон в Копенгагене.
Фото: Алекс Сэйн (с)

Гевьон упоминается в стихотворной строфе, авторство которой приписывается Браги Боддасону по прозвищу Старый и которую Снорри приводит дважды: в «Видении Гюльви» и в «Саге об Инглингах»:

Gefjun dró frá Gylfa
glöð djúpröðul óðla,
svá at af rennirauknum
rauk, Danmarkar auka.
Báru öxn ok átta
ennitungl, þars gengu
fyrir vineyjar víðgi
valrauf, fjögur höfuð.
У Гюльви светлая Гевьон
злато земель отторгла,
Зеландию. Бегом быков
вспенено было море.
Восемь звезд горели
во лбах четырех быков,
когда по лугам и долам
добычу они влекли [пер. О. Смирницкой].

Gefjun ploughs the earth in Sweden by Lorenz Frølich

«Гевьон, счастливая своим наследством, глубокая мудростью, отторгла у Гюльви прибавление к Дании, так что упряжные животные исходили паром. У волов было четыре головы и восемь украшений на лбу (*tingl*), когда они шли перед обширной добычей острова лугов» [подстрочник на основе английского перевода Маргарет Ключиз-Росс].

Некоторые детали этой строфы остаются спорными. Из-за разночтений в рукописях трудно определить точную форму слова, которое приведено здесь как *óðla* и истолковано в переводе Маргарет Ключиз-Росс (Clunies Ross, 1978, 155–156) как «наследство». Значение слова *djúpröðull* тоже не вполне ясно; Хильда Эллис Дэвидсон (Davidson, 1999, 54) переводит его как «глубокий круг земли». Тем не менее основное содержание стиха не вызывает сомнений. Гевьон отнимает у Гюльви нечто ценное (скорее всего, плодородную землю) при помощи четырех волов, которым при этом приходится немало потрудиться. Это недвусмысленно агрессивное действие, о чем свидетельствует слово *valrauf* — «добыча, трофей, ограбление убитого (в бою)». И в результате этого действия Дания получает некую прибыль или в буквальном смысле слова прибавление к территории.

Gefjon pflügt mit ihren Stieren Seeland by Karl Ehrenberg¹

«Видение Гюльви» и «Сага об Инглингах» добавляют контекст —

немного по-разному, но не противореча друг другу. В «Видении Гюльви» говорится:

Gylfi konungr réð þar löndum er nú heitir Svíþjóð. Frá honum er þat sagt at hann gaf einni farandi konu at launum skemmtunar sinnar eitt plógsland í ríki sínu þat er fjórir öxn drægi upp dag ok nótt. En sú kona var ein af ása ætt, hon er nefnd Gefjun. Hon tók fjóra öxn norðan ór Jötunheimum, en þat váru synir jötuns nökkurs ok hennar, ok setti þá fyrir plóg, en plógrinn gekk svá breitt ok djúpt at upp leysti landit, ok drógu öxnirnir þat land út á hafit ok vestr ok námu staðar í sundi nökkuru. Þar setti Gefjun landit ok gaf nafn ok kallaði Selund. Ok þar sem landit hafði upp gengit var þar eftir vatn. Þat er nú Lögrinn kallaðr í Svíþjóð, ok liggja svá víkr í Leginum sem nes í Selundi.

Конунг Гюльви правил тою страной, что зовется теперь Швецией. Сказывают о нем, что он даровал одной страннице в награду за ее занимательные речи столько земли в своих владениях, сколько утащат четыре быка за день и за ночь. А была эта женщина из рода асов. Имя ей было Гевьон. Она взяла четырех быков с севера из Страны Великанов — это были ее сыновья от одного великана — и принялась пахать на них. И плуг так сильно и глубоко врезался в землю, что земля эта вся вздыбилась. И поволокли быки землю в море и еще дальше, на запад, и остановились

в одном проливе. Там сбросила Гевьон ту землю и дала ей имя и назвала ее Зеландией. А там, где прежде была та земля, возникло озеро. Оно теперь в Швеции называется Меларен [в оригинале — *Lögrinn*, букв. «Озеро»]. И бухты на озере Меларен похожи с виду на мысы Зеландии [пер. О. Смирницкой].

В «Саге об Инглингах» миф о Гевьон излагается так:

Þá sendi hann Gefjon norðr yfir sundit á landaleitan; þá kom hon til Gylfa, ok gaf hann henni eitt plógsland. Þá fór hon í Jötunheima, ok gat þar 4 sonu vit jötni nökkurum; hon brá þeim í uxna líki, ok færði þá fyrir plóginn ok dró landit út á hafit ok vestr gegnt Óðinsey, ok er þat kölluð Selund; þar bygði hon síðan. Hennar fékk Skjöldr, son Óðins; þau bjoggu at Hleiðru. Þar er vatn eða sjár eptir, þat er kallaðr Lögrinn. Svá liggja firðir í Leginum, sem nes í Selundi.

Затем он [=Один] послал Гевьюн на север через пролив на поиски земель. Она пришла к Гюльви, и он наделил ее пашней. Она отправилась в Жилища Великанов и зачала там от одного великана четырех сыновей. Затем она превратила их в быков, запрягла их в плуг и выпалахала землю в море напротив Острова Одина. Тем теперь остров Селунд. С тех пор она жила там. На ней женился Скьельд, сын Одина. Они жили в Хлейдре. А там, где прежде была земля, стало озеро. Оно называется Лёг [*Lögrinn*]. Заливы в этом озере похожи на мысы Селунда [пер. М. Стеблин-Каменского].

В «Видении Гюльви» эти события включены в обрамляющий нарратив, то есть отнесены к человеческой истории. Соответственно, Гевьон здесь предстает как смертная женщина, хотя и весьма искусная в магии, а не как одна из богинь, к которым ее впоследствии причисляют Высокий, Равновысокий и Третий. Согласно «Видению Гюльви», Гевьон приходит к конунгу Гюльви под видом бедной странницы (*farandi kona*) и предлагает ему «развлечение» (*skemmtun*) в обмен на кусок земли, который она сможет опахать за один день и одну ночь. Затем она берет упряжку из четырех быков — четырех сыновей, которых она родила от какого-то безымянного великана, — и начинает пахать. Плуг уходит так глубоко, что часть

¹ Здесь и далее – иллюстрации подобраны редакцией и отсутствовали в первоначальной версии статьи.

земли отделяется от Швеции, и быки тащат ее в море. Этот отпаханный кусок земли переходит под власть Дании, становится островом и получает название «Селанд», то есть «Зеландия».

Gefjun and King Gylphi (1906) by Lorenz Frølich

В «Саге об Инглингах» к этому рассказу добавляются некоторые подробности. Выясняется, что Гевьон совершила все это по приказу Одина и что в Йотунхейм (Страну Великанов) она отправилась уже после того, как заключила договор с Гюльви, — специально, чтобы родить детей для этой цели. Кроме того, сообщается, что впоследствии Гевьон вышла замуж за Скьельда, сына Одина, и что они поселились в Хлейдре (совр. Лайре, около Роскиле); от них пошла легендарная королевская династия Скьельдунгов.

Та же история излагается в «Римах о Вэльсунгах», в начальной части основанных на «Прологе» к Младшей Эдде, «Видении Гюльви» и «Круге земном». Здесь обнаруживаются некоторые расхождения с версиями Снорри, однако римы — не самый надежный источник по дохристианской мифологии: в них встречаются позднейшие домыслы и ошибки, наподобие утверждения о том, что Гевьон вышла замуж за Бальдра (строфа 36)², или смешения Ньёрда с Эгиром (строфа 53).

Как отмечает Дэвидсон (Davidson, 1999, 53), миф о том, как Гевьон отпахала Зеландию от Швеции, удивительным образом перекликается с рассказом из главы 276 «Книги о занятии земли» (версия Хауксбоук, AM 371 4to) — о том, сколько земли по праву могла занять Торгерд:

Ásbjörn hét maðr, son Heyangrs-Bjarnar. Hann andaðisk í Íslands hafi þá er hann vildi út fara, en

² Возможно, это авторская интерпретация строки *sveinn inn hvíti* («Перебранка Локи», 20).

þorgerðr, kona hans, fór út ok synir þeirra. En þá er mált, at kona skyldi eigi víðara nema land en leiða mátti kvígu tvævetra vorlangan dag sólsetra í millum, hálfstali³ naut ok haft vel.

Был человек по имени Асбьёрн, сын Хейанг-Бьёрна. Он умер в Исландском море во время путешествия, но его жена Торгерд добралась [до Исландии] с двумя сыновьями. Однако сказано, что женщина не вправе потребовать больше земли, чем тот участок, вокруг которого она сможет обвести навьюченную двухлетнюю телку за время, равное длине осеннего дня.

Сделать какие-либо конкретные выводы из этой переклички трудно, однако можно предположить, что в мифе о Гевьон были использованы символические действия, связанные с концепцией землевладения в целом и правом женщины на землю в частности (о гендерных различиях в вопросе землевладения см. Clunies Ross, 1998, 123; о Гевьон, совершающей поступки, типичные для мужских божеств см. Mundal, 1990, 309).

2. Перечень асиний в “Видении Гюльви”

В «Видении Гюльви», 35 Гевьон упоминается в перечне богинь. Здесь о ней сказано совсем немного: «Fjóðða er Gefjun. Hon er maer, ok henni þjóna þær, er meyjar andask» («Четвертая — Гевьон, дева, и ей прислуживают те, кто умирает девами»). Слово *maer*, переведенное здесь как «дева» нередко понимают в значении «девственница» и усматривают в этом конфликт с поступками Гевьон, описанными в «Видении Гюльви», 1 (Lindow 2001, 135–136), но это ошибка: в действительности слово *maer* не подразумевает целомудрия. Так, богиня Фрейя, известная своим вольным поведением, в «Прорицании вэльвы» названа *Óðs maer* [«жена Ода»], а в целом это слово часто употребляется для обозначения женщины как дочери того или иного отца безо всяких дополнительных коннотаций⁴. Употребляя слово *maer* в описании Гевьон и *meyjar* —

³ Значение слова *hálfstali* не вполне ясно; это либо *гапакс*, либо искаженное *hálfstalpat*, «полузрелая».

⁴ Фригг, замужняя богиня, родившая Одина по меньшей мере одного сына, именуется *Fjörgyns maer*, «дочь Фьёргюна» («Перебранка Локи», 26), а Хель — *Loka maer*, «дочь Локи» («Перечень Инглингов», 13); можно найти и много других примеров.

применительно к ее прислужницам, но не указывая отца или мужа, Снорри, по всей вероятности, подразумевает незамужних женщин, но отсутствие мужа нельзя понимать как определенное указание на девственность. Кроме того, незамужним статусом Гевьон хорошо объясняется то обстоятельство, что она родила детей от великана: ограничения, которые накладываются в мифах на любовные связи между великанами и асиньями, могут утратить силу в случае, если богиня просто использует великана для своих целей (подобно тому, как Один нередко соблазняет великанш, руководствуясь корыстными мотивами)⁵. Карин Ольсен (Olsen, 2001, 126–126) отмечает, что и самой Гевьон присущи многие черты великанов.

3. “Перебранка Локи”

Гевьон фигурирует также в эддической песне «Перебранка Локи». Ее участию в перебранке посвящены три строфы (19–21):

Gefjun kvað:

«Hví it æsir tveir
skuluð inni hér
sáryrðum sakask?
Loftki þat veit,
at hann leikinn er
ok hann fjörg öll ffa».

Loki kvað:

«Þegi þú, Gefjun,
þess mun ek nú geta,
er þik glapði at geði
sveinn inn hvíti,
er þér sigli gaf
ok þú lagðir lær yfir».

[Гевьон] сказала:

«Зря вы, два аса,
друг друга язвите
речами бранчливыми:
ведает Лофт,
что слывет шутником
и любимцем богов».

Óðinn kvað:

«Ærr ertu, Loki,
ok örviti,
er þú fær þér Gefjun at gremi,
því at aldar örlög

hygg ek, at hon öll of viti
jafngörla sem ek».

[Локи] сказал:

«Ты, Гевьон, молчи!

О юнце я напомним,
тебя совратившем:
дарил он уборы
в обмен на твои
любовные ласки».

Один [сказал:]

«Безумен ты, Локи,
что дерзостно вздумал
Гевьон гневить:
ведь ей, как и мне,
открыты и ясны
судьбы всех сущих» [пер. А. Корсуна].

Lokasenna (1895) by Lorenz Frølich

Здесь снова утверждается, что Гевьон использует секс в корыстных целях, на сей раз — чтобы получить в подарок украшения. Ее партнер в этом случае описывается как *sveinn inn hvíti* — «белый отрок»⁶; некоторые исследователи предполагают, что это Хеймдалль, которого в «Песни о Трюме» называют *hvítastr ása*, «белейший из асов», а в «Языке поэзии» — *inn hvíti áss*, «белый ас». Как отмечает Маргарет Ключиз-Росс (Clunies Ross, 1978, 153), выбранное Локи выражение *þú lagðir lær yfir*, «ты клала на [него] свое бедро», может

⁵ Например, оболзщает Гуннлёд, чтобы похитить мёд поэзии («Язык поэзии», б).

⁶ В рус. пер. А. Корсуна это определение пропущено. — Примеч. перев.

подразумевать, что Гевьон играла в этом союзе доминантную роль, хотя стоит отметить, что в данном случае она выступила в роли соблазняемой, а не соблазнительницы.

Один предупреждает Локи, что враждовать с Гевьон опасно, потому что ей открыто будущее. На первый взгляд, угроза не кажется столь уж серьезной, но надо принять во внимание, что в скандинавской мифологии знание будущего подразумевает и способность влиять на него (Bek-Pedersen 2011, 193). Или же, как вариант, знание будущего само по себе не опасно, но сопряжено с другими, более грозными магическими способностями. Согласно сохранившимся описаниям, скандинавская магия, известная под названием «сейд», включает в себя не только дар прорицания, но и некоторые более агрессивные функции (Price 2022, 94). И в том, и в другом случае следует вывод, что Гевьон обладает магическими способностями, которые может использовать против тех, кто вызвал ее гнев, а также, вероятно, на благо тем, снискал ее расположение. Несмотря на то, что в «Перебранке Локи» Гевьон предстает как богиня, а не как смертная женщина, сведения, которые приводятся здесь о ее сексуальности и магических силах, вполне согласуются с данными из «Видения Гюльви» и «Саги об Инглингах».

4. “Прядь о Вэльси”

Гевьон упоминается также в «Пряди о Вэльси» (хотя достоверность данных о дохристианской религии, приведенных в этом тексте, сомнительна). Святой Олав приходит неузнанным в дом язычников, которые хранят засушенный лошадиный пенис и каждый вечер поклоняются ему, передавая его друг другу и читая над ним висы. Однако дочь хозяина дома и еще несколько домочадцев отказываются участвовать в этом ритуале. Когда черед читать вису приходит дочери хозяина, она произносит:

Þess sver ek við Gefjun
ok við guðin qnnur
at ek nauðig tek
við nosa rauðum.
Þiggi mǫrnir þetta blóti
en þráll hjóna
þríf þú við Vǫlsa.
Гевьон клянусь

и другими богами,
что по принуждению
я беру красный хобот.
Взял бы мёрнир
этого идола,
но ты, раб родителей,
хватай Вэльси [пер. Т. Ермолаева].

Клятва именем Гевьон из уст молодой женщины может рассматриваться как аргумент в пользу того, что эта богиня действительно ассоциировалась с незамужними «девами», как о том говорится в «Видении Гюльви», 35. Однако возможны и другие объяснения. Можно предположить, что имя Гевьон было выбрано исключительно ради аллитерационного созвучия со словом *guðin* («боги») из следующей строки; однако эта версия неубедительна, поскольку у слова «бог» есть много синонимов и поэт при желании мог бы подобрать имя какого-нибудь другого, более известного божества. Но можно выдвинуть и более серьезное возражение: «Прядь о Вэльси» входит в «Книгу с Плоского острова» (конец XIV века) и в более ранних рукописях не встречается, поэтому вполне вероятно, что поэт руководствовался теми представлениями о древнем язычестве, которые сложились (в том числе под влиянием Снорри) через несколько столетий после христианизации Исландии, а не сведениями о подлинных дохристианских верованиях. Тем не менее стоит иметь в виду, что Нил Прайс (Price, 2002, 168) продемонстрировал примечательное сходство между одной деталью из «Пряди о Вэльси» и обычаем русов, описанным Ибн Фадланом: в «Пряди о Вэльси» старуха поднимается на дверную перекладину, чтобы обрести дар ясновидения, а русы поднимали девушку над «обвязкой ворот», чтобы ей открылся доступ к сверхъестественному миру. Прайс полагает, что это необыкновенно конкретное совпадение не может быть случайным и, по всей вероятности, действительно отражает подлинную языческую практику, так что «Прядь о Вэльси» может оказаться более полезным источником по дохристианской религии, чем было принято считать. Это не значит, что она точна во всем без исключения, но, по крайней мере, сведения, которые в ней приводятся, не следует сбрасывать со счетов.

5. Другие упоминания

В связи с Гевьон следует упомянуть еще два источника, хотя значимость их применительно к нашей теме неясна. В «Саге о сыновьях Дроплауг» викинг Гаус, умевший магическим образом затуплять мечи, вызывает на поединок Грима, сына Дроплауг. Грим побеждает Гауса, но тот ранит Грима в ногу и рана воспаляется. Некая женщина, назвавшаяся лекаркой, приходит перевязать его рану, после чего исчезает, а Гриму становится совсем худо, и вскоре тот умирает. Далее сообщается, что эта женщина была наложницей Гауса и звали ее Гевьюн *in fjǫlkunnga*, «искусная в магии».

В «Истории Норвегии» (XII век) Адильс, сын конунга Оттара, падает с коня и разбивается насмерть перед «храмом Дианы», тогда как в «Саге об Инглингах» утверждается, что это случилось перед *dísarsalr*, «капищем дисы». В переводах на древнеисландский Гевьон нередко принималась за эквивалент Дианы, так что этот эпизод может служить косвенным указанием на связь между Гевьон и дисами⁷.

Глоссы античных богинь

В других древнеисландских источниках Гевьон не упоминается, но дополнительные сведения о ней можно извлечь из древнеисландских глосс, в которых при переводе иноязычных текстов или в контексте *interpretatio norroena* имена античных богинь заменяются скандинавскими. В средневековых переводах на древнеисландский именем Гевьон очень часто замещаются имена таких греко-римских богинь, как Веста, Минерва, Диана и Венера⁸. Впрочем, отождествление с Венерой встречается только однажды,

⁷ Насколько полезна эта связь для понимания образа Гевьон, сказать трудно: учитывая широкий спектр функций и атрибутов, приписывавшихся дисам, было бы более удивительно, если бы Гевьон не имела с ними ничего общего. О дисах см.: Luke John Murphy 2013, особенно главы 2, 43—97.

⁸ Имя Весты несколько раз замещается именем Гевьон в «Саге о вере, надежде и любви»; имя Минервы — в «Саге о троянцах» (хотя посреди текста неожиданно вводится другая замена — на имя Фригг); имя Венеры — в Первой книге Моисея по версии «Стъёрна». Чаще всего Гевьон выступает эквивалентом Дианы: в «Саге об Агнессе», «Саге о британцах», «Саге об апостоле Иоанне», «Саге об архиепископе Николае» и «Саге об апостоле Павле». Кроме того, имя Гевьон встречается в «Саге о Клименте» и «Саге о Екатерине», но уверенности в том, что в этих источниках оно замещает имя какой-то конкретной античной богини, у нас нет.

в «Стъёрне»; эквивалентом Венеры обычно выступает Фрейя.

Особое внимание стоит уделять «Саге о британцах»: Диана/Гевьон играет в ней заметную роль, что могло, в свою очередь, повлиять на дальнейшее развитие образа Гевьон. Эта сага представляет собой перевод «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского. Главный герой первой книги, троянец-изгнанник Брут, приносит жертву Диане/Гевьон, которая затем является ему во сне и повелевает основать новое королевство в Британии (*Hauksbók*, ed. Finnur Jónsson 1896, 241):

Síðan gekk Brútus fyri stalla Gefjunar ok hafði ker í hendi ok í vín ok blóð hvítrar hjartkollu ok mælti: «Þú, er vei[zt] himins tíðindi ok setning allrar veraldar ok kannt helvítis deili, seg mér mín forlög ok hvar ek skal byggja at yðru ráði ok hvar ek skal þik guðleg meylla láta dýrka at eilífu». Sv mælti hann níu sinnum ok sofnaði. Hann þóttisk þá sjá Gefjun hjá sér ok mæli: «Í vestrhlfu heimsins við Gallfáríki liggur ein ey út í hafit óbyggð. Þar byggðu fyr meir risar. Þar hófir þér at byggja ok þínu liði at eilífu ok þitt kyn m[u]n hafa vald yfir öllum heimi».

Затем Брут встал перед алтарем Гевьон и, держа в руке сосуд с вином и кровью белого оленя, сказал: «Ты, кому ведомы пути небес и устройство всей вселенной, и тайны преисподней, открой мне грядущее и поведай, где мне поселиться по твоему совету и где мне вечно поклоняться тебе, о божественная дева!» Он повторил это девять раз, а затем уснул. И привиделось ему, что Гевьон стоит перед ним и возвещает: «В западной части мира, за страну галлов, лежит в море один незаселенный остров. Некогда там обитали великаны. Тебе и людям твоим пристало поселиться там навеки, и потомки твои буду властвовать во всем мире».

Несмотря на то, что «Сага о британцах» в дошедшем до нас виде была записана уже после смерти Снорри Стурлусона, Маргарет Ключиз-Росс (Clunies Ross, 1978, 155) предполагает, что ее содержание в той или иной форме было известно Снорри.

Хильда Родерик
ЭЛЛИС-ДЕВИДСОН
Перевод с английского: ESGAL

Дорога в Хель

В этом номере мы продолжаем печать полного перевода книги Хильды Родерик Эллис-Девидсон «Дорога в Хель». Начало можно прочитать в 40–51 номере «Северного ветра».

Обычай сидения на кургане

Сейчас необходимо рассмотреть многочисленные упоминания обычая сидения на кургане, которые мы находим в сагах и песнях и которые, возможно, более разнообразны по своей природе, чем Олрик признал в своей статье «At sidde paa Hoj» в «Danske Studier» за 1909 год.

В этой статье он утверждает, что во всех случаях, за исключением истории Торлейва Рычага (Þorgeifr Spaki) в *Саге о Халльфреде трудном скальде* (Hallfreðar Saga), обнаруживается обычай сидеть на холме с целью официального утверждения статуса конунга. Олрик игнорирует истории сидящих на кургане пастухов, так как, по его утверждению, они могут делать это по чисто рациональной причине: пастух сидит выше своего стада, чтобы за ним присматривать. Он полагает, что данная практика конунга находится в зависимости от концепции сакральности и в чём-то непостижимости его личности, веры в священное происхождение власти в Скандинавии и связана с обычаем прорицания с высокой платформы, который мы находим в описаниях *вэльв* (провидиц). Не пытаюсь опровергнуть главный тезис Олрика — мирный и провидческий источник власти в древности, — я сказала бы, что безусловно большего внимания заслуживает тот факт, что конунг решил посидеть именно на погребальном кургане. Я собираюсь детально исследовать свидетельства об обычае.

Олрик в своей статье ссылается на отрывок из Саксона, где Хотеру говорят, что он должен соблюдать обычай оглашать указы народу с вершины

высокого холма¹; на историю конунга Хроллауга, который на вершине кургана скатился с королевской скамьи, символизируя свою вассальную зависимость от Харальда Прекрасноволосого²; на собаку короля Эйстейнна, спущенную на трондцев, что «*сидели на кургане подобно конунгу*»³; и на исландскую сказку четырнадцатого века *Сон Одда-Звезды* (The Dream of Stjærne-Oddr), в которой на кургане готовят место, где воссядет на скамью конунг. Этим, отмечает он, показано, что именно через курган конунг проявляет свою власть. Также он приводит описание Трюма, короля великанов, сидящего на холме в Етунхейме⁴, конунга Рэри, получившего яблоко Фригг, пока он сидел на кургане⁵, и происшествие с конунгом Гаутреком, который запускал ястреба с кургана своей королевы в *Саге о Гаутреке*⁶; но утверждение в последнем источнике, что конунг воссел на курган, скорбя о смерти своей королевы, отброшено им как воображаемая причина, представленная, чтобы объяснить столь распространенный обычай.

Однако этот отрывок не одинок; мы можем также заметить, что в *Саге о Хьялмтере и Эльви-ре* говорится, что Хьялмтер, отец Инги, «*поставил скамью на кургане королевы; там он сидел день и ночь, терпя скорбь и горе своей*

1 Saxo, III, 76, p. 91.

2 Heimskringla: Haralds Saga Hárfagra, VIII.

3 Ibid. Hákons Saga Gopa, xii.

4 Þrymskviða, 5.

5 Völsunga Saga, II.

6 Gautreks Saga, VIII.

потери» (Hjálmdérs Saga ok Ölvérs, II). И также в Саге о Хрольве Пешеходе (Göngu-Hrólfs Saga, V), хотя там нет идеи чрезмерного горя, мы читаем:

...Ярл Торгнюр очень любил свою жену, и её курган был возле города. В хорошую погоду ярл часто сидел там, собирал людей на сход или смотрел на игрища, –

и далее в саге рассказывается, как ярл однажды осенью смотрел состязания с кургана жены (X). Хотя можно быть практически уверенным, что идея горя конунга Гаутрека и конунга Инги внесена рассказчиком саги для объяснения распространенного обычая — так как охота и спорт вряд ли согласуются с безутешной печалью — обычай, описанный в третьем отрывке, где ярл или конунг практикуют сидение на курганах своих жён в одиночестве или на публичных соревнованиях, заслуживает дальнейшего рассмотрения.

Как можно заметить, не всегда говорится, что конунг сидит на кургане королевы, но это может быть курган его отца, бывшего конунга. В Саге о Фритьове Смелом (Friðbjófs Saga, II) герой находит двух братьев-конунгов, Хельги и Хальвдана, сидящими на кургане своего отца, конунга. Еще более значимыми являются отрывки, в которых практика напрямую связана с правопреемством. В Книге с Плоского острова мы читаем о двенадцатилетнем мальчике Бьёрне, сыне конунга Олафа, который после убийства его отца воспитывался дядей Эриком. Эрик не собирался позволить молодому племяннику получить земли отца, и Бьёрн своеобразным способом устраивает свой первый протест:

Когда Бьёрну стало двенадцать лет, он сел на курган отца и не пришёл к столу конунга. Тогда впервые он предъявил претензию на царство. И сделал так в следующую весну и в третью. (Flateyjarbók: Сага об Олафе Святом, II, 9, стр. 70).

Противоположный пример лишения собственности наследника, считавшего, что имеет полное право претендовать на половину владений отца, встречается в поэме «The Battle of time Gotis and Huns»⁷ из Саги о Хервёре и Хейдрекке (Hervarars Saga), когда Гизур, воспитатель Хейдрекке, поносит незаконорожденного Хлёда: «...этот ублюдок сидел на кургане, пока принц (Ангантюр) наследство делил». (ст. 13).

⁷ Kershaw, Anglo-Saxon and Norse Poems (Cambridge, 1922), p. 152.

В свете этих отрывков могут иметь особое значение два момента, которые Олрик в итоге упускает. Случайно ли, что яблоко, съев которое, жена конунга рождает ребенка и кладёт его на колени отцу, Фригг посылает, когда тот сидит на кургане?⁸ И опять, именно во время сидения на кургане не имевший имени молодой Хельги наконец получает его?⁹ Как мы позже увидим, важность, придаваемая правильному выбору имени, тесно связана с перерождением.

Пожалуй, стоит отметить, что в Книге Лландатфа (Book of Llandaff)¹⁰ встречаются два примера аналогичного связанного с наследованием обычая за пределами Скандинавии: в двух разных записях о дарении земли, сделанных в церкви конунгами Уэльса, написано, что конунг принял решение сделать этот подарок в то время, когда сидел или лежал на могиле, в одном случае, своего отца, а в другом — деда. Так поступил конунг Гуркант «*sedens super sepulchrum patris sui et pro anima illius*»¹¹, и аналогично конунг Моркант «*super sepulchrum Mourici regis jacentis coram idoneis testibus*»¹². Это, похоже, указывает, что сходный обычай оставался в Уэльсе в христианские времена и что там сидение на могиле бывшего правителя также тесно связано с владением королевством, так что церемонии следовало повторять при передаче части земли. Напомним, что норвежский конунг, который отдал свои земли Харальду Прекрасноволосому, сидел на вершине кургана, а затем «*ска-тился вниз*» оттуда¹³.

Но хотя идея преемственности — одна из представляющихся очевидными при рассмотрении свидетельств подобной практики, идея вдохновения, которую подчеркивает Олрик, несомненно, также присутствует; только я бы предположила (и намерена дать больше обоснований этому в главе VI), что здесь так же важна связь с умершими, как и связь с высоким местом. И я не вижу причин, почему свидетельства ограничивают нас исключительно конунгами, хотя столь широкое распространение среди них этой практики, разумеется, имеет важное значение,

⁸ Völsunga Saga, II.

⁹ См стр. 96/140 ниже.

¹⁰ Этой ссылкой я обязана профессору Чедвику.

¹¹ Liber Landavensis (W. J. Rhys. Llandoverly, 1840), p. 156.

¹² Ibid. p. 41.

¹³ Heimskringla: Háralds Saga Hárfagra, VIII

учитывая источник королевской власти. В *Книге с Плоского острова* (Flateyjarbók) есть история из *Пряди об Торлейве Ярловом Скальде* (Þáttur Þorleifs Jarlaskálds)¹⁴, которую, пожалуй, уместно привести здесь. Пастух по имени Халлбьёрн прирастал сидеть на кургане скальда Торлейва, а иногда и спал там ночью: «*ему часто приходила мысль, что он хотел бы написать вису в похвалу жителю кургана, и это повторялось всякий раз, как он лежал на кургане*». Но, поскольку у него не было умения скальда, у него очень долго ничего не получалось. Однажды ночью, после бесполезной борьбы с поэтической композицией, он уснул и увидел во сне, что курган открылся, и человек огромных размеров вышел и поднялся к нему. Он поблагодарил Халлбьёрна за усилия, затраченные в его честь, и сказал, что тому не нужно больше с трудом сочинять стихи: «*Теперь я прочту вису тебе, и если ты выучишь её наизусть и сможешь сказать, когда проснёшься, ты станешь великим поэтом*». Сказано, что Халлбьёрн проснулся и даже заметил, как его гость исчезает в кургане. Он вспомнил вису и больше не испытывал трудностей при создании стихов, и впоследствии, как обещал Торлейв, стал великим скальдом. Эта история находится в разительном контрасте со сказкой о Беде из Каэдмона¹⁵; здесь дар поэзии, всё ещё понимаемый как дарованная извне удача, приходит не от обитателя небес, а от жителя земли. Если смотреть с этой точки зрения, кажется совершенно естественным, что в *Саге о Халльфреде трудном скальде* (Hallfredar Saga, VI) мы обнаружим славного своей мудростью Торлейва Рычага сидящим на кургане.

Пожалуй, здесь же стоит отметить, что в нескольких ирландских историях есть упоминания о сидении на неком возвышении, иногда названном курганом, подразумевающим вступление в общение со сверхъестественным миром. Например, говорят, что Муирсертах (Muircertach) сидит в одиночестве на своем охотничьем кургане, когда рядом с ним появляется волшебная женщина Син¹⁶. Так в Таре к Корма-

ку присоединился воин из земли обетованной¹⁷, когда тот находился на Мур Тэа; пока его отец Арт сидит на Бен Этайр, оплакивая свою погибшую жену — здесь можно заметить сходство со скандинавскими описаниями, — к нему присоединяется женщина из «земли обетованной»¹⁸; и, как можно заметить, все, кто на протяжении всей повести путешествуют взад-вперёд по этой земле, начинают с Бен Этайра. Также случилось на холме Уснех, где Коннла брат Арта сидел со своим отцом, что женщина из Земли Живущих, о ком сказано, что она в то же время пребывает в волшебном кургане, пришла, чтобы призвать его к Мэг Мелл¹⁹. Из Уэльса же у нас есть Сказка о Пуйле принце Дивед (Pwyll Prince Dyved) из Мабиногиона²⁰, в ней упоминается холм, воссевший на котором должен либо получить побои, либо узреть чудо; и в ней сидящий на этом кургане король видит свою будущую жену Рианнон. Вполне вероятно, что эти аллюзии указывают на кельтский вариант изучаемого нами скандинавского обычая. Учёный XVIII века, написавший «*Древнюю Топографию Ирландии*»²¹, также упоминает «*кэйрны и курганы*», где «*спят те, кто желает просить совета предков, которые должны сообщить им через сон или видение о вещах, связанных с будущими событиями в их жизни*», хотя, к сожалению, он не говорит, откуда получил эту информацию.

Два эпизода из Северной литературы, которые я считаю наиболее сложными для понимания, и которые игнорирует Олрик, пришли из Эдды. Когда Скирнир отправляется во дворец Герд²², он по дороге встречает сидящего на кургане «*пастуха-стража*». Этот стих не завершён, но данный персонаж угрожает Скирниру мешающей достичь Герд стеной огня, который защищает её. Возможно, он является «отвратительным великаном», к которому Скирнира посылали в начале его путешествия, и с кем ему следовало соревноваться в мудрости, и в этом случае мы задаёмся вопросом о существовании связи между ним и другой зловещей фигурой

14 Óláfs Saga Tryggvasonar, I, 174, p. 214.

15 Historia Ecclesiastica Genus Anglorum (Plummer, Oxford, 2896), IV, 22, p. 259.

16 The Death of Muircertach Mac Erca, translated by T. P. Cross and C. H. Slover from the Otia Merseiana (Ancient Irish Tales, Chicago, 1935), p. 518.

17 Ibid. Cormac's Adventures in the Land of Promise, p. 503.

18 Ibid. Adventures of Art Son of Court, p. 492.

19 Ibid. Adventures of Connla the Fair, p. 488.

20 Loth, Les Mabinogion (Paris, 1913), 1, pp. 92-97.

21 Collectanea de Rebus Hibernicis, Vol. 3, XI: The Ancient Topography of Ireland, W. Beauford, p. 395.

22 Skírnismál, II.

в Волюспа (Völuspá, 41), где также «*настух великанши*» сидит на холме и бренчит на арфе, ликуя среди руин миров богов и людей. Эти персонажи будут подробнее обсуждаться в главе о *Путешествии в страну мёртвых*, когда станет видно, что в других местах к ним имеется ряд параллелей. И опять, должны ли мы придавать какое-либо глубокое значение действиям Кетиля, сидевшего во время зимней бури на священном кургане конунга Фрамара, и интерпретировать это как попытку перехватить у соперника источник силы, или это просто подобный совершенному братьями в *Саге о людях из Вансдаля* (Vatnsdæla Saga, XXXIV) типичный жест человека, которого не отвратит от поединка такая мелочь, как плохая погода? На эти вопросы невозможно ответить без большого количества информации о значении этого обычая, чем имеется у нас на сегодня.

Стоит заметить, однако, что археологические подтверждения практики сидения на кургане отсутствуют. Ряд шведских могильных курганов Эпохи Переселения народов имеет не закругленные вершины, а уплощенные, что допускает установку платформ. Это справедливо, например, для «кургана Ингьялда» в Хасби и курганов, названных в честь Оттара и Тора, в Старой Уппсале. Вершины платформ на двух первых наклонены немного вниз, как в театре. Линдквист, комментировавший их назначение в своей статье в «Ynglingättens Gravskick»²³, считает, что иногда на вершинах курганов устанавливали камни, и можно предположить, что их могли использовать для сидения; он также отмечает, что во многих случаях курганы в Скандинавии и скандинавских колониях располагались на местах местных сходов или тингов, и что среди них находятся приплюснутые курганы, хотя они встречаются не только на местах тингов. Из этих данных ясно, что плоские вершины курганов предназначались для каких-то публичных церемоний; если курган был особенно высок и крут, как «курган Фрейра» в старой Уппсале, на его вершине не было ровного места, но оно, примерно того же размера, имелось у подножия; и иногда такие площадки маркировали камнями, выставленными в форме корабля.

Эти свидетельства в совокупности с данными литературы являются значимыми, потому что показывают, что практика сидения на кургане почти наверняка была известна в Швеции в эпоху Переселения народов. «Курган Ингьялда», как полагают, относится к VII веку, в некоторых других случаях возможны ещё более ранние даты. Точный характер обрядов, связанных с этими курганами, неизвестен, хотя литература даёт некоторую информацию; но в любом случае ясно, что культ мёртвых должен был иметь важное значение, и что в некоторых случаях курган играл роль в церемониях, проводимых в местах местных сходов. Также представляется, что период данной практики не обязательно ограничивается, как можно ожидать, погребениями с трупоположением; в случаях, упоминаемых в Старой Уппсале и в Хасби, в курганы помещали сожжённые останки. Мы не знаем, ведёт ли обычай своё начало с кремационных или ингумационных могил; из богатых литературных традиций можно с уверенностью полагать, что он был одно время популярен в Норвегии и связывался там с погребением умерших. Чрезвычайно интересен факт, что выложенные из камней корабли встречаются в связи с определёнными типами курганов, хотя его значение неясно из-за ограниченности данных, которыми мы обладаем.

Продолжение следует...

²³ Fornvännen, 1921, p. 92 f.

Перевод и комментарий,
под редакцией академика
И.Ю. КРАЧКОВСКОГО

Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу¹

ОН (Ибн-Фадлан) сказал: я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам и расположились (высадились) на реке Атиль. И я не видел (людей) с более совершенными телами, чем они. Они подобны пальмам, румяны, красны. Они не носят ни курток, ни хафтанов, но носит какой-либо муж из их числа кису, которой он покрывает один свой бок, причем одна из его рук выходит из нее. С каждым из них (имеется) секира и меч, и нож, и он (никогда) не расстаётся с тем, о чем мы (сейчас) упомянули.¹

Мечи их плоские, с бороздками, франкские. И от края ногтя (ногтей) кого-либо из них (русов) до его шеи (имеется) собрание деревьев и изображений (вещей, людей?) и тому подобного. А что касается каждой женщины из их числа, то на груди ее прикреплено кольцо или из железа, или из серебра, или (из) меди, или (из) золота, в соответствии с (денежными) средствами ее мужа и с количеством их. И у каждого кольца — коробочка, у которой нож, также прикрепленный на груди. На шеях у них (женщин) (несколько рядов) монист из золота и серебра, так как, если человек владеет десятью тысячами дирхемов, то он справляет своей жене одно монисто (в один ряд), а если владеет двадцатью тысячами, то справляет ей два мониста, и таким образом каждые десять тысяч, которые у него прибавляются, прибавляются в виде (одного) мониста у его жены, так что на шее какой-нибудь из них бывает много (рядов) монист. Самое лучшее из украшений у них (русов) — это зеленые бусы из той керамики, которая находится на кораблях. Они (русы) заключают (торговые) контракты относительно них, покупают одну бусину за дирхем и нанизывают как ожерелья для своих жен.

Они грязнейшие из твари Аллаха, — (они) не очищаются от испражнений, ни от мочи и не омываются от половой нечистоты, и не моют своих рук после еды, но они как блуждающие ослы. Они прибывают из своей страны и причаливают свои корабли на Атиле, а это большая река, и строят на ее берегу большие дома из дерева, и собирается (их) в одном (таком) доме десять и (или) двадцать, — меньше и (или) больше, и у каждого (из них) скамья, на которой он сидит, и с ними (сидят) девушки — восторг для купцов. И вот один (из них) сочетается со своей девушкой, а товарищ его смотрит на него. Иногда же соединяются многие из них в таком положении одни против других, и входит купец, чтобы купить у кого-либо из них девушку, и (таким образом) застаёт его сочетающимся с ней, и он (рус) не оставляет ее, или же (удовлетворит) отчасти свою потребность.

И у них обязательно каждый день умывать свои лица и свои головы посредством самой грязной воды, какая только бывает, и самой нечистой, а именно так, что девушка приходит каждый день утром, неся большую лохань с водой, и подносит ее своему господину. Итак, он моет в ней свои обе руки и свое лицо, и все свои волосы. И он моет их и вычесывает их гребнем в лохань. Потом он сморкается и плюет в нее и не оставляет ничего из грязи, но (все это) делает в эту воду. И когда он окончит то, что ему нужно, девушка несет лохань к тому, кто (сидит) рядом с ним, и (этот) делает подобно тому, как делает его товарищ. И она не перестает переносить ее от одного к другому,

¹ Орывок из книги 1939 года. Текст печатается без сносок. Деление на абзацы в первоначальном варианте отсутствовало.

пока не обойдет ею всех находящихся в (этом) доме, и каждый из них сморкается и плюет, и моет свое лицо и свои волосы в ней.

И как только приезжают их корабли к этой пристани, каждый из них выходит и (несет) с собою хлеб, мясо, лук, молоко и набид, пока не подойдет к высокой воткнутой деревяжке, у которой (имеется) лицо, похожее на лицо человека, а вокруг нее (куска дерева) маленькие изображения, а позади этих изображений (стоят) высокие деревяжки, воткнутые в землю. Итак, он подходит к большому изображению и поклоняется ему, потом, (он) говорит ему: «О, мой господин, я приехал из отдаленной страны и со мною девушек столько-то и столько-то голов и соболей столько-то и столько-то шкур», — пока не сообщит (не упомянет) всего, что (он) привез с собою из (числа) своих товаров, — «и я пришел к тебе с этим даром»; — потом (он) оставляет то, что (было) с ним, перед этой деревяжкой, — «и вот, я желаю, чтобы ты пожаловал мне купца с многочисленными динарами и дирхемами, и чтобы (он) купил у меня, как я пожелаю, и не прекословил бы мне в том, что я скажу». Потом он уходит.

И вот, если для него продажа его бывает затруднительна и пребывание его задерживается, то он опять приходит с подарком во второй и третий раз, а если (все же) оказывается трудным сделать то, что он хочет, то он несет к каждому изображению из (числа) этих маленьких изображений по подарку и просит их о ходатайстве и говорит: «Это (эти) жены нашего господина и дочери его, и сыновья его». И (он) не перестает обращаться к одному изображению за другим, прося их и моля у них о ходатайстве, и униженно кланяясь перед ними. Иногда же продажа бывает для него легка, так что он продаст. Тогда он говорит: «Господин мой уже исполнил то, что мне было нужно, и мне следует вознаградить его». И вот, он берет известное число овец или рогатого скота и убивает их, раздает часть мяса, а оставшееся несет и бросает перед этой большой деревяжкой и маленькими, которые (находятся) вокруг нее, и вешает головы рогатого скота или овец на эти деревянные, воткнутые в землю. Когда же наступает ночь, приходят собаки и съедают все это. И говорит тот, кто это сделал: «Уже стал доволен господин мой мною и съел мой дар».

И если кто-нибудь из них заболевает, то они забивают для него шалаш в стороне от себя и бросают его в нем, и помещают с ним некоторое количество хлеба и воды, и не приближаются к нему и не говорят с ним, но посещают его каждые три (?) дня, особенно если он неимуций или невольник. Если же он выздоровеет и встанет, он возвращается к ним, а если умрет, то они сжигают его. Если же он был невольником, они оставляют его в его положении, так что его съедают собаки и хищные птицы.

И если они поймают вора или грабителя, то они ведут его к толстому дереву, привязывают ему на шею крепкую веревку и подвешивают его на нем навсегда, пока он не распадется на куски от ветров и дождей.

И (еще прежде) говорили, что они делают со своими главарями при их смерти (такие) дела, из которых самое меньшее — (это) сожжение, так что мне очень хотелось присутствовать при этом, пока (наконец) не дошло до меня (известие) о смерти одного выдающегося мужа из их числа. И вот они положили его в его могиле и покрыли ее крышей над ним на десять дней, пока не закончили кройки его одежды и их сшивания.

А это бывает так, что для бедного человека из их числа делают маленький корабль, кладут его (мертвого) в него и сжигают его (корабль), а для богатого (поступают так): собирают его деньги и делят их на три трети, — (одна) треть (остаётся) для его семьи, (одну) треть (употребляют на то), чтобы для него на нее скроить одежды, и (одну) треть, чтобы приготовить на нее набид, за который они будут пить в день, когда его девушка убьет сама себя и будет сожжена вместе со своим господином; а они, всецело предаваясь набиду, пьют его ночью и днем, (так что) иногда один из них (кто-либо из них) умирает, держа чашу в своей руке.

И если умирает главарь, то говорит его семья его девушкам и его отрокам: «Кто из вас умрет вместе с ним?» Говорит кто-либо из них: «Я». И если он сказал это, то это уже обязательно, так что ему уже нельзя обратиться вспять. И если бы он захотел этого, то этого не допустили бы. И большинство

из тех, кто поступает (так), (это) девушки. И вот, когда умер этот муж, о котором я упомянул раньше, то сказали его девушкам: «Кто умрет вместе с ним?» И сказала одна из них: «Я». Итак, поручили ее двум девушкам, чтобы они оберегали ее и были бы с нею, где бы она ни ходила, до того даже, что они иногда мыли ей ноги своими руками. И принялись они (родственники) за его дело, — кройку одежды для него, за приготовление того, что ему нужно. А девушка каждый день пила и пела, веселясь, радуясь будущему.

Когда же пришел день, в который будет сожжен (он) и девушка, я прибыл к реке, на которой (находился) его корабль, — и вот, (вижу, что) он уже вытасчен (на берег) и для него поставлены четыре подпорки из дерева (материала) хаданга (белого тополя) и другого (дерева) и поставлено также вокруг него (корабля) нечто вроде больших помостов (амбаров?) из дерева. Потом (корабль) был протасчен (дальше), пока не был помещен на эти деревянные сооружения. И они начали уходить и приходять, и говорили речью, (которой) я не понимаю. А он (мертвый) был далеко в своей могиле, (так как) они (еще) не вынимали его.

Потом они принесли скамью и поместили ее на корабле, и покрыли ее стегаными матрацами и парчой византийской, и подушками из парчи византийской, и пришла женщина старуха, которую называют ангел смерти, и разостлала на скамье постилки, о которых мы упомянули. И она руководит обшиванием его и приготовлением его, и она убивает девушек. И я увидел, что она ведьма (?) большая (и толстая), мрачная (суровая).

Когда же они прибыли к его могиле, они удалили в сторону землю с дерева (с деревянной покрывки) и удалили в сторону (это) дерево, и извлекли его (мертвого) в изаре, в котором он умер, и вот, я увидел, что он уже почернел от холода (этой) страны. А они еще прежде поместили с ним в его могиле набид и (некий) плод, и тунбур. Итак, они вынули все это, и вот он не завонял, и не изменилось у него ничего, кроме его цвета.

Итак, они надели на него шаровары и гетры, и сапоги, и куртку, и хафтан парчевый с пуговицами из золота, и надели ему на голову шапку (калансуву) из парчи, соболевую. И они понесли его, пока не внесли его в ту палатку (кабину), которая (имеется) на корабле, и посадили его на матрац, и подперли его подушками, и принесли набид и плод, и благовонное растение, и положили его вместе с ним. И принесли хлеба и мяса, и луку и бросили его перед ним, и принесли собаку, и разрезали ее на две части, и бросили в корабле. Потом принесли все его оружие и положили его рядом с ним (букв. к его боку). Потом взяли двух лошадей и гоняли их обеих, пока они обе не вспотели. Потом (они) разрезали их обеих мечом и бросили их мясо в корабле, потом привели двух коров (быков) и разрезали их обеих так же, и бросили их обеих в нем (корабле). Потом доставили петуха и курицу и убили их, и бросили их обоих в нем (корабле).

А девушка, которая хотела быть убитой, уходя и приходя, входит в одну за другой из юрт, причем с ней соединяется хозяин (данной) юрты и говорит ей: «Скажи своему господину: «право же, я сделала это из любви к тебе».

Когда же пришло время после полудня, в пятницу, привели девушку к чему-то, что они (уже раньше) сделали наподобие обвязки (больших) ворот, и она поставила обе свои ноги на руки (ладони) мужей, и она поднялась над этой обвязкой (обозревая окрестность) и говорила (нечто) на своем языке, после чего ее спустили, потом подняли ее во второй (раз), причем она совершила то же (действие), что и в первый раз, потом ее опустили и подняли в третий раз, причем она совершила то же, что сделала (те) два раза. Потом подали ей курицу, она же отрезала ее голову и забросила ее (голову). Они взяли (эту) курицу и бросили ее в корабле. Я же спросил у переводчика о том, что она сделала, а он сказал: «Она сказала в первый раз, когда ее подняли, — вот я вижу моего отца и мою мать, — и сказала во второй (раз), — вот все мои умершие родственники сидящие, — и сказала в третий (раз), — вот я вижу моего господина сидящим в саду, а сад красив, зелен, и с ним мужи и отроки, и вот он зовет меня, так ведите же к нему.

И они прошли с ней в направлении к кораблю. И вот она сняла два браслета, бывших на ней, и дала их оба той женщине, которая называется ангел смерти, а она та, которая убивает ее. И она

(девушка) сняла два ножных кольца, бывших на ней, и дала их оба тем двум девушкам, которые обе (перед этим) служили ей, а они обе дочери женщины, известной под именем ангела смерти. Потом ее подняли на корабль, но (еще) не ввели ее в палатку (кабину), и пришли мужи, (неся) с собой щиты и деревянные, и подали ей кубком набид, и вот она пела над ним и выпила его. Переводчик же сказал мне, что она прощается этим со своими подругами. Потом дан был ей другой кубок, и она взяла его и затянула песню, причем старуха побуждала ее к питью его и чтобы войти в палатку (кабину), в которой (находится) ее господин. И вот я увидел, что она уже заколебалась и хотела войти в палатку (кабину), но всунула свою голову между ней и кораблем, старуха же схватила ее голову и всунула ее (голову) в палатку (кабину), и вошла вместе с ней (девушкой), а мужи начали ударять деревяжками по щитам, чтобы не был слышен звук ее крика, при чем взволновались бы другие девушки и перестали бы искать смерти вместе со своими господами.

Потом вошли в палатку шесть мужей и совокупились все с девушкой. Потом положили ее на бок рядом с ее господином, и двое схватили обе ее ноги, двое — обе ее руки, и наложила старуха, называемая ангелом смерти, ей вокруг шеи веревку, расходящуюся в противоположные стороны, и дала ее двум (мужам), чтобы они оба тянули ее, и она подошла, держа (в руке) кинжал с широким лезвием, и вот начала втыкать его между ее ребрами и вынимать его в то время, как оба мужа душили ее веревкой, пока она не умерла. Потом подошел ближайший родственник (этого) мертвеца, взял деревяжку и зажег ее у огня, потом пошел задом, затылком к кораблю, а лицом своим <...> зажженная деревяжка в одной его руке, а другая его рука (лежала) на заднем проходе, (он) будучи голым, пока не зажег сложенного дерева (деревяжек), бывшего под кораблем. Потом подошли люди ещё с деревяжками (кусками дерева для подпалки) и дровами, и с каждым (из них) деревяжка (лучина?), конец которой он перед тем воспламенил, чтобы бросить ее в эти куски дерева (подпал).

И принимается огонь за дрова, потом за корабль, потом за палатку и (за) мужа, и (за) девушку, и (за) все, что в ней (находилось), подул большой, ужасающий ветер, и усилилось пламя огня, и разгорелось неукротимое воспламенение его (огня).

И был рядом со мной некий муж из русов, и вот, я услышал, что он разговаривает с переводчиком, бывшим со мною. Я же спросил его, о чем он говорил ему, и он сказал: «Право же, он говорит: «Вы, о, арабы, глупы», <...> Это (?) он сказал: «Воистину, вы берете самого любимого для вас человека и из вас самого уважаемого вами и бросаете его в прах (землю), и съедают его прах и гнус и черви, а мы сжигаем его во мгновение ока, так что он входит «в рай» немедленно и тотчас». Тогда я спросил об этом, а он сказал: «По любви господина его к нему (вот) уже послал он ветер, так что он унесет его за час».

И вот, действительно, не прошло и часа, как превратился корабль и дрова, и девушка, и господин в золу, потом в (мельчайший) пепел. Потом они построили на месте этого корабля, который они вытащили из реки, нечто подобное круглому холму и водрузили в середине его большую деревяжку хаданга (белого тополя), написали на ней имя (этого) мужа и имя царя русов и удалились.

Он (Ибн-Фадлан) сказал: к порядкам (обычаям) царя русов (относится) то, что вместе с ним в его замке (дворце) находятся четыреста мужей из (числа) богатырей, его сподвижников, и (находящиеся) у него надежные люди из их (числа) умирают при его смерти и бывают убиты (сражаясь) за него. И с каждым из них девушка, которая служит ему и моет ему голову, и приготовляет ему то, что он ест и пьет, и другая девушка, (которую) он употребляет как наложницу. И эти четыреста (мужей) сидят под его ложем (престолом). А ложе его огромно и инкрустировано драгоценными самоцветами. И с ним сидят на этом ложе сорок девушек для его постели. Иногда он употребляет как наложницу одну из них в присутствии своих сподвижников, о которых мы (выше) упомянули. И он не спускается со своего ложа, так что, если он захочет удовлетворить потребность, то он удовлетворяет ее в таз, а если он захочет поехать верхом, то лошадь его подводится к ложу, так что он садится на нее верхом с него (ложа). А если он захочет сойти (с лошади), то подводится его лошадь (к ложу) настолько, чтобы он сошел со своей лошади. У него есть заместитель, который управляет войсками и нападает на врагов, и замещает его у его подданных.

ALISA

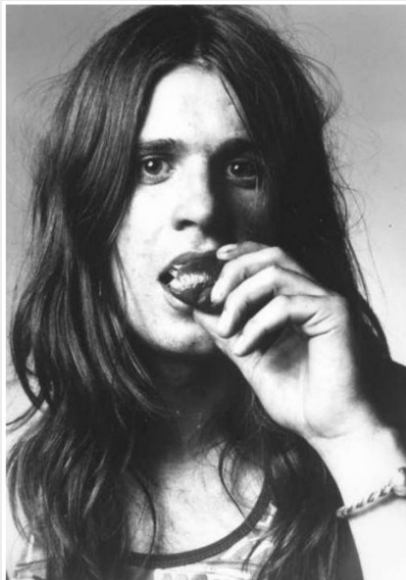
Оззи Осборн и его берсерки

В 2025 году рок-н-ролльная Вальгалла пополнилась ещё одним легендарным обитателем. Звали его Джон Майкл «Оззи» Осборн. Рок-легенда, участник знаменитой группы Black Sabbath, успешный сольный артист, шоумен, придурковатый папаша из «Семейки Осборнов», дикого Бирмингема дикая тварь, гроза птичек и летучих мышей и котик с крылышками.

Всю жизнь от первых мгновений в декабре 1948 года до последнего в июле 2025 он носил в своей ДНК гены скандинавов, но не знал и не подозревал об этом. Скандинавской тематикой не интересовался, связанных с ней образов и мотивов в его сольных работах нет. На альбоме Black Sabbath «Тур», где такая тематика присутствует, поёт не он, а Тони Мартин. При этом Оззи

с 2016 года не скрывал, что в нём есть 2,8 процента генов неандертальца. Узнал он об этом после анализа генного материала, который решил пройти, чтобы узнать, есть ли у него генетическое родство с Осборнами из Джеймстауна. Родства не нашли, что было открыто показано в передаче «Путешествие Оззи и Джека». После ему стали приписывать родство с римлянами, в том числе

теми, кто погиб в городах Помпея и Геркуланум, даже королевскую кровь (через Эдуарда Седьмого?), но никто не исследовал его ДНК на гены скандинавов, да и сам певец не думал, что они могут в ней быть.

Но как же теперь, когда Оззи не стало, интересующаяся публика поняла, что в нём текла скандинавская кровь? Раскрыть эту тайну генетике помогла ономастика. Нам стало интересно, откуда у Оззи такая странная, не самая распространённая, как Джонсон, Смит, Браун, но и не уникальная, как Пробер, Найи, Саммербелл, фамилия. Сперва были предположения, что она — англо-нормандского происхождения, восходящая к некоему старофранцузскому корню. Но дальнейший сбор и анализ материала показал, что это не так. Фамилия «Осборн» оказалась скандинавского происхождения. В основе её лежит имя Асбьёрн, восходящее к as (божество) + bjorn(медведь) — «божественный медведь». Выглядит такое имя странно и не совсем похоже на то, что изначально являлось именем собственным. Весьма вероятно, да и во многом так выглядит, что это вначале был кеннинг... берсерка. Var, bear — медведь, этих лиц часто сравнивали с дикими и мощно-агрессивными медведями.

Можно вспомнить имя главного героя поэмы «Беовульф», которое, как выяснилось, тоже было изначально не именем собственным, а кеннингом медведя (beo — пчела + wolf — волк, «пчелиный волк» — медведь). Сходное происхождение имеют уже почти неупотребительные в Британии имена Оскар и Освальд. Оскар (от As — божество + geirr — копье) означает «божественное копье», весьма вероятно, что это изначально был кеннинг молнии, а Освальд — (as — божество + weald — сила) «божественная сила». Уменьшительные формы от этих имён — «Оз, Оззи». Но к нашей рок-легенде они отношения не имеют. По его словам, прозвище Оззи ему дали в бирмингемской школе для мальчиков из-за фамилии, ничего не зная о её происхождении. По-настоящему его всю жизнь звали Джон Майкл Осборн. Имена Оскар и Освальд уже тогда были весьма малоупотребительны.

Впервые носители имени Асбьёрн могли появиться в Британии в VIII веке, когда начались массовые выходы викингов. В письменных источниках оно впервые упомянуто в X-XI веках в форме Osbeorn. Уже при Плантагенетах оно стало выходить из употребления, становясь фамилией, упомянутой впервые в более поздних источниках в виде Osborne, Osborn, Osbourne. В XVII веке Осборны появились вне Англии, в британских колониях (переселенцы). Так эта фамилия распространилась по миру.

Но как же фамилия Осборн показывает, что в жилах Оззи текла скандинавская кровь? Предки рок-легенды были выходцами из графства Стаффордшир, где 1300 лет назад была Область Датского Права (Danelag, Dane Law). Там селились скандинавы, среди которых могли оказаться и берсерки, которых тогдашний правитель области мог брать к себе на службу. От кеннинга этого существа пошло имя Асбьёрн, ставшее в Англии фамилией Осборн. В Скандинавии же до сих пор можно встретить носителей этого имени.

Оззи эта фамилия передалась по линии отца, как и кровь скандинавов. Поведение и поступки рок-легенды, такие как пьянство, наркомания, агрессия к живым существам в молодости, нападения на людей, мешающих работе, драки, непристойные и хулиганские выходки, особенно под алкоголем и наркотиками, вполне доказывают, что в роду могли быть и берсерки, чьи гены неожиданно пробудились через много веков. Скандинавская кровь, наряду с кельтской, (со стороны второй жены) теперь течёт в его детях и внуках.

Так ономастика помогла узнать тот факт, что среди предков Оззи Осборна были скандинавы. ❖

Источники:

- <https://surnamedb.com/Surname/Osbourne>
- <https://www.last-names.net/lastname/osborne/>
- <https://www.behindthename.com/name/osborn>
- <https://www.igene.com/en/surnames/o/osborne>
- <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B3>
- <https://alphapedia.ru/w/Kenning>
- https://norroen.info/articles/steblink/hist_poe/kenning.html

Einherjer: хранители мифологического наследия в викинг-метале

Андрей ГАММАЛ

Норвежская группа Einherjer, основанная в 1993 году в Хаугесунде, занимает особое место в истории викинг-метала. Само название коллектива отсылает к einherjar — павшим воинам, которых Один призывает в Вальхаллу. С первых шагов музыканты стремились не просто использовать скандинавскую символику, но превратить её в основу художественного высказывания, где металл становится формой сохранения и переосмысления мифологического наследия.

Жанр викинг-метала зародился в конце 1980-х благодаря Bathory, но именно Einherjer придали ему национальную идентичность. В отличие от многих коллег, они сознательно обращались к Эддам и сагам, превращая свое творчество в «музыкальную сагу». Их творчество можно рассматривать как часть более широкого культурного движения конца XX века, направленного на переосмысление скандинавского наследия в искусстве.

Текущий состав:

Frode Glesnes (гитара, вокал)
Gerhard Storesund
(ударные, клавишные)
Aksel Herløe
(гитара, бас-гитара на Blot)

Бывшие участники:

Rune Bjelland, Audun Wold, Stein Sund,
Ragnar Vikse, Erik Elden.

EINHERJER

Дискография:

Dragons of the North (1996) — героический эпос, закрепивший за группой статус классиков жанра.

Odin Owns Ye All (1998) — акцент на мифологии, более фолковое звучание.

Norwegian Native Art (2000) — соединение блэк-метала и симфонических элементов.

Blot (2003) — мрачный и агрессивный альбом, после которого группа временно распалась.

Возвращение: *Norrøn* (2011), *Av Oss, For Oss* (2014), *Norrøne Spor* (2018), *North Star* (2021) — зрелые работы, где акцент смещается к философии культурной памяти.

Цитаты из песен:

Dragons of the North (1996)

«*Ride the dragon of the North, into the battlefields of gods*»

«Оседлай дракона Севера. Вперёд, на поля битв богов»

— героический эпос, где мифология становится частью воинской идентичности.

Odin Owns Ye All (1998)

«*Odin owns ye all, the father of the slain*»

«Один владеет вами всеми, отец павших»

— подчёркивание верховной власти Одина над судьбой воинов. Здесь, вероятно, также проглядывается отсылка к знаменитой рунической надписи из Бергена:

heil: sepu : ok : ihuhum : godom

por : pik : þig : gi : opin : pik: eihi

Благопожелание тебе, и будь в добром духе!

Тор да примет тебя,

Один да владеет тобой.

Кроме того, последняя фраза в этой надписи — *Opin þik eihi!* — традиционный боевой клич.

Norwegian Native Art (2000)

«*The spirit of the North shall never fade*»

«Дух Севера никогда не угаснет»

— акцент на культурной идентичности и вечности северного духа.

Blot (2003)

«*Blood shall be spilled, the rite must be done*»

«Да прольётся кровь, да будет обряд свершён»

— мрачный ритуал, отражающий сакральную сторону мифологии.

Norrøn (2011)

«Through the ages, the saga lives on»

«Сквозь века сага продолжается»

— идея преемственности и сохранения культурной памяти.

Av Oss, For Oss (2014)

«From us, for us, the past lives on»

«От нас и для нас прошлое продолжает жить»

— философия культурного наследия, передаваемого от поколения к поколению.

Norrøne Spor (2018)

«Echoes of the past, carved in stone»

«Эхо прошлого, высеченное в камне»

— метафора памяти, запечатлённой в мифах и традициях.

North Star (2021)

«The North Star guides us through the night»

«Полярная звезда ведёт нас во тьме ночи»

— символ судьбы и ориентации в культурном и духовном пространстве.

Эти цитаты показывают переход группы от героического эпоса (*Dragons of the North*) к философскому осмыслению культурной памяти (*Av Oss, For Oss, North Star*).

Поклонники ценят группу за эпичность и аутентичность. В фанатской среде Einherjer противопоставляют более коммерческим Amon Amarth, считая их «истинными хранителями северного духа».

Их творчество демонстрирует, как экстремальная музыка может быть не только агрессивной, но и глубоко культурной, философской. С одной стороны — хранители наследия, с другой — эпическая сага, звучащая в сердцах поклонников!

Волшебные исландские сказки

Тексты первоначально опубликованы
на сайте: <https://norroen.info>

Перевод с исландского и примечания: Тимофей ЕРМОЛАЕВ
Редакция перевода: *Speculatorius*

«Как дела у твоей коровы?»

Это, говорят, произошло, когда преподобный Йоун Йоунссон¹ только стал викарием у своего отца, преподобного Йоуна², который тогда был священником в Грюнде и Мёдрюветлире в Эйяфьёрде, а затем — во Фридриксгауве. Преподобный Йоун Младший учился на священника за морем, жил там много лет и женился там на датчанке, которая прибыла вместе с ним сюда, в Исландию. Несколько лет они жили в Финнастадире в приходе Грюндарсоукн. Неподалёку оттуда на хуторе, который называется Хрёйнгерди, жил бонд по имени Краук³. Однажды его жена родила ребёнка, а несколько дней спустя бонд пришёл в Финнастадир и встретил супругу священника. Она спросила его о жене и сказала:

— Как дела у твоей kúpin? — имея в виду жену (kopaп), поскольку плохо знала исландский⁴.

Бонд не замедлил с ответом и сказал:

— Сегодня утром у неё, будь она проклята, была течка.

Бонд думал, что она имеет в виду корову (kú), которая у него была и которая сбежала тем самым утром, и он только что с трудом загнал её обратно в хлев. Супруга священника в изумлении отошла от него, и не упоминается, чтобы она ещё спрашивала его о здоровье жены.

1 Йоун Йоунссон (05.07.1787–17.11.1869), викарий в Грюндартинге в 1830–1839 годах, затем священник там в 1839–1860 годах; его жену-датчанку звали Хелена Йоханна Кристина Ольсен.

2 Йоун Йоунссон «Учёный» (28.08.1759–04.09.1846), священник в Грюндартинге с 1795 г., в Мёдрюветлире с 1839 г., в конце жизни жил в Дюнхайи в Хёргаурдале.

3 Краук Краукссон (1809–11.08.1848), бонд в Хрёйнгерди с 1838 года, затем был работником в Хове в Вопнафьёрде.

4 Слова kúpin в исл. языке не существует. Возможно, датчанка ориентировалась на родную форму с опр. артиклем: kopen. Однако неясно, почему корневую гласную она произносит как [и]. — прим. ред.

«Это тебе от нас»

Однажды работник-подёнщик жил на хуторе весь сенокос. Осенью бонд выплатил ему жалование; это были овцы. На хуторе не было никого, кроме жены бонда и дочери, и они были в овечьем загоне, когда бонд вручал этих овец. Вот его жена взяла овцу, отдала работнику и сказала:

— Это тебе от нас, трудяга.

Затем дочь взяла другую овцу, отдала ему и сказала те же слова. Наконец, бонд дал ему третью овцу и тоже сказал:

— Это тебе от нас, трудяга.

Тут дочь изумилась и воскликнула:

— Неужели он взобрался и на моего отца?

Тогда бонд обрадовался, поскольку всё произошло так, как он задумал. Теперь всем им пришлось признаться, и работник был вынужден заплатить значительное возмещение, чтобы бонд не донёс об этом властям.

О девственности старухи

На одном хуторе жили священник и студент. Как-то раз они поспорили о том, являются ли женщины, у которых никогда не было детей, чистыми девами. Студент отрицал это, но священник был в этом уверен. Они побились о заклад и поставили большую сумму. На хуторе жила шестидесятилетняя старуха, о которой никто не слышал, чтобы она потеряла девственность. В доме был чердак, и старушка спала в одной из его клетушек. Она ничего не знала об их закладе. Вечером студент сказал священнику, что собирается ночью допросить старуху, и он должен спрятаться под чердаком и слушать их беседу. Священник согласился, потому что не ожидал ничего иного, кроме того, что старуха подтвердит свою девственность. Поздним вечером студент велел служанке принести ему стихарь, ночью надел его, обвязал голову белым платком и пошёл к постели старухи. Через окно его освещала луна. Старуха проснулась, когда одетый в белое человек коснулся её. Она смертельно испугалась и воскликнула:

— Господь мой, ты ли это?

— Я ангел, — говорит он, — присланный, чтобы спросить тебя, сколько мужчин у тебя было за всю твою жизнь. Скажи откровенно, тогда ты получишь прощение за все свои грехи, но никак иначе.

— Я точно этого не помню, — отвечает старуха, — их было много, я полагаю, что семнадцать.

— Для тебя очень важно вспомнить как можно точнее, — говорит он, — чтобы ты смогла получить прощение за все свои грехи.

— Да, — говорит она, — семнадцать, семнадцать, как я сказала, и восемнадцатый — священник с этого хутора.

Студент пошёл прочь удовлетворённый, а следующим утром предложил священнику выбирать: или тот сразу же выплатит ему весь заклад (некоторые рассказывают, что это было пять сотен), или же он расскажет властям, что узнал. Священник предпочёл заплатить.

«У меня такой длинный...»

Однажды некий жених отправился свататься, а другой человек, который сам хотел жениться на этой девушке, узнал об этом; поэтому он напросился поехать вместе с ним. Его спутник стал рассказывать жениху о том, что отец девушки уже отказал одному мужчине, поскольку тот не умел ни вести себя, ни говорить правильно, но он научит его, как нужно вести себя, ведь он в этом знаток. Например, если ему протянут посудину с едой, он должен сказать: «У меня такой длинный прут, что я вполне могу достать до зада», — ибо рука может быть названа «прутом», а посудина — «задом»⁵. Вот они приехали на тот хутор, их хорошо приняли и усадили за стол. Он начал свататься, но хозяин сказал, что не может ответить так скоро. Теперь жениху принесли посудину, но когда хозяйка собралась протянуть ему её, жених произнёс: «У меня такой длинный прут», — и так далее. Услышав это, супруги посчитали его сумасшедшим, и из сватовства ничего не получилось. А его спутник задержался там и женился на девушке.

⁵ *Ég hef svo langan tausinn að ég kann vel ná í rassinn* — спутник жениха имеет в виду, что *taus* и *rass* выступают как хейти для руки и посуды, однако такие метафоры кажутся совершенно неправдоподобными, и, соглашаясь с ними, жених лишней раз демонстрирует свои невежество и глупость. Нужно отметить, что слово *taus* встречается только здесь, его значение неизвестно, но из контекста следует, что это эвфемизм для мужского органа.

Павел ВОРОНИН.
КИР «Северный ветер»,
г. Екатеринбург

Обувь жителей Средней Швеции в Эпоху викингов

Впервые статья была напечатана
в журнале исторической
реконструкции Vikings X:
<https://vk.com/vikingsxbirka>

Föremål 1246141. SHM 35418 (F7)

Startsida | Rapportera problem | Skicka förfrågan | Hjälp

HEM > SHM 35418 > UP ADELSÖ BJÖRKÖ, SVARTA JORDENS H

Sara Kusmin SHMM 2014-08-08

Använd bilden

Hämta: Miniaturbild | Liten | Medel | Stor

Bädda in: Kopiera koden nedan och klistra in i din sida.

<div xmlns:cc="http://creativecommons.org/ns#"><a
rel="cc:attributionURL" href="http://www.historiska.se/data/?
foremal=268778"><img

Fler alternativ här.

“Берцы
из
Бирки

VIKINGATID
LIVET I BIRKA OCH HAITHABU

BJÖRKÖ

Мы неспроста вынесли в заголовок эту известную многим иллюстрацию, создание которой явилось, по всей видимости, реакцией на убеждение о том, что находок обуви эпохи викингов в Швеции в целом и в Бирке в частности нам не известно. Но верно ли оно? Давайте ознакомимся с одной весьма интересной публикацией.

В 2013 году во время проведения археологических работ в акватории острова Бьёркё (Мелардаллен, Уппланд, Швеция) исследовательской группой Государственного Морского музея (Стокгольм) со дна озера Меларен было поднято множество предметов эпохи викингов. Среди большого числа деревянных деталей лодок, бижутерии и предметов быта были обнаружены неустановленные остатки органического происхождения. В дальнейшем при расчистке оказалось, что это кожаные фрагменты, у части из которых сохранились швы, что позволило археологам идентифицировать их как остатки обуви. В декабре 2017 года был опубликован отчет, с результатами которого мы и хотим вас ознакомить.

Сведения из отчета

Всего в указанный сезон подводными археологами было найдено шесть сильно фрагментированных артефактов. Некоторые из них сохранили следы кроя или швы, однако не всегда присутствует и то и другое. Так, например, находки № 171, 172 и 183 имеют следы кроя в виде обрванных краев, однако не имеют швов. Возможно, они являются отходами производства. находка № 101 — это два предмета, найденных вместе. Оба имеют швы, но вместе с тем они не соединены друг с другом (не соответствуют друг другу).

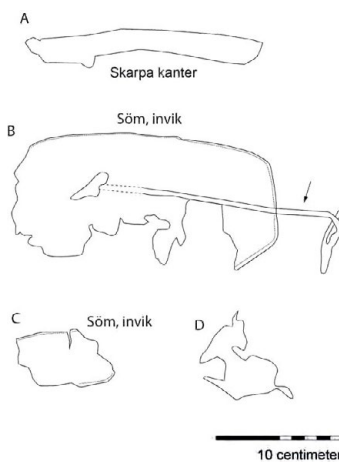

Объект № 161. Неидентифицированные кожаные находки. Два «препарата» в том виде, как они выглядели сразу после их обнаружения.

Объект № 161 был исследован первым после окончания «полевых» работ. Он состоял из двух частей, которые лежали вместе. Объект № 172 был позднее найден в том же месте, что и № 161, в связи с чем они могли быть взаимосвязаны (относиться друг к другу), однако некоторое несоответствие не позволяет уверенно говорить об этом. Таким образом, к объекту № 161 можно отнести лишь упомянутые две части, каждая из которых состоит из нескольких фрагментов. Одни из них повреждены в большей, а другие — в меньшей степени. Они имеют несколько следов края и швов. Неясно, из чего состояло первоначальное изделие и как именно собираются его фрагменты. Принимая во внимание наличие декоративных швов и ремешка, можно осторожно предположить, что речь идет о находке обуви.

Часть 1 после расчистки

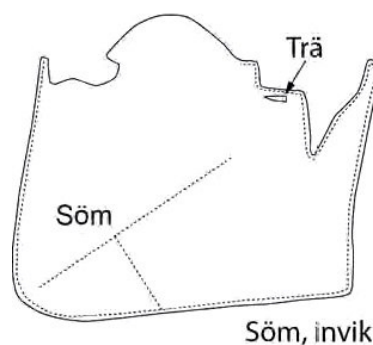

*Прорисовка фрагментов из части 1.
Söm — швы, invik — подгибы края*

Материал части 1 объекта № 161 подвергся более сильному разрушению, из-за чего по всей поверхности имеются дыры. Как показано на схеме выше, часть 1 состоит из фрагментов А, В, С, D. Фрагменты В и D, вероятно, являются частями одного целого, тогда как в отношении оставшихся двух фрагментов такой уверенности нет. Фрагмент В имеет как сохранившиеся подогнутые края, так и следы швов. Также сохранился тонкий кожаный ремешок, относившийся к тому же изделию, что и данный фрагмент. Фрагмент А, сохранившийся лучше, имеет следы края, однако не имеет сохранившихся следов швов, в связи с чем его возможно отнести в категорию отходов производства.

Часть 2 после расчистки

10 centimeter

Прорисовка части 2. Söm — швы, invik — подгибы края, trä — дерево

Часть 2 имеет лучшую сохранность, нежели часть 1, и представляет собой фрагмент прямоугольной формы с сохранившимися подогнутыми краями и швами. Маленький кусочек дерева, возможно, маленький деревянный гвоздь прочно сидит в коже. Два шва в средней части данного фрагмента, вероятно, были декоративными, поскольку нет следов того, что они скрепляли какие-либо детали.

Нет однозначной уверенности в том, что часть 1 и часть 2 изначально относились к одному и тому же изделию — края фрагментов не совпадают, а кроме того, фрагмент А, вероятно, вообще относился к отходам производства. Однако в культурный слой обе эти части попали вместе.

Часть 2 с декоративными швами может являться сохранившимся фрагментом ботинка — известны относящиеся к эпохе викингов и Средневековью находки обуви, верх которой украшался подобным образом. Имяющая сохранившийся кожаный ремешок часть 1 также может быть отнесена к типу обуви, который фиксировался на ноге при помощи вставленного в прорези ремешка.

Вот, собственно, и вся информация, которая содержится в отчете. Конечно, ее не много и, даже прямо скажем, мало, но это лучше, чем ничего.

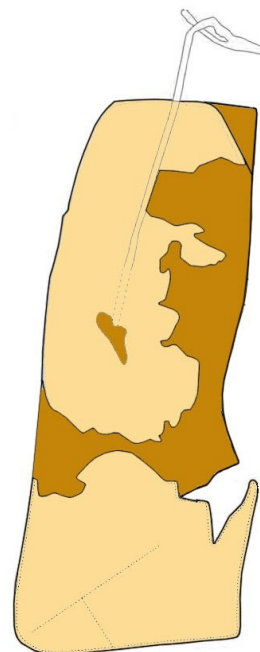
Выводы

Часть 1, предположительно, может относиться к обуви с боковым швом и пришитой по всему периметру подошвой с круглой пяткой (тип подошвы 3.2). Тип шнуровки установить не представляется возможным, однако, если отверстия для ремешка имелись, то, вероятно, располагались довольно низко и были очень редкими.

Часть 2 также могла бы относиться к обуви с боковым швом и пришитой по всему периметру подошвой (тип подошвы 3.1 или 3.2). Имеет декоративный шов по взъему. Тип шва нам на сегодняшний день не известен.

Поскольку отсутствует однозначная уверенность в том, что оба данных объекта относились к одному и тому же изделию, возможно использование данных характеристик как в отдельности, так и совместно. В любом случае это позволит выбрать из числа известных типов обуви те, существование которых в Бирке будет более обоснованным.

Также возможно выдвинуть несколько версий того, каким могло быть непосредственно то изделие (изделия), к которому относились

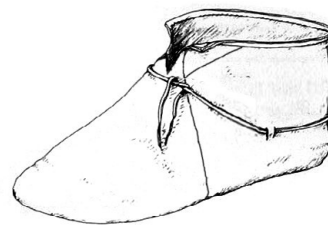

данные фрагменты. Так, например, если объединить оба фрагмента, и при минимальном достраивании недостающих частей получается ботинок вот такого вида.

Использование частей 1 и 2 по отдельности также дает нам некоторое поле для построения версий. И если в первом случае мы можем лишь ограничить круг предполагаемых типов обуви, то поиски аналогов, конструктивно схожих по крою переда с частью 2, возможно, также принесут свои плоды.

В то же время нельзя исключать и того, что данные фрагменты лишь схожи с известными нам деталями кроя обуви. Как это часто бывает в таких случаях, до полноценной публикации исследования данных артефактов узкопрофильным специалистом нам остается лишь строить версии на основе уже имеющихся данных.

Виталий ГРИШИН

Жертва Sacrifice, 2016

*«Пока другие матери только думают, что их дитя особенное, твоё им будет»
(Ричард Гаффри).*

Приветствую читателей «Северного ветра» в свежем номере нашего любимого журнала. Сегодня я хочу предложить вам посмотреть мистический триллер «Жертва» (Sacrifice, 2016), который обязательно обманет ваши ожидания, как того и требуют рамки жанра.

Режиссёром и сценаристом картины выступил Питер Э. Даулинг. Имена актёрского состава вам тоже вряд ли о чем-то скажут, но в данном случае это не так важно, потому как актеры смотрятся в кадре органично, и им хочется верить.

В центре истории перед нами предстает женщина-врач (нет, не доктор Куин) доктор Тора Гамильтон с багажом личных проблем и затыками по здоровью. Открывающая сцена фильма буквально хватает нас за горло вот-это-поворотом с участием доктора Гамильтон и... столь же резко

переносит нас в умиротворяющую сцену с восходом Солнца.

Доктор Гамильтон в компании своего мужа начинает новую жизнь на шотландском островке. Семейная пара ищет простого тихого человеческого счастья и планирует усыновить ребёнка. С этого момента картина (на мой вкус) начинает слегка буксовать в плане активностей на экране.

Доктор Гамильтон вместе со своим супругом заселяются в уединенный дом вдали от цивилизации, а главная героиня устраивается работать по своей специальности в недавно построенную клинику на соседнем острове. В дальнейшие планы супругов входит скорейшее усыновление ребенка, взятого из ультрасовременной клиники под патронажем частного фонда.

Не удивляйтесь тому, что в тексте я буду упоминать по имени только главную героиню. Имена остальных персонажей я не запомнил, ибо образы большинства из них не слишком запоминаются. По факту, это большой недочёт создателей фильма, но по своей сути оно не имеет особого смысла, ибо нам обещают показать изрезанные рунами трупы. А от ожидаемо шаблонной истории про древнюю магию, языческие жертвоприношения и обязательный их атрибут — руны — мне большего и не надо. Обожаю эти забавные и местами смешные истории, которыми киноделы пытаются нас пугать. Но создатели «Жертвы» решили занырнуть в тему настолько глубоко, чтобы коснуться её «дна».

По сюжету фильма тот самый шотландский островок утыкан древними руническими камнями. Один такой булыжник с неразборчивой резьбой нам покажут. Также нам покажут старший футарк. Который так и будет называться — «старший футарк». И даже руны в нем будут правильные.

Руны, руны, руны... Весь фильм нас будут забрасывать этим словечком, пытаясь создать мрачную мистическую атмосферу. Вот только на меня эта руническая магия не действует. Ибо самих рун в фильме, вопреки ожиданиям, маловато будет, несмотря на заявленную тему фильма.

После всех вводных, поясняющих нам места и обстоятельства действия фильма, начинается бытовая рутина. Доктор Гамильтон находит на собственной лужайке мертвую корову и принимает гениальное решение: закопать тушу животного прямо тут, под окнами собственного дома.

Гениальное по своей бредовости сценарное решение было создано с единственной целью — запустить цепочку сценарных событий, развязка которых любителей триллеров равнодушными точно не оставит.

Так вот, практически под окнами собственного дома доктор Гамильтон откапывает труп женщины с нанесенными на тело «рунами». Лично я руны в этом кадре вижу с большой натяжкой, но местным экспертам и полиции виднее. Они утверждают, что после совершения ритуального убийства останки женщины пролежали в земле несколько столетий. Но Тора Гамильтон имеет по данному вопросу отличное мнение.

Дальнейшая история будет строиться вокруг попыток доктора Гамильтон раскрутить собственную версию этого дела. Расписывать, кто что сказал, куда побежал и на кого как посмотрел, я не вижу смысла, так как вместо рекомендации к просмотру вы получите пересказ фильма со спойлерами.

Как я уже написал выше, руны в этом фильме нам покажут буквально пару или тройку раз. Все остальные «руны» в фильме — это какие-то каракули, которые почему-то все вокруг называют рунами. «Дно» успешно достигнуто.

В плане вменяемого освещения темы рун фильм не выдерживает никакой критики. В плане полного набора тематических штампов и околорунических бредней мы имеем хрестоматийное произведение с мешаниной всего со всем, что хоть как-то можно притянуть к теме рун.

Но если вынести руны за скобки, то мы получим весьма годный триллер с подставами, убийствами под видом несчастных случаев, заговорами, древним культом «сверхлюдей», одержимых идеей генетического превосходства, и вполне себе достойными сюжетными «вот это поворотами» с переодеваниями из хороших парней в плохие и наоборот. И все это на фоне шотландских пейзажей. Нужно ли нам иное от триллера? ❖

Гедеон ЯНГ

А боги как люди

Критическая переоценка языческих пантеонов в сериалах Netflix «КАОС» и «Сумерки богов»

И о чём же КАОС и Сумерки богов от Netflix? О давно уже известном — о «человеческой, слишком человеческой» натуре обитателей Олимпа и Асгарда. А по версии создателей сериалов иной раз даже и недо- и античеловеческой. Вся олимпийская компания, хотя в проекте показана лишь небольшая её часть, давно обитает на Земле, среди людей.

Самого Олимпа в фильме нет, зато загробный мир показан подробно и со вкусом, даже со смаком. Асам тоже скучновато в своей небесной обители, вот они и наведываются регулярно в срединный мир.

Новая прописка «старых» богов среди людей не оригинальна и не раз появлялась в разных киносюжетах, не говоря уж о литературе. Из совсем недавних — в культовых «Американских богах» гениального Нила Геймана. Там автор книги, сценария и по совместительству режиссер и продюсер сериала собрал всех «языческих» богов Старого Света и отправил в «эмиграцию» в Свет Новый, где Один поведёт их вперёд в последней битве — Гейман намекает, надо полагать, на Рагнарёк в его современном осмыслении. Если продолжать скандинавскую тему, то в попсовой голливудской франшизе «Тор», где бог грома и молний в исполнении смазливый блондина Криса Хемсворта с плутливым и ненадежным полубратом Локи (Том Хиддлстон) в Мидгарде, то бишь на Земле, в мире людей, почти прописались, кто ради её спасения, а кто и с другими, не столь благородными целями. Тор вполне логично и по голливудским сценариям, и по сюжетам скандинавской мифологии обзаводится земной девушкой (вполне подошедшей для этой роли Натали Портман).

В скандинавском сериале «Рагнарёк» основа сюжета та же — в захолустной норвежской деревушке с даже не говорящим — кричащим названием Эдда происходит самый настоящий, пусть и в формате «мини» и с экологическим привкусом,

но всё же Рагнарёк. Семейству местных олигархов Йодалов, то есть йотунов — великанов и противников богов, противопоставит своеобразная «реинкарнация» Тора — паренёк Магне и его брат, воплощение Локи. Последний и в духе повесточки, и в соответствии с мифологией проявляет небинарную сексуальность. Жаль, что на втором сезоне проект завис, и непонятно, стоит ли ждать продолжения.

Наконец, в одной из серий эпического «Сверхъестественного» братьям Винчестерам бросает вызов компания языческих богов, скандинавских и индуистских, из-за триумфального шествия по планете христианства и ислама вынужденно ушедших в тень и питающихся жизненной силой приносимых в жертву людей. Этот момент так же, как и эмиграция Кали в «Американских Богах», вызывает справедливое недоумение — если в Скандинавии христианство действительно вытеснило и упразднило язычество, то что не так с индуизмом? Его боги и богини здравствуют и процветают сегодня, пожалуй, больше, чем за всю свою многотысячелетнюю историю, и никакая экспансия монотеистических религий им ничуть не мешает.

И даже в седьмой серии «Винчестеров» — «Размышления» — креаторы, сценаристы или даже сам Эрик Крипке не удержались кроме своего обычного пунктика и в качестве злодея-монстра представили зрителям не кого-нибудь, а самого Локи, с которым их детки уже имели дело в «Сверхах». Но, видно, их родители не разобрались с ним окончательно, всего лишь запихав его каким-то

смешным образом в его магическое зеркало, да там ещё и поддразнивали — та самая милейшая индианка Лата.

Любопытно, что же всё-таки заставляет писателей и сценаристов прописывать языческих богов среди людей, в нашей сегодняшней реальности — возможно, пример воплотившегося Бога — Христа, возможно, таким образом осмысляются утрата прежней паствы и поклонения. А может быть, причиной тому банальный антропоцентризм — что вполне логично, учитывая очень человеческий характер языческих богов, какой пантеон ни возьми — хоть греческий, хоть скандинавский, хоть индуистский.

КАОС — подступает Хаос и Мрак

Зевс в исполнении Джеффа Голдблюма — стареющий, хоть и молодящийся из всех сил параноик, из-за маленькой морщинки испугавшийся грядущего конца света — боги ведь не стареют и не умирают, и потому пустившийся во все тяжкие. Тем более что, согласно пророчеству мойр, рано или поздно Олимп падёт, и обитателей его ждёт незавидная участь.

Зевс хочет предотвратить грядущее падение Олимпа и его самого, и даже более того, — вернуть былое, а ныне утраченное почитание людей, дабы и дальше кормиться их «маной», то есть молитвами и жертвоприношениями.

Правда, боги устроили хитроумный и тотальный обман — пообещали людям посмертное «возрождение» — что это, подробно не описывается, но вместо него проходящие через «рамку» в Стиксе умершие попадают в Ничто. Это состояние, в котором умершие в некоем «замороженном» виде постоянно питают своими душами Меандр — подкрепляющий силы богов источник «живой воды». И эта идея не нова, даже если она и отсутствует в самой греческой мифологии — во многих литературных и кинематографических сюжетах боги, демоны, или, скажем,

инопланетяне — сиречь «рептилоиды» — используют или даже специально вывели людей как скот, и питаются ими, то есть нами, тоже в различной форме. От потребления энергии молящихся до охоты на людей, как на сафари, — посмотрите на выбор, например, «Хищника» или «Восхождение Юпитер», или прочтите «Розу Мира» Даниила Андреева.

Супружница Зевсова Гера — это действительно мегера, в которую непонятно зачем влюбился брат Зевса Посейдон (скучающий на своей яхте мачо). Она убивает регулярно порождаемых Зевсом от человеческих женщин «запасных» деток вместе с их матерями и разводит ... пчёлок (их муженёк тоже сожжёт в очередном приступе гнева).

Своего друга Прометея Зевс действительно приковал к скале, но регулярно вызывает к себе щелчком пальцев, чтобы посоветоваться. Прометей, согласно сюжету, не только и не столько хотел людей просветить, сколько сам возжелал узурпировать верховную власть. Или Зевс его в этом заподозрил.

Дионис — непутёвый жиголо, запросто якшающийся с людьми ради простых человеческих радостей — тех же секса, выпивки и наркотиков, помогающий Орфею в его героическом путешествии и пытающийся влюбиться.

Аид — самый старый из троицы божественных братьев и фактически сосланный братом-автократом в подземный мир, где правит вместе с чернокожей Персефоной и в конце постановки таки решает исправить то, что ранее наворотил — тотальный божественный обман. В их канцелярии распорядительницей служит и Горгона, никого уже не убивающая, а даже вполне человеческая. Вероятно, убиенная Гераклом Медуза нашла место по себе и в мире загробном.

Вторая, переплетающаяся с первой, сюжетная линия — человеческая, а именно история Орфея (на вид такой простецкий, даже лоховатый парень) и Эвридики. Когда ту после отречения от

богов насмерть сбивает грузовик, Орфей отправляется за ней в подземный мир и даже успешно проходит все испытания, но тут внезапно выясняется, что Эвридика или, на современный манер, Ридди (довольно милотидная мулатка) давно его разлюбила и уже увлеклась, пока бывший любимый пересекал, умирая от жажды, адскую пустошь, другим покойником. Впрочем, всё это не мешает им на пару с Аидом исправить зловещую посмертную ситуацию и освободить и просветить всех, и умерших, и живых. Помогает Ридди в этом та самая мифологическая пророчица Кассандра.

Стоит упомянуть и мойр, предсказывающих всем, и богам, и людям, их неотменную судьбу, которых Зевс даже пытается убить, чтобы аннулировать все пророчества, как бы смешно это ни было, ведь убить мойр невозможно. Это лишний раз подчёркивает ограниченный «божественный» статус, единый для индоевропейских божеств — греческих, скандинавских, что мы увидим ниже, и индийских. Все они не вечны и находятся в обреченной зависимости от «судьбы», или, что более точно, кармы. И ещё один важный момент про Зевса — сценаристы придумали такой оригинальный финт — он убил папу Кроноса, войдя в состояние некоего необычайного гнева, но вместе с убийством поглотил и его душу, и теперь его отец навечно с ним или в нём.

Не забыли креаторы и пресловутую повесточку, и среди главных героев присутствуют и чернокожие — Персефона и одна из мойр, и мулатка Эвридика, не забыты и трансвеститы, и однополый секс. То есть все законы и понятия современного западного кинематографа соблюдены.

Сумерки богов — и рассвет новой эры?

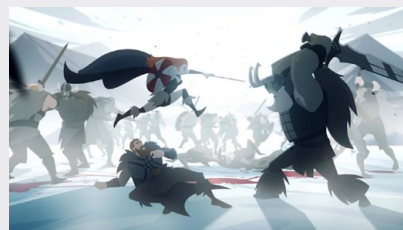
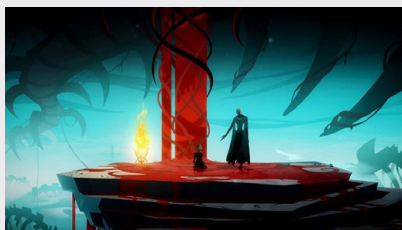
Теперь займёмся «Сумерками богов». Мультсериал с пометкой 18+ спродюсировал и сам снял первую и последнюю серии Зак Снайдер,

а выпустили те же Netflix. Здесь мы видим весьма похожий сюжет — зарвавшиеся боги творят полный беспредел, что у себя в Асгарде, что в Мидгарде. Тор здесь не человеколюбивый плейбой, как Крис Хемсворт из голливудской франшизы, а кровожадный монстр, не жалеющий ни великанов-йотунов, ни тем более людей. Папа его Один — такой же стареющий самодур-автократ, не брезгующий никакими средствами ради удовлетворения своих прихотей и похотей и со страхом ждущий Рагнарёка, а Локи — это, блин, Локи, король цинизма и обмана, враждующий с названным братом Тором из-за своей невинно убиенной дочери Хель, которой пришлось стать царицей одноименного царства мертвых.

Главная же героиня-полукровка (папа человек, а мама — великанша) Сигрид объявляет войну богу грома из-за своих уничтоженных Тором прямо на её свадьбе сородичей-йотунов. Сигрид намеренно изображена миниатюрной по сравнению даже с людьми, не говоря уж о родичах-великанах, но сильнейшей духом — и одержимой праведным гневом девушкой.

В походе её сопровождает постоянно сомневающийся и мятущийся муж-человек и конунг Лейф; раб, сказитель и рунемейстер с говорящим именем Эгил (фактически имя нарицательное, означающее собственно сказителя и поэта), не брезгующий никакими сексуальными связями; ведьма Сеид Кона, гном Андвари, человек-волк Ульфр и некоторые другие — по ходу продвижения к Асгарду отряд набирает в союзники разнообразных монстров, вроде древесных великанов-асов, говорящих первоволков и духов мороза и гор.

Пересказывать все приключения героев и их характеры дело неблагодарное и бессмысленное, можно лишь уверенно отметить, что точно будет интересно — и немало любовных сцен, и ещё больше кровавых баталлий, и честь, и верность, и дружба, и любовь, и преданность, и предательство, и самое главное — развитие и эволюция характеров героев.

Поэтому перейдем сразу к финалу, а он оригинален и заслуживает рассмотрения — почти полностью положив насмерть все армии, в Вальхаллу восходит по логике викингов и сама Сигрид. Несостоявшийся муж Лейф, оставшийся в мире людей, не должен страдать от одиночества — Сигрид нашла ему неплохую замену.

А самой Сигрид теперь предстоит вечно (то есть до финального Рагнарёка?) пировать

и могущества по натуре такие же люди со всеми присущими им недостатками — слабостью, мелочностью, малодушием, предательством, низостью и жестокостью. Переводя на язык, понятный современному поколению, это такие зарвавшиеся и обнаглевшие супергерои, по типу персонажей сериала «Пацаны».

А вот люди и другие, нечеловеческие обитатели Мидгарда, представлены здесь в более выгод-

в небесных чертогах Одина со своим заклятым врагом Тором — его туда хитрым образом утащила когда-то обманутая богами Фрейя. Между делом справедливо отмечается, что Вальхалла — не такой уж и рай, потому что Один «рекрутирует туда души павших для грядущего Рагнарёка» (своеобразный эквивалент «Вагнера»). Оригинально изображены и сами валькирии — это высокие стройные и почти полностью обнажённые дамы с крыльями, не вступающие в переговоры, но лишь молча выполняющие свои обязанности.

Один получает от трансмутировавшей в божество ведьмы пророчество о Рагнарёке, и оно отличается от классического — это не взаимное истребление асов и великанов, а пришествие нового бога. Да, Один видит в будущем мегаполисе церковь и самого Христа, от чего, конечно, сильно расстраивается. Христианизация Скандинавии — одна из центральных тем практически во всех литературных и кинематографических произведениях об эпохе викингов, будь то легендарный одноименный сериал, фильмы «Радбод», «Маргарита — королева Севера», «Белый викинг», «Восхождение в Вальхаллу» или даже фантастический сериал «Эмигранты из прошлого».

Итоговый вывод не будет особенно оригинальным по сравнению с озвученным выше — скандинавские боги, столь любимые и почитаемые современными адептами «северной традиции», то есть единстами и асатруа, помимо своих сверхчеловеческих способностей

и могущества по натуре такие же люди со всеми присущими им недостатками — слабостью, мелочностью, малодушием, предательством, низостью и жестокостью. Переводя на язык, понятный современному поколению, это такие зарвавшиеся и обнаглевшие супергерои, по типу персонажей сериала «Пацаны».

А вот люди и другие, нечеловеческие обитатели Мидгарда, представлены здесь в более выгодном свете — как прирожденные герои или становящиеся ими по ходу развития сюжета.

И такая нелюбимая характеристика — не просто вольное художественное творчество: что греческая, что скандинавская мифология (в том же ряду и индуистская) рисуют нам именно такую картину. Возникло и такое соображение — а неспроста всё-таки «этнических» языческих богов демонизирует и всячески третирует именно Голливуд, а сами народы их всё же помнят и любят. Не знаю насчёт Греции, а вот датчане сняли вполне адекватный, по этической оценке, сериал в двух сезонах — упомянутый ранее «Рагнарёк»; индийцы души не чают и многих километров плёнки не жалеют для своих любимых богов; японцы, корейцы и китайцы также относятся к своему духовному наследию с уважением и деликатностью. И только для мифотворцев из Священного леса (англ. Hollywood), кажется, действительно нет ничего святого...

Единственное, чего жаль, так это того, что ни от KAOSa, ни от «Сумерек» продолжения ждать не предвидится — логически сюжеты вроде бы завершены. Хотя... продюсерам виднее, захотят — и Зевсу Олимп вернут, и Сигрид из Вальхаллы снизойдёт для очередного Рагнарёка. Главное, чтобы сюжеты при этом не получились совсем уж безумно криновыми.

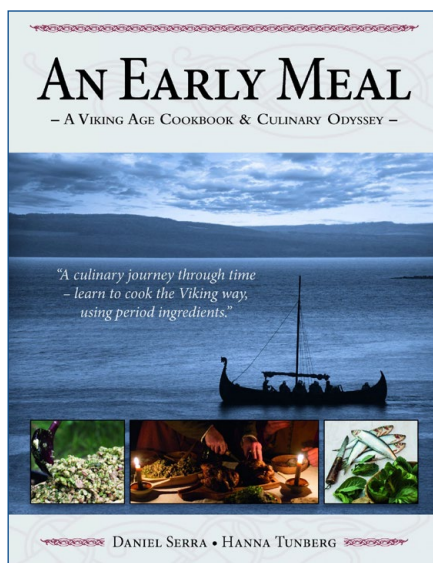
Иллюстрации взяты из открытых источников.

Кулинарное путешествие в прошлое: поваренная книга викингов

Даниел СЕРРА, Ханна ТУНБЕРГ.

Перевод:
Дмитрий ДАММЕР

Продолжение.
Начало — «Северный ветер»,
30–51 номера.

Хедебю

Походная каша

200 г. копченой свинины
75 г. солёного масла
350 гр. молотого ячменя (перловки)
600-800 мл бульон
Немного черемши или лука-порей

Процесс приготовления:

1. Сварить в кастрюле большой кусок копченой свинины, бульон оставить.
2. Одновременно растопить масло в другой посуде, где вы будете пассеровать черемшу или порей.
3. Вынуть свинину, оставшийся бульон пойдет на приготовление каши.
4. Смешать молотый ячмень с маслом.
5. К смеси ячменя и лука добавить свиной бульон. Если бульон выпарится до размягчения ячменя, влить еще немного.
6. Свинину тем временем порубить острым ножом и вернуть в кастрюлю к размягченному ячменю.
7. Чтобы придать блюду кислинки, проварите вместе с ячменем кислое яблоко, предварительно вырезав сердцевину, либо добавьте солодового уксуса или молочную сыворотку.

Каши играли огромную роль в кухне викингов, поскольку их можно было без труда приготовить из легких в хранении ингредиентов. Злаки лучше всего хранились в целом, а не приготовленном виде, а мясо — копченым или вяленным. Благодаря этому каша была идеальным блюдом в пути, поскольку все ингредиенты можно было взять с собой на корабль. В сагах кашу часто упоминают как традиционную пищу фелагов — торговцев-мореплавателей.

Данный рецепт отчасти основан на рецепте из «Liber Cure Cocorum», английской кулинарной книги XV века, и отчасти на кулинарных приемах, описанных в англосаксонских медицинских трактатах.

Ягодный соус для красного мяса

- 600 г. говядины
- 125 г. дикого или зеленого лука
- 2 ст. л. молотых семян коричневой горчицы
- 1 ст. л. топленого (если вы жарите мясо) или другого жира
- 250 г. слив
- 125 г. малины
- 125 г. ежевики
- 100 мл. меда
- 1 ст. л. сухой мяты

Процесс приготовления:

1. Сварите или поджарьте мясо в зависимости от собственных предпочтений.
2. Мелко порубите лук.
3. Растопите жир в кастрюле.
4. Пропассеруйте там же лук с семенами горчицы.
5. Выньте у слив косточки и мелко порубите.

Походная пища

Подходящей пищей для путешественников можно было считать простые питательные каши из высушенных злаков с добавлением копченого или вяленого мяса. Некоторые саги описывают, как торговцы-фелаги готовили пищу по очереди. В некоторых случаях очевидно, что они готовят именно кашу.

6. Все фрукты и ягоды добавьте в кастрюлю и проварите до пюреобразного состояния. Раздавите ягоды в кастрюле ложкой.
 7. Пропустите полученную кашу через крупноячеистую марлю или дуршлаг, чтобы избавиться от плотных частей.
 8. Сверху на фруктово-ягодную массу вылейте мед, чтобы извлечь как можно больше сока.
 9. Полученный сок верните в кастрюлю и снова нагрейте.
 10. Нарежьте мясо тонкими ломтиками и уложите их на сервировочное блюдо.
 11. Полейте мясо соусом и посыпьте мятой в холодной.
- Блюдо подается теплым.

От остальных частей Скандинавии регион Хедебю отличается обилием фруктов и ягод, следы которых часто находят археологи. Фрукты могли быть как самыми обычными, так и экзотическими, которые можно было встретить только в Хедебю, например персики.

Хотя аль-Тартуши описывал Хедебю как небогатый город, разнообразие фруктов и ягод, а также близость к континенту способствовали появлению кухни, отличавшейся от других регионов Скандинавии. Саксон Грамматик в «Деяниях данов» пишет, что знать Южной Дании испытывала влияние обильной и утонченной континентальной кухни с ее соусами и жареным мясом вместо более простой пищи. Продумывая это «роскошное» блюдо, мы вдохновлялись средневековыми соусами, где ягоды использовали как дополнение к мясу.

Продолжение следует...

Оттар ГВЮДМЮНДСОН
Перевод с исландского
и комментарии: О. МАРКЕЛОВА

Герои и помутнение рассудка

КНИГА Оттара Гвюдмюндссона «Герои и помутнение рассудка» («*Hetjur og hugarvíl*», 2012) — научно-популярная работа на стыке литературоведения и психиатрии. По всей видимости, эта книга не имеет аналогов. Её автор — крупный исландский психиатр, в своих трудах уделяющий много места психологическим аспектам литературных текстов, в частности, написанных в минувшие века. В рассматриваемой книге герои древнеисландских родовых саг анализируются с точки зрения психиатрии и психологии.¹

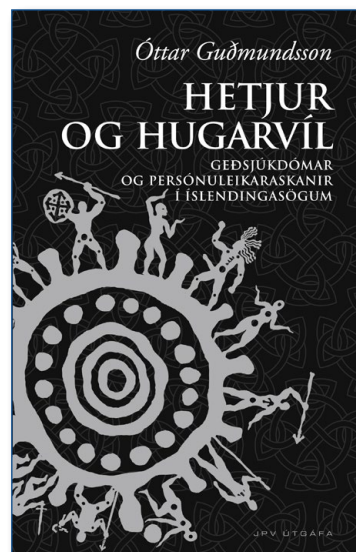
Сага о Гисли Сурссоне

Место действия родовых саг — Исландия и страны континентальной Скандинавии до и после принятия христианства. Их авторы — христиане как из духовных, так и светских сословий. В стране во многих местах можно наблюдать конфронтации новой веры со старыми исконными религиозными традициями. Языческий обычай кровной мести сталкивается с христианским концептом прощения и, как правило, одерживает победу. Саги ясно свидетельствуют о том, что люди, их записывавшие, находились под влиянием христианства и были хорошо знакомы с церковными догматами.

В священных книгах часто подчёркивается, насколько вредна женская болтовня. Согласно Ветхому завету, жена должна во всём покоряться мужу. Ева, соблазнившись лестью Змия, сорвала плод с Древа познания добра и зла, дала вкусить мужу и тем самым сбила его с пути добродетели и страха божьего. Адам и Ева вели себя как обычные мелкие воришки, сваливали собственную вину на других, и Бог сурово наказал обоих. За непокорность Еве пришлось заплатить дорогой ценой, ведь это стоило её мужу бессмертия и вечного пребывания в райском саду.

С этого самого момента священное писание советует мужьям никогда не слушать жён. Новый Завет предписывает женщинам молчать по крайней мере в трёх местах: «Жёны ваши в церквях да молчат, ибо не позволено им говорить, а быть в подчинении, как и закон говорит». (1Кор 14:34). История сохранила бесчисленные рассказы о том зле и всяческих неприятностях, которые может спровоцировать болтливая женщина.

В исландских родовых сагах наглядно показано, что от женских пересудов ничего хорошего не бывает. Сплетницы проболтались сыновьям Освива и Гудрун о том, куда намеревается поехать Кьяртан Олавссон — что существенно облегчило устройство засады на него и убийство. В «Саге о Сожжённом Няяле» сплетницы играют большую судьбоносную роль: они разносят сплетни по хуторам, тем самым подливая масла в огонь распри, жарко разгорающийся на страницах этой книги.

¹ Избранные главы. Перевод отрывка «Сага о названных братьях» можно найти в 51-м номере «Северного ветра».

Но ни в одной книге болтовня женщин не имеет столь основополагающего значения, как в саге о Гисли Сурссоне. Бездумно брошенные слова провоцируют ход роковых событий, при котором месть постепенно начинает жить своей собственной жизнью, а главные герои становятся игрушками судьбы и обращаются друг против друга.

Действие Саги о Гисли начинается в Норвегии, но переносится в Исландию, когда глава семейства, Торбьёрн Торкельссон, бежит туда от распрей и неприятностей вместе с семьёй. Прозвище «Сур» — «Кислый» он получил, так как спасся при помощи кислой сыворотки, когда ему грозило быть сожжённым в собственном доме. По этой сыворотке и стали именовать его детей, Торкеля, Тордис и Гисли. Они выстроили себе хутор в Сэболе — Морском жильё. Вскоре после прибытия в Исландию Торбьёрн Кислый и его жена Исгерд преставились, и хутор унаследовали их сыновья, Гисли и Торкель. В саге рассказывается об этих братьях и их шуринах — Вестейне Вестейнссоне и Торгриме Торстейнссоне и их жёнах. Эти люди были связаны между собой разнообразными узлами родства и свойства. Они решили совершить обряд побратимства, но в последний момент прекратили по причине разногласий.

Вестейн оказался сражён копьём, и Гисли в качестве отмщения убил своего зятя Торгрима. За это убийство он был приговорён к изгнанию, продлившемуся 18 лет. Гисли вместе со своей женой Ауд Вестейнсдоттир много скитался в поисках прибежища у дружественных бондов или родичей и в конце концов погиб после тяжёлого боя со своими недругами. Во второй части саги говорится об этих годах скитаний, и автор саги хвалит смекалку Гисли, позволявшую ему уходить от преследователей. История изгнанничества Гисли похожа на современный голливудский приключенческий фильм, в котором изгою всегда удаётся перехитрить стражей порядка и выбраться из каждой передрыги поистине чудесным образом.

Дюрафьордские судьбы

ГИСЛИ СУРССОН: *Гисли — главный герой в саге, темноволосый, рослый и сильный, искусный ремесленник, что называется, мастер на все руки. Гисли слыл большим умником, неплохим скальдом и неустрашимым героем.*

ТОРКЕЛЬ СУРССОН: *Брат Гисли, высокого роста, непомерной силы, красавец и щёголь. Он был лежебока и не трудился на хуторе как другие мужчины, а предпочитал нежиться в кровати дома. Братья были крайне несхожи характерами, но отлично ладили.*

ТОРДИС СУРСДОТТИР: *Сестра Гисли, красавица, очень мужественная, крутого и бурного нрава.*

АУД ВЕСТЕЙНСДОТТИР: *Супруга Гисли, сестра его побратима Вестейна. Собственных детей у них с Гисли не было, но они воспитывали приёмную дочь.*

ИНТЕРВЬЮ С ГИСЛИ СУРССОНОМ, ТОРКЕЛЕМ СУРССОНОМ, ТОРДИС СУРСДОТИР И АУД ВЕСТЕЙНСДОТТИР

ПСИХИАТР: Тордис, расскажите про ваши взаимоотношения с Гисли.

ТОРДИС: Наши судьбы всегда были сплетены вместе. Когда мы ещё жили в Норвегии, в долине Сурнадаль, у отца, ко мне повадился один молодой человек. Его звали Кольбейн², и он был весьма зажиточным. Мне нравился Кольбейн, его визиты меня радовали. Но наш отец Торбьёрн разгневался на Кольбейна и велел своим сыновьям положить конец нашим встречам, так как, по собственным словам, опасался за мою честь. Вышло так, что Гисли убил Кольбейна из-за этих визитов, а отцу сказал, что теперь раз навсегда пресёк попытки Кольбейна меня обольстить. Само убийство было весьма подлым: Гисли замахнулся на Кольбейна мечом, когда тот был неподготовлен и безоружен — и поразил его. Мне было жаль Кольбейна — но я была вынуждена подчиниться тому домогостроевскому укладу, при котором отцы распоряжаются дочерьми словно какой-нибудь скотиной. Тогда я и помыслить не могла, что моему брату предстоит убить ещё других людей, которые мне дороги.

² В саге он Кольбьёрн. (Здесь и далее прим. переводчика).

ПСИХИАТР: Расскажите о себе, Гисли.

ГИСЛИ: Я привык во всём слушаться отца и наточил клинок, когда он заявил, что опасается за честь моей сестры Тордис. Убить Кольбейна было делом нехитрым, ведь он совсем забыл про осторожность.

После лихолетья в Норвегии мы все перебрались в Исландию и обосновались на Западных фьордах в долине Хаукадаль, на хуторе Сэболь (Морское жильё). Я женился на Ауд Вестейнсдоттир, а мой брат Торкель — на женщине по имени Асгерд Торкельсдоттир. Брат Ауд, Вейстейн, был моим большим другом и побратимом. Мы с Торкелем жили в Сэболе совместно и не делили хозяйство, даром что оба были женаты. Наша сестра Тордис вышла за Торгрима, сына Торстейна Трескоеда с Торснаса. Они вместе стали жить в Сэболе, а мы с братом Торкелем — на хуторе Холь (Холм). Но эти хутора отстояли недалеко друг от друга, между нами царила дружба, и мы часто общались.

Мы с Торкелем, Вестейном и Торгримом решили побрататься, чтоб скрепить тем самым вечную дружбу. Но дело не заладилось, потому что Торгрим не пожелал иметь никаких обязательств по отношению к моему шурина Вестейну. На это я сильно рассердился, и в итоге из этого союза родичей и свойственников ничего не вышло. Расстались мы не по-доброму, и после этого я всегда недолго любил Торгрима, и меня не устраивал его брак с моей сестрой. Вскоре всё вышло из-под контроля, и между нашими хуторами вспыхнула вражда, когда Торкель рассердился и на собственную жену, и на мою супругу Ауд.

ПСИХИАТР: Торкель, на что вы так сильно рассердились?

ТОРКЕЛЬ СУРССОН: Мне больше нравилось сидеть дома, чем трудиться на сенокосе. Однажды летом в сухую погоду все мужчины ушли убирать сено, а я спал в доме у очага, как издавна привык. Тут я услышал сквозь дверь беседу моей жены Асгерд с моей свояченицей Ауд: они сидели в соседней комнате за шитьём. Асгерд попросила Ауд скроить для меня рубашку, а она ответила, что у той это получится лучше. Но Ауд ещё добавила, что, мол, Асгерд не стала бы её ни о чём просить, если б рубашка предназначалась для Вестейна, брата Ауд. На это Асгерд ответила, что любит Вестейна больше, чем меня, хотя ей так и не было суждено быть с ним вместе. А ещё она прибавила, что, мол, Ауд с Торгримом встречались, пока Ауд не выдали за Гисли. Ауд стала это отрицать и попросила Асгерд прекратить разговор. Я слышал каждое слово, дал о себе знать и заявил, что это повлечёт за собой роковые последствия — я был ужасно зол. Мне почудился в этих словах намёк на то, что моя жена Асгерд тайком ходила к Вестейну, а меня держала за дурачка. После этого я воспылил к Вестейну ненавистью, так что очень обрадовался, что план заключить побратимство сорвался. Такие разговоры женщин о нас, мужчинах, показались мне язвительной насмешкой.

ПСИХИАТР: Ауд, как вы отреагировали на эти события?

АУД: Когда я поняла, что Торкель подслушивал наши разговоры, мне стало не по себе. Часто женская болтовня не доводит до добра³. Я рассказала о случившемся Гисли, не скрывая своих опасений, что Торкель может сделать моему брату Вестейну что-нибудь плохое. Он сказал, что здесь уж ничего не поделаешь, и лучше выждать. Кажется, ему стало не по себе, когда я пересказала ему слова Асгерд насчёт того, что я, мол, встречалась с Торгримом.

ПСИХИАТР: А вы, Торкель?

ТОРКЕЛЬ: Когда вечером Асгерд собралась лечь ко мне в кровать, я прогнал её. Но мы помирились, когда она стала угрожать, что уйдёт от меня и попросит отца забрать с нашего хутора всё её имущество. Она понимала, насколько я сердит, — и всё же хотела мириться. Но мне лучше не стало. На следующую весну я решил разделить хутор с Гисли и переехать в Сэболь к моему зятю Торгриму: мне не хотелось жить под одной крышей с Ауд и её семьёй. После этого между нами — фермерами и братьями — возникла вражда, и мы, вопреки нашему давнишнему обыкновению, перестали приглашать друг друга на зимние праздники.

3 Крылатая фраза из саги приводится по переводу О.А. Смирницкой.

ПСИХИАТР: А какова была ваша реакция, Гисли?

ГИСЛИ: Я понял, что скоро произойдёт что-то судьбоносное. Вестейн приехал в Холь, хотя я просил его этого не делать. Он хотел вручить нам с братом подарки, но Торкель не захотел их принимать. В воздухе чувствовалось напряжение; могло произойти что угодно. Немногом позже Вестейн был убит ночью. Подозрение падало либо на Торгрима Торстейнсона, либо на моего брата Торкеля, но доказано ничего не было. Я был убит горем — но понимал, что мне придётся мстить за Вестейна. Немного позже, при игре в мяч, мой шуриин Торгрим сказал фрагмент висы, который можно было понять как признание, что Вестейна убил именно он. Я решил убить Торгрима и осуществил это чуть позже, во время зимнего праздника. Под покровом темноты я пришёл в Сэболь, подошёл к алькову Торгрима и моей сестры Тордис и пронзил своего шурина копьём, а потом незаметно ушёл прочь.

ПСИХИАТР: Каково вам было при этом поступке, Тордис?

ТОРДИС: Я была беременна нашим с Торгримом первенцем и в ту ночь проснулась от того, что кто-то взял меня за одну грудь холодной рукой. Сперва я подумала, что это Торгрим хочет начать любовную игру. Но потом до меня дошло, что происходит что-то страшное. У кровати стоял человек и пронзал копьём моего мужа Торгрима. Я закричала, попросила всех проснуться, потому что Торгрима убили, но после вчерашней попойки людям потребовалось много времени, чтобы встать.

Через некоторое время я вышла замуж за Бёрка, его брата, по соблюдавшемуся иногда обычаю. В назначенный срок я родила мальчика, которого назвали Торгримом, в честь отца. Немного позже, во время игры в мяч, я услышала, как Гисли сказал вису, кладущую конец всем сомнениям в том, что Торгрима убил именно он. Я вспомнила Кольбейна и его поступки и задалась вопросом, почему Гисли убивает тех, кого я люблю. На душе у меня было чудовищно, но после долгого раздумья я всё-таки решила рассказать Бёрку про эту вису, хотя и понимала, что это повлечёт за собой для Гисли и Ауд. Я не могла допустить, чтоб мой супруг Торгрим лежал неотмщённым, пусть даже речь и шла о моём брате. Разумеется, я понимала, что для Гисли это означает смерть, потому что родственники Торгрима были люди влиятельные и очень мстительные.

ПСИХИАТР: К каким последствиям это всё привело?

ГИСЛИ: За убийство Торгрима меня объявили вне закона, и началось лихое время, когда меня преследовали по всем Западным фьордам его родственники и их приспешники. Во главе их стоял мой шуриин, Бёрк Толстый. В бегстве меня сопровождали Ауд и наша приёмная дочь по имени Гудрид. Горше всего было осознавать, что моя сестра Тордис предала меня, рассказав своему мужу Бёрку, что это я убил Торгрима. Я любил Тордис, и считал, что я спас её и от Кольбейна, когда-то давно, и от Торгрима, но она расценивала это совершенно по-другому. Изгнание и сопутствующие ему отсутствие безопасности переносились нелегко. Часто я чудом спасался от наших врагов. Однажды, когда я был на волосок от гибели, я пожертвовал своим рабом, Тордом Трусливым, чтоб нам спастись. Я обманул его: дал ему синий плащ, который сам часто носил, и посадил сверху на большие сани. Он возгордился и остался очень доволен, но не догадался, что попал в западню. Мои недруги решили, что на санях сажу я, метнули в Торда копьё и убили его.

ПСИХИАТР: Как вы себя чувствовали при всём этом, Ауд?

АУД: Таковую жизнь ни одна женщина не выбрала бы добровольно, ведь Гисли пробыл в изгнании целых 18 страшных лет. Нас преследовали, гнали, нам приходилось рассчитывать на благосклонность и порядочность других людей. Дольше всего мы жили в Гейртёвсфьорде, в стеснённых условиях, а Гисли или бывал дома с нами, или прятался в каком-нибудь своём укрытии. Какую-то зиму он провёл на острове Хергильсэй в Брейдафьорде, но нигде не был в полной безопасности, а люди не смели помогать ему из страха перед гневом и местью Бёрка Толстого. Враги Гисли вечно были у нас на хвосте и даже предлагали мне немалую сумму, чтобы я выдала его им.

Наша участь была ужасна, и я часто обвиняла в нашем положении Гисли. Я задавалась вопросом, стоит ли месть таких страданий. Но я желала быть рядом с мужем во всех затруднениях и испытаниях. Больше всего мне хотелось вести с Гисли обычную жизнь, где бы мы спокойно

вели хозяйство, как все, а не были бы обречены на эти бесконечные скитания и бегства. Я понимала, что закончиться это всё может лишь одним образом.

ПСИХИАТР: А вы, Гисли?

ГИСЛИ: В изгнании мне часто приходилось нелегко, потому что я боюсь темноты, и мне было трудно оставаться одному в укрытии длинными зимними ночами. В одиночестве я слагал много стихов и беседовал с двумя женщинами, регулярно являвшимися мне во снах. Одна была настроена дружелюбно и часто давала мне всякие напутствия, а другая говорила слова, которые мне нравились гораздо меньше. Она всегда пророчила мне худое. Как-то они сказали мне, сколько зим мне ещё осталось жить. Добрая женщина дала мне советы и попросила остерегаться колдовства и чар и быть добрым к хромоту и слепому, и к тем, кто стоит ниже меня.

Я ощущал вину по отношению к Ауд и Гудрид — нашей воспитаннице, и во всех наших бедствиях винил лишь себя. Последняя зима в изгнании была самой трудной. Тогда мне во снах постоянно являлась недобрая женщина и норовила выпачкать меня кровью или умыть ею. Я стал ещё больше бояться темноты, вообще не решался оставаться один и держался вместе с Ауд и Гудрид, но это было трудно. Такая жизнь была скверной, но я убеждён, что поступил правильно, когда пронзил Торгрима копьём.

ПСИХИАТР: Как окончилось это изгнание?

АУД: В конце концов на него напали превосходящие силы противника и сразили его после героического сопротивления. Из пятнадцати атаковавших его человек Гисли убил восьмерых. Мы с Гудрид постарались по мере своих сил поддержать его в последнем бою, пустив в ход дубинки, но нам быстро пришлось оставить эти попытки. После гибели Гисли я испытала большое облегчение. В этом изгнании нам приходилось трудно, и все мы очень страдали.

ПСИХИАТР: А что стало с вами, Тордис?

ТОРДИС СУРСДОТТИР: После гибели Гисли я осталась одна. На нашего брата Торкеля напали сыновья Вестейна и убили, так что сейчас все те, кто собирался побрататься, уже были мертвы. Корень всех этих невзгод — явно в болтливости Ауд и Асгерд и реакции на неё моего брата Торкеля.

Я одновременно и любила своего брата Гисли и ненавидела. Он убил тех, кого я любила, и сам он пошёл в изгнание и погиб за мои слова. Когда вечером того дня, когда Гисли убили, Бёрк пришёл ко мне и привёл с собой Эйольва Серого, убийцу Гисли, я испытала потрясение и попыталась убить его, пронзив мечом. Но это не удалось, он получил лишь небольшую рану. После этого я сказала, что развожусь с Бёрком, и ушла от него, ведь я и помыслить не могла, чтоб жить с убийцей моего брата.

ПСИХИАТР: Ауд, а какой стала ваша жизнь после гибели Гисли?

АУД: После смерти Гисли я поехала в Данию, приняла там христианство, оттуда направилась в Рим, а в Исландию больше не вернулась. Я так и не узнала, того ли человека убил Гисли, мстя за Вестейна, моего брата, и убив Торгрима. Но стоило ли отмщение всего этого? А ещё я так и не поняла, зачем Гисли было сознаваться в этом деянии перед своей сестрой Тордис, словно он хотел дать ей решить, наказывать его или нет. Очень странно вот так убивать человека под покровом ночи, а потом украдкой сознаваться в этом убийстве его жене.

ДИАГНОЗ

Гисли Сурссон: *Диссоциальное расстройство личности (Antisocial personality disorder), смешанное тревожное и депрессивное расстройство (Mixed anxiety and depressive disorder).*

Гисли Сурссон — сложная личность, ни в коей мере не подпадающая под только один диагноз. Описывается он как человек скрытный, скромный и «рукастый», не из тех, кто выставляет свои чувства на всеобщее обозрение. Но даже если полностью принимать во внимание нравы эпохи, его поведение трудно назвать естественным. Убийство Кольбейна, ухажёра его сестры, наверно,

возможно как-то оправдать — но совершенно оно было по-подлому, исподтишка. Но когда к этому прибавилось ещё и убийство мужа Тордис — то напрашивается подозрение, что Гисли ревновал к мужчинам, наслаждавшимся ласками Тордис, и хочется выдвинуть версию о кровосмесительных наклонностях⁴. В обоих этих убийствах нет ни на грош доблести или героизма.

Убийство Торгрима Гисли объясняет тем, что он убил Вестейна, но, возможно, причины совсем другие. Он подозревал свою жену Ауд в том, что она встречалась с Торгримом, и возможно, сам был влюблён в собственную сестру Тордис, бывшую за Торгримом замужем. Так что причин убивать Торгрима у него было немало, — но само убийство совершено настолько подлым образом, что говорит о полной моральной слепоте. Гисли пронзает Торгрима копьём в его постели ночью и тайком признаётся Тордис в убийстве её мужа, предоставляя ей самой решать, карать ли его за это или нет. Судя по всему, его очень удивило, что Тордис его выдала, — но после этого пути назад уже не было.

Как и многие беспринципные люди, Гисли мерит всё по себе. Он не чувствует себя в безопасности, его постоянно мучают страх темноты и одиночество. Когда это достигает апогея, к Гисли начинают являться во снах две женщины. Обычно Гисли просыпается по утрам после беспокойного сна и читает длинные мудрёные стихи, которые приписывает этим женщинам из снов. В основном эти виси темны по смыслу: ясно, что Гисли лежал в одиночестве без сна и сочинял стихи, чтоб скоротать время и как-то подбодрить себя. В этих висах он жонглирует антитезами добра и зла, света и тьмы, счастья и злосчастья. Эти виси он вкладывает в уста женщин из своих снов, но он совершенно определённо выражает ими собственные страхи и сомнения в жизни.

Может, одна из этих женщин — его сестра Тордис, обвиняющая его в неизвестных преступлениях? Тогда это объясняет, отчего в этих так называемых снах и висах так много крови. Может, Гисли завуалированно признавался в кровосмешении? Наверно, когда-то у Гисли с Тордис был любовный союз, который тенью ложится на все их взаимоотношения.

К женщинам из сновидений Гисли относится как к живым существам, что может говорить о галлюцинациях и о том, что в одиночестве своего изгнания он начал путать воображаемое с действительным. Гисли пребывал в глубокой депрессии, на что, собственно, и указывают его мрачные виси. Ясно, что под конец он полностью утратил волю к жизни и погрузился в безнадёгу и чёрные думы.

Также Гисли как личность обладал определённым шармом, ведь его многие любили и восхищались им. Любители исландских саг всегда высоко ценят Гисли и считают его скорее жертвой злого рока, чем творцом собственной судьбы. Автор саги испытывает к Гисли глубокое сочувствие — которым и проникнуто всё описание этого героя. Талант рассказчика заключается в том, чтоб описать беспринципного убийцу так, что читатели начинают жалеть его и во всём сопереживать ему. Гисли — весьма симпатичный преступник, в груди которого бьётся сердце ребёнка.

Ауд Вестейнсдоттир: *Зависимое расстройство личности (Dependent personality disorder).*

Ауд — игрушка в руках судьбы. Она верна своему мужу Гисли и следует за ним в изгнание, навстречу невероятным трудностям и невзгодам. Непросто быть изгнанной из человеческого общества и не иметь мирного безопасного пристанища. Супругов преследуют по всем Западным фьордам и не только, и ей приходится примириться с этой непростой участью преступника. Ауд — яркий пример созависимой, верной и преданной жены, жертвующей своей жизнью ради мужа и пренебрегающей собственными потребностями. Она боготворит Гисли и всюду следует за ним.

⁴ Такое толкование этого эпизода в исландском саговедении, очевидно, восходит к трудам Хеймира Паульссона 1970-х гг. Оно упоминается в книге А.Я.Гуревича «Эдда и сага» и получает там следующую оценку: «Подобные толкования, свидетельствующие об остроумии исландского исследователя, всё же кажутся надуманными» (А.Я. Гуревич. Эдда и сага. М, Наука, 1979, с. 165; ссылки на след.труды Хеймира Паульссона: Heimir Pálsson: Icelandic Sagas and Medieval Ethics. – Medieval Scandinavia, 1974; Heimir Pálsson: 54 Death in Autumn, Tragic Elements in Early Icelandic Fiction. – Bibliography of Old Norse-Icelandic Studies, 1973).

Сам я был знаком со многими зависимыми женщинами, пожертвовавшими собственной жизнью, чтоб разделить печальную несчастливую участь мужа. Они отказывались от шансов на образование, карьеру ради того, чтоб идти вместе с мужем навстречу гибели, и при этом облегчали ему возможность испортить в своей жизни всё, что только можно.

Широко известен эпизод, в котором Эйольв Серый посулил Ауд немалую сумму, если она выдаст, где скрывается Гисли. Она попросила его ссыпать серебряные монеты в мешок, а затем так стукнула его этим мешком по носу, что кровь хлынула фонтаном. Он пришёл в ярость и велел убить Ауд, но ему помешали добрые люди.

Эту историю часто сравнивают с главой из «Саги о Ньяле» о последнем дне жизни Гуннара из Хлидаренди и поведении Халльгерд. Обычно поступок Ауд всегда хвалили, а злую Халльгерд осуждали. Но картина мира постоянно меняется, и современные люди уже смотрят на это другими глазами и воспринимают Ауд как болезненно зависимую от мужа, а про Халльгерд утверждают, что она осталась верна себе. В современную эпоху Халльгерд сочли бы сильной независимой женщиной, а Ауд — забитой домохозяйкой. Жизнь Ауд спасает то, что в своём изгнании Гисли оказывается убит, и ей удаётся уехать из Исландии, приняв христианскую веру и отправившись на юг. Она так и не вернулась в Исландию, о её жизни после отъезда ничего не известно, но, надеюсь, ей удалось обрести в жизни какое-никакое счастье.

Тордис Сурдоттир

Поставить диагноз Тордис непросто. Её жизнь окрашена в тона потрясений и горя. Взаимоотношения с братом у неё в высшей степени неестественные, Гисли наверняка подвергал её насилию. Таким образом, она жертва инцеста и демонстрирует эмоциональные реакции, характерные для подобных женщин. Её отношение к Гисли характеризуется злостью и чувством вины, любовью и ненавистью. В смерти Кольбейна и Торгрима она обвиняла себя саму.

Каждый в силах представить себе ужас беременной женщины, проснувшейся среди ночи от того, что её мужа пронзили копьём. А незадолго до того она обнаружила своего брата стоящим у кровати и щупающим её грудь. Тут она вспоминает свои прежние взаимоотношения с Гисли и осознаёт, что их общение отмечено проклятием. Он даёт ей решить, покарать ли его, и она выбирает подвергнуть его преступление огласке. После этого она следит за новостями о его многолетних скитаниях и мытарствах, пока наконец он не оказывается убит превосходящими силами врагов.

Её отношение к Гисли всегда крайне противоречиво, и когда он наконец гибнет по её вине, она решает отомстить за него. Но попытка эта беспомощна и, собственно говоря, смешна. Её брак с Бёрком Толстым явно был несчастлив: трудно вообразить себе радость на супружеском ложе при подобных обстоятельствах. Супруги явно не доверяли друг другу, и Бёрк, без сомнения, считал Тордис виновной в смерти своего брата Торгрима. Весь их брак — в сущности, прелюдия к разводу, который в конце концов и состоялся.

Хороший психолог помог бы Тордис разобраться во всех этих сложностях и соответствовать принимаемым ею решениям. Скорее всего, её главная проблема — тревога и ПТСР.

Гисли и Ауд в современном мире

В современности жизнь у Гисли была бы лучше, чем в веке саг. Он бы в полной мере проявил свою способность к ремёслам, умение и смекалку и преуспел бы на поприще строителя или прораба. Но собственная асоциальность всё равно портила бы ему жизнь, толкая на нарушение правил и законов общества и на обман клиентов. Гисли добился бы известности в мире строительного бизнеса, а небольшая книжка стихов не испортила бы его репутации.

Возможно, старое дело об инцесте с Тордис так и тянулось бы за ним и привело бы к изгнанию из общества. Может, он затворился бы от суда и молвы в своей квартире и замкнулся бы там в нищете, среди малопонятных стихов.

Его жена Ауд делила бы с ним горести и радости и жила бы в тени мужа. Супруги, несомненно, заработали бы немалые суммы и снова потеряли их, вложив в сомнительные предприятия. Ауд безоговорочно любила бы мужа, независимо от того, купается ли он в роскоши, ведёт ожесточённую борьбу с кредиторами или ударяется в бега, гонимый социумом. Ауд по окончании колледжа освоила бы уход за больными и в периоды финансовых трудностей у Гисли работала бы в доме престарелых. Она всегда верила бы в невиновность своего мужа и посвятила бы всю жизнь тому, чтоб стоять рядом с ним непоколебимо, как скала, во всех житейских бурях.

В заключение

Сага о Гисли Сурссоне, изгнаннике и скальде, всегда была любима народом. По ней был снят фильм, что с родовыми сагами происходит нечасто. Сага о Гисли напоминает современный детектив, в котором совершается убийство, и читателю остаётся теряться в догадках насчёт того, кто же настоящий преступник. Как и во многих детективах, в «Саге о Гисли» природа и ландшафт играют важную роль. Погода принимает участие в ходе событий, а автор описывает суровый климат в глухих уголках Западных фьордов. Героев выслеживают по следам на снегу и в росе, а заиндевелвшие башмаки выдают убийцу. Стоит заметить, что симпатии автора целиком на стороне Гисли и его союзников, а о его противниках отзыв весьма нелестный.

Многие сопереживали этому невезучему герою, скитающемуся по голым скалам Западных фьордов, терзаемому страхом темноты. Может, эта сага больше говорит тем, кто никогда не знал ярко озарённой электрическим светом современности и может поставить себя на место героя, который в одиночестве, в кромешном зимнем мраке перебрасывается стихами с кровожадными женщинами из сновидений. Эта сага — великая трагедия, и настоящих победителей там придётся ещё поискать. В финале саги Ауд и Тордис остаются одинокими женщинами, бросившими свою жизнь на костёр вражды и созависимости. ❖

Стихотворения из книги
«ТОРСХАВН.
стихи и очерки о Фарерских островах»

Автор: Ольга Маркелова

Nátttröll

Цветущий куст шиповника в окно —
Зеленый тощий тролль с горящим глазом.
Задумчивая ночь легла на дно,
В сырой подол, хранящий гор зерно,
Собрав дождём оброненные фразы.
Не мне речений связывать концы,
Чтоб сгинул тролль — до солнца первых копий!
Ночь сера, как туман, как сон овцы,
Застыли камни в терпкой тёплой топи...
С рассветом обернётся тролль кустом,
Зеленый остов одеревенеет.
Переступить порог он не посмеет,
Но встанет — вечный страж — у входа в дом.

19 июня 2003, Торсхавн

Kirkjubøur

Вниз с горы к селу:
горбатая старая троллиха
собрала в зеленый подол
разбросанные дома.

19 июня 2003

* * *

Горный тролль с тумана бородищею,
спрятаны дома, как крошки, в бороду...
Тяжело влюбленному да нищему
дó свету вставать в зеленом городе...
2 июля 2003, Торсхавн

* * *

Рухнул столб.
Померкло пламя.
— Бог изменил человеку.

.....

10 января 2003, Eugarbakki (Исландия)

* * *

И звездная буря над городом снилась
За мшистой оградой покоя...
Я в сердце ношу скандинавскую сырость.
Она изойдет — лишь с душою.

10 января 2003, Eugarbakki (Исландия)

Книжку можно скачать
здесь:

Шамир АЛКАМЯН

Мегингьёрд

Драупнир плачет,
и Фрейя рыдает,
стекают у каждого
капли из золота,
у богини по Одду —
любимому мужу,
который покинул,
оставил любовь
в тоске и печали.
От кольца ещё ж восемь
колец создаётся
на каждый девятый
день наступивший.

Из колец Драупнира
опоясавшись поясом,
станет любой
неуязвимым,
а из пролитых капель
золотых Фрейи слёз,
из глаз, из которых
проливались они
от боли и гнева,
женской обиды,
опоясавшись поясом,
станет сильнейший
сильнее вдвойне,
вырастут силы
в двукратном объёме.

Так и сковали
из слёз и колец
Драупнира и Фрейи
пояс из золота,
Мегингьёрдом назвали
и Тору вручили,
сокрушителю Турсов,
чтоб кожа его,
как шкура оленя:
не пробить её было;
а сила его,
как сила медведя:
была разрушительна;
перед боем последним
чтоб был он готов,
пред Рагнарёком,
Мидгарда защитник.

Алексей ГОНДАРЕВ

Иллюстрации: Роман МИЗЮЛИН

Невеста Трюма¹

— Локи, он пропал, его нигде нет!¹

На пороге покоев Локи стоял испуганный Тор. Испуганный и растерянный. Локи никогда не видел друга таким, он даже представить не мог, что Тор может быть таким потерянным.

— Кто пропал, молоторукий?

— Вот он и пропал, молот, Мьельнир, я проснулся, а его нет нигде. Я вечером его оставил у кровати, утром проснулся, а его нет! Локи, что делать-то? Я же без него, как без рук! Мне без него нельзя!

— Подожди паниковать! Найдём мы твой молот. Не под землю же он провалился. Ты тут тихонечко посиди пока, никому ничего не рассказывай, я всё выясню.

Мьельнир — так звался он, «дробитель», выкованный в пламени Свартальвхейма руками двергов, тех хитрых мастеров, чьи пальцы танцевали с металлом, как пауки с паутиной судеб.

Дверги Брок и Эйтри, пылая яростью, взяли молот и наковальню, и в пламени, питаемом дыханием вулканов, родился Мьельнир, тяжёлый, как гора, что рухнула с небес, с рукоятью, укороченной из-за проделок Локи, превратившегося в муху, чтобы помешать ковке.

Мьельнир был не просто оружием, он был сердцем бури, живым дыханием хаоса, укрощённым в металле. Его голова, выкованная из чистого железа, сияла рунами, что шептали заклинания разрушения, а рукоять, обвитая кожей неведомого зверя, теплилась жаром, способным опалить ладони смертных. Когда Тор сжимал его в перчатках Ярнгрейпр, молот отзывался, как верный пёс, возвращаясь в руку после броска, пролетая через воздух с воем, подобным вою волков Одина. Он дробил скалы, разил великанов одним ударом, и где падал он, там расцветали молнии, а земля дрожала, как в судорогах землетрясений. Но Мьельнир был не только разрушителем: в руках Тора он освящал браки, благословлял поля и пиры, его удар мог пробудить плодородие в мёртвой почве или изгнать тени из тёмных углов.

Тор, лишившийся молота, был подобен дракону без зубов — его сила угасала, а Асгард трепетал от страха перед нашествием великанов. Мьельнир — это не просто оружие, это душа Тора, выкованная в огне и закалённая в бурях, символ вечной борьбы между порядком и хаосом, где каждый удар эхом отдаётся в девяти мирах, напоминая, что сила без мудрости — лишь гром в пустоте, а с ней — молния, что освещает путь сквозь тьму.

Все это молнией пролетело в голове Локи, он вскочил и помчал, как ветер, но далеко убежать не успел. Сразу же, за порогом, столкнулся с Фрейей, чуть с ног деву не сбил.

— Ой, Фрейечка, лапушка, а я как раз к тебе бегу. Только ты можешь в нашей новой беде помочь! Дай мне скорее свой плащ волшебный, что в сокола превращает.

— Размечтался, — Фрейя развернулась уходить. Ей нисколько не интересно было слушать, что там этот рыжий враль придумал.

¹ Глава из книги «Старые сказки» <https://gondarevaa-nkgbs.wordpress.com/wp-content/uploads/2026/03/d0a1d182d-0b0d180d18bd0b5-d181d0bad0b0d0b7d0bad0b8.pdf>

Локи обогнал Фрейю, встал перед ней, перегородив дорогу. И без всяких своих обычных ужимок и ухмылок, очень серьёзно сказал:

— У Тора молот украли. Нужно найти и вернуть, иначе беда случится –если кто-то смог унести, то сможет и использовать, а это крайне опасно, это угроза всем нам, и серьёзная угроза.

Фрейя так же серьёзно выслушала Локи и сказала лишь:

— Сейчас принесу. Как пользоваться, знаешь?

Локи потупился. Он уже пользовался плащом Фрейи и не всегда её разрешения спрашивал.

Локи ни минуты не раздумывал, куда ему лететь — в ту самую корчму на торжище у пещер Свартальвхейма. Нет, он не думал, что молот спёрли дверги, у них отваги не хватит, а вот всё, что может обрасти слухами, стечётся в корчму. Кто-то проболтается.

Вышло еще лучше. В корчме, пропахшей элем и дымом, где дверги шептались о рунах, а путники хвастались добычей, Локи потребовал себе эля, бросил в уплату полушку дирхама, но успел отхлебнуть только самый первый глоток. Локи поперхнулся от могучего удара по плечу. За его спиной, ухмыляясь, стоял здоровенный верзила-великан.

— Сдается мне, парень, ты прямиком из Асгарда? Я — Трюм, и у меня для твоих хозяев послание.

— Они не хозяева мне, мы равны. От кого у тебя послание и о чем?

— Послание у меня от меня самого. Я, могучий и хитрейший Трюм, украл у Тора-крушителя его игрушку, молоток, которым он стучит по головам честным йотунам. Я спрятал его на восемь миль

под землей так, что его никто никогда не найдёт, если только я сам его не отдам.

— Ты зачем это сделал, убогий? — Локи схватился за голову. Великан только не лопался от собственной важности, было ясно, что это не просто шутка, а хитрый план.

— Я готов буду отдать Тору его молот, но не бесплатно. Я требую взамен Фрейю, из ванов, себе в жены. Иначе вы не получите обратно свой молот, и тогда Асгард будет разрушен полчищами йотунов, что придут отомстить вам за ваши злодеяния и козни! А я, женившись на Фрейе, породнюсь с богами, мне будут оказывать те же почести, приносить жертвенное мясо и много-много бесплатного эля. Все будут говорить — смотрите, это Трюм-злокозненный, он сумел заставить богов поступить по-своему.

— Да что ж вам, великанам, так далась эта Фрейя, и с чего вы взяли, что её можно к замужеству принудить? — Локи понимал, что взывать к разуму Трюма бесполезно, не много в этой каменной голове мозгов, но попробовать-то стоило. — Ведь ты не первый, кто такого хочет, и в прошлый раз у просителя ничего хорошего не вышло.

— В прошлый раз вы обманули бедного строителя со сроками строительства стены и, как я слышал, ты в этом поучаствовал. Да, мамочка? —Трюм, хохоча, грохнул кулаком по столу так, что кубки с элем подпрыгнули. — А теперь у меня есть залог, а не пустые слова. Иди, спроси своих хозяев, что они мне ответят.

— Да не хозяева они мне! — Локи встал, собираясь уходить. Этот Трюм взбесил его своими насмешками, и Локи решил, что всё сделает, чтобы вору этого не спустить.

В покоях Гладсхейм в Асгарде асы и ваны собрались на совет. Уже не было необходимости скрывать происшедшее, вдвоём с Тором Локи не решил бы эту задачу. Боги выслушали посланника Трюма. Локи, рассказывая о требованиях великана, был необычайно лаконичен и серьёзен, и этим настроением прониклись все участники тинга.

— Восемь миль в глубину — это много? — Тор барабанил пальцами по подлокотнику своего трона, пытаясь найти решение.

Ему никто не ответил. Всем было ясно, что главное — не только, как глубоко, а где именно.

— Придется выдавать Фрейю замуж за Трюма, — сказал мрачно Один.

— Ага, сейчас. Побежала свадебные наряды примерять. Жила я раньше без этого молотка и дальше проживу, — Фрейя понимала важность момента, но идти под венец с каменным нечесаным великаном явно не собиралась. — Вы что удумали? Каждый раз меня под всяких проходимцев подкладывает, когда вам что-то надо! Я вам что, разменная медяшка?

Фрейя распалась все сильнее, вокруг нее клубился туман, а ее ожерелье, Брисингамен, посверкивало огненными сполохами.

— Наряды... А ведь это мысль, — Хеймдалль расплылся в улыбке. — Вот что мы сделаем...

Когда Тор услышал план Хеймдалля, он поначалу даже не нашёлся, что ответить. Только покраснел, как варёный рак, и только что и мог, что раздуть щёки, будто ему воздуха не хватало. Но тут вмешался Один, он — и сам большой хитрец — по достоинству оценил красоту предложенной Стражем игры. И начались приготовления.

Под сводами Асгарда, где стены Гладсхейма отражали звон кубков и хохот богов, Тор стоял, облачённый в свадебное платье. Его мощная фигура, подобная дубу, вырванному с корнем бурями Мидгарда, казалась нелепо стиснутой в тонком платье Фрейи, сотканном из шёлков Ванасхейма, оно переливалось золотом и серебром, как утренний иней под солнцем. Платье, длинное и струящееся, облегло его широкие плечи, но не могло скрыть мускулов, напряжённых от сдерживаемого гнева. На груди Тора сияло ожерелье Брисингамен, выкованное дворгами, — четыре золотых звена, горящих, как звёзды, сплетённые с рунами любви и магии. Его рыжая борода, обычно пылающая, как закат, была укрыта вуалью из тончайшего льна, прозрачной, как туман над рекой Гьёлль, но не способной полностью скрыть его лицо. Пояс с ключами, символ женской роли в хозяйстве, висел на талии, позвякивая при каждом шаге, словно насмехаясь над громовержцем. Под платьем, скрытый от глаз, был его пояс силы Мегингьёрд, туго затянутый, чтобы поддерживать дух Тора, и железные перчатки Ярнрейпр, спрятанные под длинными рукавами, готовые в любой момент схватить Мьельнир.

Выражение лица Тора было мрачным, как небо перед грозой. Его голубые глаза, обычно сверкающие молниями, пылали раздражением, смешанным с унижением, — он, Убийца великанов, был вынужден играть роль невесты. Губы, сжатые под вуалью, дрожали от едва сдерживаемого гнева, а брови, густые, как леса Йотунхейма, хмурились, выдавая его желание скорее врезать тому, кто подвернётся, кулаком, чем притворяться Фрейей. Но в глубине его взгляда мелькала искра решимости: он готов был пройти через это поношение, лишь бы вернуть свой Мьельнир.

Рядом, в роли служанки невесты, стоял Локи, облачённый в простое платье из серого льна, сшитое наспех, но с изяществом, подчёркивающим его гибкую фигуру. Его наряд был скромнее, с длинным передником и платком, завязанным на голове, скрывающим его огненно-рыжие волосы. Локи украсил себя бронзовыми браслетами, звенящими при движении, и тонкой цепочкой на шее, чтобы подчеркнуть женский образ, но его движения оставались ловкими, как у лиса,

крадущегося по следу. Лицо Локи сияло коварной усмешкой, глаза — зелёные, как яд змеи, искрились весельем и предвкушением. Его тонкие губы изгибались в полуулыбке, выдавая удовольствие от приключения, в котором ему доведётся поучаствовать. Локи наслаждался абсурдом ситуации, его взгляд то и дело скользил к Тору, словно проверяя, не сорвётся ли громовержец раньше времени.

— Как я мог на это согласиться? — Тор смотрел на себя в большом серебряном зеркале, поворачиваясь из стороны в сторону. Это же несмысленный позор — облачиться в женское платье, — меня же тролли засмеют.

— Тебе твой молот нужен? Вот и выкручивайся, — Фрейя откровенно смеялась, глядя на «себя».

К слову, смеялась не только Фрейя, покатывались все, кто был в Гладсхейме, не сдерживаясь и до слёз. После того как Хеймдалль рассказал о том, что он придумал: согласиться для виду с требованиями Трюма, но вместо Фрейи подsunуть ему обряженного невестой Тора, — Тор устроил такой скандал, что от его воплей раскололась каменная плита, а стены пошли трещинами.

Но тут вмешался Локи, который решил часть этого позора взять на себя, представившись служанкой невесты. Прозорливый хитрец понимал, что отпускать Тора одного нельзя — не сдюжит он сыграть свою роль до конца, ему помощник нужен, а кто лучше пособит, чем он, Локи?

Вот и послали слуг к сундукам за одеяниями.

Колесница Тора, выкованная в Свартальвхейме, была массивной, как скала, но лёгкой, как ветер, благодаря магии dwarves. Её

деревянные борта, покрытые резьбой в виде молний и рун, сверкали бронзовыми заклёпками, а колёса, обитые железом, гремели, как гром, предвещая ярость Тора. Два козла, Таннгриснир и Таннгнестр, с рогами, закрученными, как спирали судьбы, мчали колесницу с такой силой, что искры летели из-под копыт, а земля дрожала, как при землетрясении. Из-под козлиных копыт летели искры, их поступь вызывала оползни и дробила камни в песок. Гром и молнии сопровождали колесницу, раздвигая пространство перед ней.

Ветер хлестал вуаль Тора, заставляя её трепетать, как парус в бурю, и обнажая его бороду, что только усиливало его раздражение. Он сжимал поводья, его пальцы в перчатках напрягались, словно готовясь к бою, а взгляд был устремлён вперёд, к чертогам Трюма, где ждал его молот. Локи, сидя рядом, болтал ногами, словно невинная девица, но его глаза перебегали с Тора на дорогу, выискивая малейшую возможность для шуток или спасения, если обман раскроется. Локи изо всех сил старался не смеяться, но, казалось, что он в голове складывает вису, которую точно никогда не споёт Тору.

Пейзаж вокруг мчался мимо, как сон: леса Йотунхейма, тёмные и угрюмые, сменялись скалами, острыми, как клыки Фенрира, а реки сверкали под холодным солнцем. Небо над ними было серым, с тяжёлыми тучами, словно предчувствуя гнев Тора, который вот-вот вырвется, как молния из клетки. Колесница гремела, козлы ревели, а две «девы», одна в ярости, другая в предвкушении приключений, неслись к жениху, где обман должен был обернуться триумфом, а позор — победой. Их путь был подобен блеску молнии, и в этом грохоте уже звенела песнь Мьельнира, ждущего своего хозяина.

Трюм собрал на свадьбу всю свою родню. Великаны и йотуны толпились в огромном зале, где хозяин расставил столы для праздничного пиршества. Столы ломились от мяса быков, жаренных целыми тушами, рыбы, что вылавливались в море целыми косяками, от бочонков мёда и эля.

— Я, Трюм, могучий и хитрейший, владелец здешних земель, приветствую прекрасную Фрейю, невесту мою, и приглашаю вкусить угощений моих, — хозяин взмахнул рукой, приглашая «Фрейю» за свой стол.

Но невеста через служанку потребовала себе стол отдельный, сославшись на обычаи своего народа. Трюм было возмутился, он собирался потискать её под столом, но «Фрейя» так на него глянула, что жених спорить не стал — ещё успеется. Невеста, поддернув юбку, уселась на широкую лавку, подтянула к себе блюдо с тушей быка. Приподняв вуаль, принялась методично освобождать кости от мяса, засовывая их в рот огромными кусками, и запивала их мёдом. Бык закончился очень быстро, а служанка откатила от стола пустой бочонок.

Трюм смотрел на это всё в недоумении — суженая подтянула к себе блюдо с лососями и пальцем приказала открыть следующую бочку с мёдом и налить ей в кубок. Гостям же, которые тоже хотели бы в пиршестве поучаствовать, еды оставалось всё меньше. Трюм подозвал к себе её служанку:

— Скажи мне, любезная, твоя хозяйка всегда так много ест? Она съела целого быка, выпила уже три бочки мёда и доедает восьмого лосося. Я опасаюсь, что не прокормлю её с таким аппетитом.

— Так она ведь не ела восемь дней, пока ждала этой свадьбы! — ответила «служанка». — Так извелась, что ей кусок в горло не лез!

— А отчего она такими страшными глазами на меня зыркает из-под вуали?

— Они не страшные, прекрасные у неё глаза. Не спала Фрейя восемь ночей, томилась в предвкушении первой ночи с тобой, могучий Трюм.

— Ну так не будем же более откладывать! — Трюм вскочил на ноги. — Раз уж пир окончен (многочисленная родня и гости Трюма при этих словах хозяина загрустили), давайте же освятим этот брак молотом самого Тора! Принесите же его скорей!

Восемь горных троллей, сгибаясь под неподъёмной тяжестью Мьельнира, внесли его и, по знаку хозяина, положили его «невесте» на колени. Та, отбросив мешающий длинный рукав платья, крепко ухватила рукоять... латной перчаткой. Другой рукой откинула вуаль, и на Трюма оскалилась в улыбке счастливейшая бородатая физиономия Тора:

— Ну что, женишок, иди ко мне. Я тебя поцелую.

Трюм начал подозревать, что в его плане что-то пошло не так. Он оглянулся на служанку, но встретил во все зубы ухмыляющегося Локи. Заоглядывался на родню, ища поддержки, но гости дорогие, наконец дорвавшиеся до еды, которую перестал поглощать Тор, не обратили внимания на внезапно установившуюся тишину за хозяйским столом. Они, громко чавкая, обгладывали кости и жадно глотали мёд и эль.

Тор решил, что самое время овдоветь, и без лишних слов отомстил за позор своей женской доли. Потом еще раз отомстил, потом еще раз. Только с пятого удара каменный череп Трюма треснул, и только тогда до гостей дошло, что свадьба идет как-то неправильно.

Они вскочили на ноги и, мешая друг другу, кинулись к обидчику родича. Тор, как мог, отбивался молотом, но великанов и троллей было столько,

что он стал опасаться, что массой тел задавят. Тор махал вновь обретенным молотом, трупы йотунов валились во все стороны. Тор изрядно проредил трюмово семейство, но уж очень много родичей тот позвал на свадьбу.

— Тор, дружище, с такой толпой да в тесном помещении даже ты не сдюжишь, — Локи стал пробираться к выходу, перескакивая через трупы и уворачиваясь от свистящего над головой молота.

Тор поскользнулся в луже черной крови, огляделся, оценил поле битвы и вынужден был согласиться.

— Локи, где мои козлики?! Валим отсюда! Я этих потом в чистом поле загоняю, — парой ударов пробил себе и другу дорогу к выходу, во дворе вскочили в колесницу и, нахлестывая козлов, с треском и блеском отбыли восвояси, оставив за спиной воющую и рычащую свору великанов. И, срывая с себя женские одежды, помчали, как молния, до самого Асгарда. ❖

АРТ

Лив и Ливтрасир ▲

Художник:
Алина ПЕТРОВА (СИГРИД) ©